



«Богоматерь Египетская»

Невьянская икона, написанная в 1734 году



Мужской монастырь преподобного Трифона. Вятка. Фото 1910-1912 гг.



Успенский Трифонов монастырь. Апрель. 1995 г.



Успенский собор. Июнь. 1997 г.

Фото Тамары Рыловой.

Редакция:
Герман ИВАНОВ
(главный редактор),
Юний ГОРБУНОВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ,
Анна КОСТРИКОВА
(художественный редактор),
Леонид ШУНЯЕВ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Виктор АСТАФЬЕВ,
Кир БУЛЫЧЁВ
Владислав КРАПИВИН,
Станислав МЕШАВКИН,
Николай ЧИКОНОВ,
Олег ПОСКРЁБЫШЕВ,
Геннадий ПРАШКЕВИЧ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

Компьютерная вёрстка:
Анна КОСТРИКОВА,
Эдуард КИСЕЛЁВ

Адрес редакции:
620142, Екатеринбург,
ул. Декабристов, 67
Телефон редакции:
(3432) 224-501

Рукописи принимаются
перепечатанными
на машинке через 2 интервала,
60 знаков в строке,
28-30 строк на странице.
Материалы на дискетах
рассматриваются
в первую очередь.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

По вопросам подписки и доставки
обращаться в районные отделения
«Россвязьинформа».

Бракованные экземпляры
отправлять в ФГУИПП
«Уральский рабочий».

Рег. № 441 от 13.12.90
Подписано к печати 18.02.99
Формат бумаги 84x108/16.
Бумага газетная
Печать офсетная.
Усл.печ.л. 8,4.
Уч.-изд.л. 18,6.
Усл.кр.-отт. 8,4.
Тираж 2 200
Заказ № 1206.
Все претензии по ошибкам в тексте
предъявлять редакции журнала
«Уральский следопыт»
Отпечатано с готовых оригинал-макетов
в Верхнепышминской типографии
г. В. Пышма, ул. Кривоусова, 11.

Фото на 1-й и 4-й страницах обложки
Игоря ПОДЫСОЦКОГО.

© «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», 1999 г.

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ



В номере: 2 '99

«Туринские задумки» Бажова
Юрий КЛЮШНИКОВ ----- 2

«1103-й» просит посадку
Александр ШУСТИКОВ ----- 5

Краеведческая копилка ----- 24

Поэзия. «Под маленьким солнцем...»
Леонид ЁРКИН ----- 26

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»

Винтерфилд
Наталья ИПАТОВА ----- 27

Заочный КЛФ ----- 55

Павленковская библиотека ----- 57

На краю астроблемы
Сергей ГРЖЕБИНСКИЙ ----- 58

Невьянская икона: от истоков к закату
Лидия РЯЗАНОВА, Юрий РЯЗАНОВ ----- 62

Чёрный
А. ПОНОМАРЁВ ----- 69

Шахматный пилигрим ----- 71

Научное кино Урала
Борис ЕВСЕЕВ ----- 73

Пираты Гаттилузио
Ольга КОЛОТОВА ----- 79

Адрес в Интернете: <http://uralstalker.ekaterinburg.com/>

УралРелком

УЧРЕДИТЕЛИ –
СОЮЗ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ,
ТРУДОВОЙ
КОЛЛЕКТИВ
ЖУРНАЛА

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1935 ГОДУ.

ВОЗОБНОВЛЕН
В 1958 ГОДУ.



Юрий КЛЮШНИКОВ

«ТУРИНСКИЕ ЗАДУМКИ» БАЖОВА

В музее истории туринской районной газеты «Заря» хранится уникальная фотография участников районного совещания селькоров «Крестьянской газеты» в Туринске 25 декабря 1926 года. Проводил это совещание создатель уральских сказов «Малахитовая шкатулка» Павел Петрович Бажов.

Интерес сказителя к туринскому краю не случаен. Вот как это объясняет он сам: «В дореволюционное время я свыше десятка лет довольно пристально и не совсем бессистемно присматривался к жизни уральской деревни... Особенно же интересовался деревней северо-восточной части бывшей Пермской и западной части бывшей Тобольской губернии (направление Ирбит-Туринск-Тавда-Тобольск)».

«Во время революции и гражданской войны, — продолжает Бажов, — мне приходилось работать преимущественно в сельскохозяйственных районах Восточного Зауралья и Западной Сибири. С 1928 по 1931 год я работал в областной «Крестьянской газете» на таком интересном участке, как заведование отделом крестьянских писем. При этом редакция давала мне длительные командировки по деревням той части области, которая мне была более других известна (ирбитско-туринское направление и Восточное Зауралье)...»

Кроме того, мы знаем: в гражданскую большевик-подпольщик, создатель газеты «Окопная правда» Бахеев (такова была подпольная фамилия Бажова) воевал с колчаковцами на территории бывшего Туринского уезда. Странствия по туринским деревням в качестве корреспондента «Крестьянской газеты» обогатили журналистскую память будущего писателя материалом о становлении нового уклада жизни. Копилку жизненных впечатлений пополнили воспоминания друзей и соратников, которых было у него немало в туринском крае.

В истории Туринска Павла Петровича, по собственным словам писателя, привлекали «особенности колонизации, положение политссыльных и своеобразные формы эксплуатации бедноты и нацмен-населения». Имелись выписки из старых документов, материал по экономической характеристике Туринского района в 60-х годах прошлого столетия. Правда, Бажов сожалел об утрате в Гражданскую нескольких папок с фольклорными записями революционной поры.

В 1935 году Павел Петрович даже хотел написать очерк о Туринском районе для сборника «История деревни», который собиралось выпустить Свердловское книжное издательство. «Здесь, — уточняет он, — я мог бы в первую очередь назвать Туринский район в его старых границах. Это древнейший путь на Сибирь, государственные мельницы времен царя Алексея, ужасы колонизационной политики, «бунт самояды», жестоко подавленный в 1743 году, декабристы, туринское восстание 1919 года, кулацкое восстание 1921 года, колхоз имени убитого пионера Павлика Морозова, северные сукноделы и современное развертывание лесопромышленности». К сожалению, этот замысел не осуществился по независящим от Бажова причинам.

Но кое-что из задуманного Павел Петрович сумел-таки написать и опубликовать. Так, 21 августа 1928 года в «Крестьянской газете» появилась бажовская публикация «По туринским полям» за подписью «Ирбитский». В 1929 году в той же газете опубликован бажовский очерк «Туринское восстание», написанный по воспоминаниям живых участников — П.А. Карькова и Е.Н. Шевелёва. Частично использована рукопись Н. Чикунова.

В «Крестьянской газете» двадцатых годов можно найти немало туринских заметок, писем селькоров. Все они прошли через руки «колдуна ураль-



ского, бородатого» (выражение Демьяна Бедного), согреты его вниманием, раздумьями, несут на себе следы его редакционной правки. Собрав все это в отдельную папку, он намеревался в дальнейшем использовать этот материал в своих очерках. О чем эти заметки? Принято самообложение на школы, пожарное и дорожное дело, агрокультурные мероприятия. Крестьяне села Усениново строят паровую мельницу. В день 8 марта 1928 года женщины Туринского района организовали красные обозы с хлебом государству...

Знакомство сказителя с историей туринского края обнаруживают и знаменитые бажовские сказы. В очерке «У старого рудника» есть упоминание о летней тропе для верховой езды, пролежавшей в XVII столетии «из Туринска... через Катайский острог на Уфу по западной стороне Урала, пересечкой его подле Азовской горы». Этот факт сказитель Колдунов (псевдоним автора) использовал в работе над сказом про «девку Азовку» и клады Азов-горы («Дорогое имячко»). Ведом был Бажову и путь Ермаковой дружины по речке Туре мимо Епанчин-юрта (впоследствии там вырос Туринский острог), что подтверждают подготовительные материалы к сказу «Ермаковы лебеди».

Заботился Бажов о туринских селькорах и молодых литературных дарованиях. Вспоминает Виктор Иванович Рыбин из деревни Рытач (на фотографии селькоров «Крестьянской газеты» он сидит во втором ряду, второй слева). «До того, как Павел Петрович пригласил меня писать в областные газеты, у нас были неоднократные личные встречи. Я рассказал ему о моей первой заметке в 1922 году в стенгазету пехотных Николаевских курсов, где и учился. О том, как после моей заметки в Тюменской губернской газете о пьянстве, фельдшера пьяницу сняли с работы. Оказывается, знал Бажов, что, находясь на учебе в Свердловской совпартшколе, я редактировал там стенную и устную газеты, был заместителем редактора многотиражки «Уральский совпартшколец». Узнав, что я пишу рассказы, Павел Петрович помог мне отредактировать мои рассказы «Так рассудили старички» и «Ссора». Оба рассказа были напечатаны в журнале «Товарищ Терентий», где Бажов редактировал рукописи начинающих авторов. Бажовская школа литератора была строгой, но и доброжелательной. Взыскательной, но и внимательной. Личный пример бажовского трудолюбия всегда стоял у меня перед глазами... Гордился и горжусь, что был учеником замечательного уральского писателя».

Большая личная дружба связывала Павла Петровича с П.Карьковым из деревни Малая Камышенка Туринского района. Они подружились во время совместной работы в областной «Крестьянской газете», газете «Колхозный путь» и Свердловском отделении Гослестехиздата. К той поре за плечами Петра Абрамовича была царская армия, руководство партизанским отрядом в туринском селе Дымково во время Гражданской войны. И поскольку Бажов тоже боролся за советскую власть в Западной Сибири, куда относился в те годы Туринский уезд, это обстоятельство помогло их сближению. Павел Петрович научил камышенского газетчика искусству отбирать слова, отличать слово «звучащее» от слова «начертательного». Дорожил успехами своего подопечного. В личной библиотеке писателя хранилась книга Карькова «В корабельном лесу» — о восстановлении и пуске сгоревшего Лобвинского завода («Уралгиз», 1932 г.) и номер журнала «Известия Уральского областного исполнительного комитета» за 1931 год со статьей Петра Абрамовича «Упущенное зимой — наверстать летом».

Часто бывал Карьков в гостях у Павла Петровича. В семейном альбоме Бажова сохранилось фото сотрудников «Крестьянской газеты»: в центре П.П. Бажов, внизу у его ног сидит П.А. Карьков. О Карькове упоминает дочь писателя Ариадна Павловна в своей книге об отце «Дом на углу». Когда Карьков уходил с должности заведующего Свердловским отделением Гослестехиздата на другую работу в октябре 1935 года, Бажов писал ему производственную характеристику. Этот документ, что хранила у себя вдова Карькова — Нина Леонидовна Зверева, публикуется впервые.

«Работая с т. КАРЬКОВЫМ П.А. в течение ряда лет, сначала в газете «Колхозный путь», а потом в Свердловском Отделении Гослестехиздата с основания последнего, мы — нижеподписавшиеся — считаем возможным дать такую оценку т. Карькова, как хозяйственника.»

При известной доле горячности и некоторой невидержанности Карьков П.А. является очень хорошим и преданным делу хозяйственником и очень напористым работником, умеющим поставить вопрос твердо, постоянно следить за выполнением, крепко отстаивать свое мнение при любом противодействии и доводить начатое до конца.»

Эти качества позволили т. Карькову, начав с 12 тысяч рублей, без всякой дотации развернуть дело Свердловского Отделения Гослесте-



хиздата так, что оно стало доходным и общая ценность его повысилась до 210 тысяч рублей, не считая приобретенного в Свердловске дома, где теперь размещается Отделение Гослестехиздата и частично квартируют сотрудники.

Эта работа, по нашему мнению, достаточно говорит, что тов. КАРЬКОВ П.А. является ценным хозяйственником. С должности Заведующего Отделением т. Карьков ушел по собственному желанию, как это отмечено в приказе Заведующего Гослестехиздатом.

Бывший Главред и Парторг при Свердловском Отделении Гослестехиздата Велин.

Редактор организатор Павел Бажов (партикулет 0584377).

25 октября 1935 года».

Бажов не изменил дружбе с туринским корреспондентом «Крестьянской газеты» даже в пору нелегких испытаний. В период сталинского террора от писателя требовалось немало мужества, чтобы поддерживать человека, который резкой критикой против безудержного восхваления роли

партии в произведениях литературы, осуждением перекосов коллективизации и раскулачивания восстановил против себя сталинистов — приверженцев жестоких мер. Позднее Карькова расстреляют.

Остается еще одна загадка. Сотрудник Дома-музея П.П. Бажова Маргарита Николаевна Бакулина при разборке фондов дома-музея обнаружила газетную вырезку бажовской заметки «Туринское восстание» — очевидно, первый вариант публикации. В этой вырезке рукой П.П. Бажова сделаны правки: из фразы «по воспоминаниям живых участников восстания» вычеркнуты фамилии этих участников — П.А. Карькова и Е.Н. Шевелёва. Убрано и упоминание о рукописи Н. Чикунова. Почему Павел Петрович вычеркнул эти фамилии? Может, ему «посоветовали свыше» не касаться в публикации лиц, «неблагонадежных» в глазах «высшего начальства»? Или он хотел уберечь их от неприятностей, связанных с этой публикацией? Ответ мы не знаем и вряд ли теперь узнаем.



Районное совещание селькоров «Крестьянской газеты» 25 декабря 1926 года в Туринске.



ДЕТЕКТИВ «УС»



Александр ШУСТИКОВ

«1103 – Й»

ПРОСИТ ПОСАДКУ

Повесть





1

Глава областной администрации Альберт Юрьевич Кротов, раздосадованный телефонным разговором с Президентом, с силой вдавил в стол кнопку вызова секретаря. И мгновенно на пороге кабинета выросла стройная фигурка.

— Наталия Александровна. Где Шаров? Почему его вечно нет на месте?..

— Он на объекте, Альберт Юрьевич, — последовал незамедлительный ответ.

— А поточнее можно?!

— В Холмском районе. На поисках самолета.

— Самолет... Ох уж этот самолет..., — Кротов побарабанил пальцами по столешнице. — Найдите его немедленно!.. И пусть свяжется со мной!

Кротов проводил взглядом женщину и, повернувшись вместе с креслом, открыл дверцу бара. Плеснул из початой бутылки в пузатую рюмку порцию коньяка и выпил одним большим глотком.

Альберт Юрьевич был раздражен: скоро выборы, а тут неприязнь на неприязности. Мало того, что позавчера он не сдержался при беседе с газетчиками и похвалил коммунистов, так еще этот чертов самолет, который не могут найти уже третью неделю. Дьявол бы побрал этого Шарова вместе с его службой! Ни капли не умеют работать, да и не хотят! Тоже мне: «демократы»...

Запищал зуммер телефона.

— Да, — подняв трубку, устало-наигранным голосом произнес Кротов.

— Господин Шаров на связи, Альберт Юрьевич, — послышался голос секретаря. — Соединить?

— Давай, — разрешил Кротов.

— Шаров слушает, — откуда-то издали донесся чуть хриловатый голос начальника областной службы МЧС.

— Вениамин Анатольевич, — с «металлом» в голосе начал Кротов, — жду сегодняшней доклад по самолету...

— Обрадовать ничем не могу, Альберт Юрьевич... Результатов никаких.

— А когда же будут результаты?! Вы помните, какое сегодня число? — «накручивая» себя, прошипел в трубку Кротов.

— Да, — недовольно донеслось в ответ. — Двадцать второе...

— Именно! Третья неделя! Вы что: до весны искать будете?!

— Но, Альберт Юрьевич, — оправдывался Шаров. — Сильные снегопады. Метели почти ежедневно. Люди с ног валяются. Мы же не нарочно затягиваем поиски.

— М-да-а, — с глубоким вздохом протянул Кротов. — Что-то, а искать вы любите... Мне — слышите вы меня? — звонил «Первый». Сам! К концу недели надо найти. Через два дня! Это последний срок.

— Но, Альберт Юрьевич...

— Никаких «но», Вениамин Анатольевич. Через два дня чтобы был результат. Вам все понятно?

— Но, — опять раздалось в трубке.

— Вам все понятно? — опять перебил собеседника Кротов.

— Да, — устало и без надежды на сочувствие проговорил Шаров.

— Тогда: все! Желаю успеха.

Кротов, удовлетворенный разговором, поднялся с кресла, прошелся по кабинету, лукаво подмигнул портрету Президента и сказал:

— Все будет «о'кэй», командир. К субботе самолет найдут...

2

Шаров докурив сигарету, отбросил окурки в снег и поднялся в салон штабного вертолета. Тронул радиста за плечо и попросил:

— Коля, дорогой, свяжи меня с «двойкой».

— Бу сде, Вениамин Анатольевич, — с готовностью откликнулся радист и поднес микрофон к губам. — «Синий-2», ответьте «Центру».

— «Синий-2» — на связи, — почти тотчас же ответил динамик.

— Саньч, как успехи? — Шаров склонился к микрофону.

— Все по-старому. Изменений нет, Вениамин Анатольевич...

— Плохо, братцы, плохо, — укоризненно проворчал Шаров, прекрасно понимая, что нельзя быстро найти черную кошку в темной комнате, даже зная, что она там должна быть.

— Вениамин Анатольевич, свяжитесь с Ромским. Они что-то там откопали, кажется..., — подсыпав в трубку Гольшев.

— А?.. Ну спасибо. Отбой... Коленка: «шестерочку» мне.

— Счас сделаем... «Синий-6», ответьте «Центру»...

Динамик донес голос начальника шестой группы:

— Ромской на связи... Прием.

— Здравствуй, Виктор, — Шаров вновь склонился к микрофону. — У вас что-то есть?

— Да, — не совсем радостно ответил Ромской. Помолчал немного и добавил. — Я бы хотел, чтобы вы прибыли к нам.

— Ты считаешь мое присутствие необходимым?

— Желательным, — уклончиво ответил Ромской. — Вопрос сложный.

— Хорошо. Мы вылетаем, — согласился Шаров, — до встречи, — он отстранился от микрофона. — Мужики, сворачиваемся...

В кабине, разложив карты на бортовом журнале, пилоты резались в «подкидного».

— Все, — Шаров склонился над командиром. — Взлетаем. Маршрут — к Ромскому.

— Заметано! — весело и азартно откликнулся пилот. — Юра, твой ход...

— Вадик! — повысил голос Шаров. — Взлетаем!

— Да-да, я слышу, — Вадик с треском покрыл «десятку». — Доиграть-то можно?

Шаров, не отвечая, поднял журнал, ссыпав карты на пол.

— М-да, — Вадик чесанул затылок. — Значит работаем.



Он высунул нос в форточку бокового окна и закричал:

— А-ат винта!.. Разбе-егайсь!..

И весело рассмеялся. То ли тому, что не остался «дураком», то ли тому, что вокруг вертолета не было ни души...

3

Виктор Сергеевич Ромской, начальник шестой поисковой группы, стоял на тускло-серебристой плоскости лежащего самолета и смотрел вниз, под сопку, где по узкой тропинке поднимался Веня Шаров — начальник областной службы МЧС и его старый друг. Ожидая начальство, Ромской, склоня голову, в который уж раз за сегодняшний день, вчитывался в бортовой номер упавшего самолета. В который уж раз вчитывался и думал: стоило ли ему поднимать шум и вызывать сюда Шарова?

Наконец Вениамин Анатольевич преодолел подъем.

— Ну вот: видишь, — с ходу, не отдышавшись, начал он, — опять тебе везет. Вся область ищет, а находишь ты...

Ну, здравствуй, Виктор, — Шаров протянул руку для рукопожатия.

— Здравствуй, — вяло ответил Ромской и пожал протянутую руку.

— Я не понимаю, — удивился Шаров. — В чем дело? Ты не рад находке?

— Нашел, да не то, что искал, — сумрачно ответил Ромской.

— Что значит «не то»? — не понял Шаров.

— Сюда посмотри, — Ромской указал глазами на бортовой номер самолета.

— Ну..., — непонимающе ответил Шаров. — Номер как номер...

— Здесь нарисовано 22107. А рейс, который вылетел из Островска, имел на борту номер 21100, — бесцветно проговорил Ромской.

— Ну, — не понимая до конца, буркнул Шаров, потом понял и неожиданно спросил: — А зачем ты тогда поднял эту «бурю»? Ты прекрасно знаешь, что мы ищем. А этот аэроплан... потеряли еще четыре года назад. До меня. И до тебя, кстати, тоже... Так зачем ты звал меня?

— А сказать, что хреново ищем, Вениамин Анатольевич. Все денежек народных жалеем. А кости-то народные вот здесь непохороненные лежат... Вот я и пригласил вас, чтобы показать, как мы плохо ищем.

— Ты, Витя, свою философию оставь потомкам, — прикрикнул на Ромского Шаров. — Я не обязан перед тобой отчитываться и оправдываться за грехи предшественников... а то, что ты сорвал меня сюда впустую — придется отвечать! Я ясно выразился?

— Ясно, — отмахнулся Ромской. — Так с этим-то лайнером что будем делать?

— Что значит: «что»? Этот самолет, к твоему сведению, уже давно похоронен и поминки отпразднованы. Нет его. Нет! Он — пропавший без вести!

— Но, — начал было Ромской, но, поняв, видимо, логику начальства, махнул рукой и демонстративно отвернулся.

— Ну что ты дуешься?! — вскричал Шаров. — Ну не занимайся ты детством-то, ради Бога! Ну кто согласится сейчас всю эту историю ворошить снова? Похоронен этот самолет... По-хо-ро-нен!

— А там, — зло сузив глаза, прошипел Ромской, — лежат кости. Человеческие кости! Непохороненные!.. Понятно тебе или нет?!

— Виктор! Прекрати! — Шаров даже пристукнул ногой по плоскости бедного самолета. — Ты меня знаешь не первый год и, к тому же, представляешь ситуацию в стране. Кто сейчас возьмет смелость расписаться в собственной подлости?! Они же все, считай, еще в креслах сидят! А выборы через полгода... Доходит до тебя или нет? Да информация об этом самолете замуруют так, что... А свидетели... Ты телевизор смотришь? Вот так-то... Так что держи язычок за зубками.

Ромской ничего не ответил на тираду Шарова, а только глубоко вздохнул.

— Вот так-то, — Шаров удовлетворенно посмотрел на Виктора и продолжил:

— Пошли-ка к моему вертолету. Свяжемся с Кротовым — может, что подскажет...

В штабном вертолете Шаров отправил радиста и летчиков погулять, а сам уселся за рычажки радиации. Ромской потоптался за его спиной, потом плюхнулся на сиденье и чуть развязным движением вытянул из кармана пачку сигарет.

— Давай-давай, звони, — Виктор выпустил струю дыма под потолок. — Может, какой орден за твою верность дадут. Кротов любит, когда с ним советуются...

— Ты что? Очумел?! — Шаров резко обернулся к Ромскому. — Кто тебе дал право меня оскорблять? Ты же не представляешь, о чем я буду говорить!

— Догадываюсь, — отпарировал Виктор.

Динамик радиации заговорил начальственным тоном:

— Кротов слушает. Прием.

— Альберт Юрьевич, это я — Шаров.

— Что? Есть новости?

— Да.

— Нашли? Неужели?

— Нашли... Только не то, что искали.

— Что значит: «не то»? Выразайтесь яснее, Вениамин Анатольевич.

— Группа Ромского обнаружила самолет, который, в свое время, не был найден. Это было четыре года назад. Помните?

— Ну, ну, припоминаю... А вы ничего не путаете? Точно старый самолет?

— Да. Ошибки быть не может. Сохранились цифры номера на плоскостях...

— Ясно... Так что вы хотите от меня?

— Ждем вашего совета: что нам делать?

— Ясно...

Кротов умолк. Шаров повернулся к Ромскому и хитровато подмигнул. Мол: задали начальнику ре-



бус, пусть думает. Ромской в ответ вяло махнул рукой. На его лице было написано: «Все вы одним миром мазаны».

Кротов задумался не на шутку. Сейчас он оказался «крайним». Конечно, можно было бы попросить Шарова подождать, а самому связаться с вышестоящими, но он понимал, что Шаров именно от него ждет совета. А плюхаться в грязь перед подчиненными не хотелось. А говорить что-то... Тут надо было подумать. А думай — не думай: любой ответ налагал на него ответственность, к чему Кротов не был готов никогда. Он работал как «ретранслятор» и не пытался даже что-то предлагать свое. Нет, он не был трусом, но так было легче жить. Сказать Шарову, чтоб подождал до вечера? Нет. Шаров именно сейчас ждет ответа. Этот «демократ» — еще та лиса...

Молчание затягивалось и становилось уже неловким...

Наконец Кротов сказал: «Гм-м»...

— Вот что я посоветую тебе, Вениамин Анатольевич, по поводу этого самолета... Какой, говоришь, номер-то у него?

— 22107.

— Ясно... Все правильно. При Гневашеве это было. Помню эту трагедию. Людей жалко, конечно. Да... «Без вести пропавший»... Да, да... Вот тогда-то твой предшественник и слетел с кресла. Учти, Шаров... А тут оставь все как есть, предупреди свидетелей, чтоб рты не открывали. Кто у тебя его нашел-то?

— Начальник шестой группы Ромской... Виктор Сергеевич.

— Прекрасно... Вот что, Анатольевич, давай-ка вылетай в Город. Завтра в десять у меня... Все.

Голос резко оборвался.

— Рыбак рыбака видит — процедил сквозь зубы Ромской. — Значит, завтра будете решать вопрос о не захороненных, но помянутых? — ухмыльнулся Ромской.

— Ох и яз-ва же ты, Виктор, — Шаров выглянул в дверь вертолета. — Где мои разбежались? Ко-оля! — закричал он. — Найди Вадика: домой едем!..

— Ну, бывай..., — Ромской выпрыгнул на снег и, не оглядываясь, пошел к жилым палаткам...

4

— Ну-с, товарищи, — Кротов склонился к столу и оглядел присутствующих, — начнем.

За длинным столом по одну сторону сидели: Шаров, начальник областного УВД Клепин, начальник облздрава Лешкай, начальник областного управления авиасообщения Сергеев. По другую сторону — начальник областного управления ФСБ Решетов, представитель Президента Яикин и начальник областного управления по соцзащите Малыгина.

Альберт Юрьевич взял в руки карандаш, повертел его между пальцев, собираясь с мыслями, и продолжил:

— Я, прежде всего, хочу до вас довести, что

совещание наше закрытое. Поэтому никаких записей, пометок делать не рекомендуется. Все, что здесь будет сказано, нужно держать в тайне. Что-бы потом, — Кротов усмехнулся одними губами, — не привлекать вас за разглашение государственной тайны... Как вы знаете, две недели назад потерпел аварию самолет, выполнявший рейс по маршруту «Островск — Дальнеречинск». И вот мы искали этот самолет, искали и... нашли.

Кротов проследил за реакцией присутствующих и был удовлетворен тем, что увидел. Все восприняли это как должное. Только Светлана Николаевна ойкнула и вполголоса произнесла облегченно: «Славьте господи»...

— Ну, — улыбнулся вальяжно Клепин, — тут надо не Бога благодарить, а Вениамина Анатольевича.

— Но здесь есть маленький «нюанс», — в тон Клепину хохотнул Кротов. — Шаров нашел самолет... только другой.

— То есть? — мгновенно среагировал Решетов.

— Просто «шаровцы», Валерий Владимирович, нашли старый самолет. Тот, который мы не могли найти четыре года назад.

— Еще не чище, — медленно проговаривая слова, вступил в разговор Яикин. — Что? Теперь еще и с ним разбираться? Бумаги по тому делу уже давно сданы в архив. И не надо ничего ворошить. Я думаю так.

— Я полностью согласен с вами, Георгий Северьянович, — Кротов слегка подобострастно склонил голову.

— Так зачем мы здесь собрались? — не выдержала Малыгина. — Там все выплачено, что требовалось. Так, правильно, зачем поднимать вновь этот вопрос. Это ведь опять расходы? А я пенсии не могу выплатить — денег нет.

— Да-а, денежки всем нужны, — с глубоким вздохом протянул Лешкай.

— Так вот, — остановил дебаты Кротов. — Есть идея, которая, при ее реализации, даст двойной эффект. Мы одним выстрелом можем убить двух зайцев. Послушайте меня внимательно... Самолеты однотипные — раз. Ворошить старое нет смысла — два. Найти нынешнюю потерю затруднительно. Снегопады, метели... А общественность будет требовать продолжения поисков. А это трата миллионов и миллионов. А люди сидят месяцами без зарплаты... К чему все это я? Да к тому, что надо старый, найденный сейчас самолет, выдать за этот, который не можем найти...

Присутствующие на миг онемели. В кабинете повисла могильная тишина...

— Это не по-человечески, — тихо сказал Шаров, хотя он с самого начала предполагал такой ход событий.

— А это же выход! — одобрительно воскликнул Клепин.

Сергеев поерзал на стуле, не решаясь ничего предложить, только потом, чуть невпопад к теме, сказал:



— Технически такое возможно, конечно...
— А как и кого будем хоронить в этом случае?
— поинтересовался Лешкай.

— Хгм, — озабоченно «хрюкнул» Решетов. — Главное: тайну сохранить.

— Не забывайте: скоро выборы и это предложение надо хорошо продумать, — наставительно поднял палец Яикин.

— У меня в голове не укладывается такое решение, — волновалась Малыгина.

— Прежде, чем обдумывать детали, надо решить главный вопрос: будем так делать или нет? — прищурившись, посмотрел на подельников Кротов. — Дать время на обдумывание или сразу проголосуем?

— А что думать?! — воскликнул Клепин. — Голосуем.

— Не скажите, Юрий Юрьевич, — упрекнул его Сергеев. — У нас еще и совесть есть.

— Так, — Кротов энергично потер ладони. — Даю тридцать минут на размышления, — и он нажал кнопку вызова секретаря.

— Наталия Александровна, всем, пожалуйста, чаю и бутерброды.

5

— Поведились вы к нам, Вениамин Анатольевич, — Ромской протянул руку Шарову, прыгнувшему со ступеньки вертолета. — Значит, начальство все же что-то придумало.

— Придумало, — Шаров, думая о чем-то другом, механически пожал протянутую руку. — Виктор, нам нужно поговорить наедине.

— О! Всегда пожалуйста. Места хватит, — Ромской жестом руки показал на вершины сопки, и они зашагали в сторону лесистой поляны.

— Так что решили, Вениамин Анатольевич? Откапывать нам его, аль наоборот — закапывать?

— Виктор. Не паясничай, — поморщился Шаров. — Дело очень серьезное.

— Ну у нас в стране шутейных дел вообще не бывает, — усмехнулся Ромской. — У нас все дела: либо исторические, либо судьбоносные. Мы же не умеем просто; нам все надо через задницу.

— Виктор. Прошу: перестань, — Шаров грустно посмотрел на друга. — Мне не весело и не до твоих идиотских шуток.

В глазах Шарова было столько отчаяния и грусти, что Ромской опустил глаза: его реплики были направлены не по адресу...

— Ладно, Веня, извини... Что уж поделаешь, коль я такой уродился. Так что решили?

— Сядь, — предложил Шаров, указав на заснеженный пенек.

— Ладно: не барышня, — отмахнулся Виктор. — Так что?..

— Вы-ысо-кое начальство решило этот самолет, который ты откопал на нашу голову, «замаскировать» под нынешний и, соответственно, поиски прекратить, — Шаров видел, как менялось выражение лица Виктора: от внимательно-напряженного к нетерпимо-озлобленному.

И пытаюсь хоть как-то оправдать себя, да и остальных начальников, Шаров тихо добавил:

— Все равно они все погибли...

— Ну вы и сволочи, друзья-приятели, — захлебнулся от возмущения Виктор. — Ну вы и подонки! Это ж надо: такое придумать... Кротов и Клепин — инициаторы? Да? А вы о родственниках подумали? О совести своей вы подумали? Или там, где она у вас была, хер вырос?!

— Виктор!! — взвизгнул Шаров. — Не мажь всех в один цвет!

— И какие вы нашли аргументы? — зло щурясь, наседал Ромской. — Те похоронены, эти мертвы, денег на зарплату нет, скоро выборы... Да? Нет?

— Да, да, да!! — закричал Шаров. — Дальше что?! Ну нету совести у людей, так сверху не намажешь!.. Решение принято и я обязан его выполнять, чтобы там не думал. Я работаю в этой Системе. Я — винтик этой Системы. Если я начну крутиться не туда, ты думаешь Система сломается? На-ко, выкуси! Она просто выплюнет меня.

— Пусть выплевывает! Зато совесть будет чиста! — резко отрубил Ромской.

— Ай-я-яй, — покачал головой Шаров. — Витя, Витя... Уйду я, уйдет Сергеев, Малыгина. а дальше что? Кто останется-то? Тогда-то что будет?

— Ладно, — проговорил Виктор, — дело твое, но я в эти игры играть не буду.

— Жить надоело? — печально посмотрел на него Шаров. — Тебе что: серьезно — «жить надоело»?

— Да понял я тебя, понял! Не повторяйся! — закричал Виктор. — Знаю, чувствую их говнистую породу. Если им сильно встать поперек — сметут. Не задумываясь. Знаю. И телевизор тоже смотрю... Но я знаю и другое: я не смогу жить с таким грузом на сердце. Но сейчас мне нельзя уйти. Я не хочу оставлять тебя одного — раз. Тебе не уговорить одному моих ребят — два. Если они забывают, то добиться ничего не смогут, а навредить сами себе — навредят... Ну и боюсь, конечно, что греха таить. Даже не за себя, а за Таню... Хорошо еще, что детей нет, — Виктор криво ухмыльнулся. — Но в течение полугода я уйду с этой работы.

— Ладно, там видно будет, — сконфуженно пробормотал Шаров.

— Пошли, — Виктор качнул головой в сторону палаток. — Нам сейчас предстоит, ох!, нелегкая беседа с ребятами. Ох, нелегкая...

6

— Игорь, ну сколько можно ждать? — Света стояла в проеме дверей и сердито смотрела на мужа. — Чай уже остыл. Оторвись хоть на полчаса от работы, поговори со мной. Зачем мне муж, если я вижу его один день в неделю?

— Ты знала за кого шла, — Игорь Олешко, корреспондент столичной газеты, энергично поднялся из-за письменного стола и с хрустом потянулся, разминая суставы. Потом подошел к жене и вытянул губы трубочкой, нацеливаясь в щеку.



— Подлиза, — игриво проворковала Света и отпрянула назад.

— Ну, Светлана Ивановна, тут-то я вас и «схомутаю», — прокричал Игорь и кинулся догонять жену. Догнал он ее в спальне, схватил за локоть и они повалились на тахту.

— Игорь! Перестань! — замотала Света головой. Ее глаза и губы смеялись.

— Э нет, Светик, тут-то ты не уйдешь, — Игорь навалился на жену и начал ее целовать.

— Игорь! — Света кричала сквозь смех. — Да не сейчас... Ух... Пусти, тебе говорят... Стой. Пуговицы оторвешь ведь!.. Вечером... Да иди мне надо. Ну некогда же мне... Да я ведь...

Игорь с сожалением поднялся.

— Но чаем-то напоите, Светлана Ивановна?

— Это всегда пожалуйста, — Света поднялась с тахты, одернула юбку...

— Так что там с самолетом? — спросила она, расставляя чашки на столе.

— Ну, — неохотно начал Игорь, — катастрофа, как катастрофа. Обломки, трупы: мрачно... Да что тут рассказывать?

— А я вот, знаешь, о чем думаю, — осторожно начала Света. — Вот что чувствует человек, когда видит, что смерть неминуема?

— Не знаю, — думая о другом, ответил Игорь.

— Вот когда ты уехал туда, я только об этом и думала. Знаешь: никуда не могла деться от этих мыслей. Так было страшно одной, особенно по ночам, что стала уходить к Юльке. Как представлю: самолет падает, а ты сидишь и видишь: земля приближается, все ближе и ближе, вокруг все кричат, плачут, а земля все ближе и понимаешь, что ничего уже не сделать, что еще минута, две и — все: тебя больше не будет...

— Светка, перестань, — Игорь поднялся, шагнул к жене, обнял ее. — Не надо об этом думать. Никогда не надо... Смерть — неминуема, так что лучше о ней не думать. Пустая трата нервов. — Игорь вдруг отстранился от жены, быстро ушел в комнату и так же быстро вернулся, нерешительно взглянул на Свету и протянул ей на раскрытой ладони тускло-серебристый цилиндрик.

— Что это?

— Посмотри.

Света осторожно взяла странный предмет, повертела его в руках и, узнав, разочарованно воскликнула:

— Так это же патрончик из-под губной помады. Где ты его взял?

— Там.

— А зачем он тебе?

— Ты открой и посмотри.

— Ну... Помада... А что?

— Скажи мне, пожалуйста, сколько надо времени, чтобы помада в патрончике стала как каменная?

— Что? Точно, как каменная... Ей года два, три. Зачем тебе «доисторическая» помада?

— Года два, три, — повторил Игорь. — Ты не ошибаешься?

— Ну, может четыре. А какая разница?

— Разница есть. Зачем какой-то пассажирке «доисторическая» помада? Я нашел ее совершенно случайно. После того, как нам все рассказали и показали... Вот, — Игорь замолчал.

— Но что из всего этого следует? — Света не могла понять связи между самолетной аварией и патрончиком с засохшей губной помадой.

— Я не знаю. Я не могу понять, но что-то здесь не так. Не так, — твердо сказал Игорь, пытаясь сам поверить в только что сказанные слова.

— Так что будем делать? — Светлане передалась тревога мужа.

— Не знаю... Но уверен: никогда и никому ты даже не намекнешь об этом. Я не могу пока понять, что скрывается за всем этим, но знаю точно — нас ждут большие неприятности, если кто-то узнает об этой находке. Ты поняла?

Светлану поразили даже не слова мужа, а тон, каким эти слова были сказаны. Поэтому она тихо ответила:

— Я поняла тебя, Игорь. Очень, очень поняла...

7

Виктору не спалось. Он долго ворочался в постели, в конце-концов поднялся и прошлепал на кухню. Настенные часы показывали час ночи. Выудил из пачки сигарету. Закурил. Было слышно, как кто-то громко затопал на лестничной площадке. Послышались голоса и требовательный стук в соседскую дверь.

«Хозяин вернулся домой. Поздновато», — незлобно подумал Виктор. Он докурил сигарету, решил и снял с полки телефон.

На том конце провода долго не снимали трубку. Наконец сердитый голос сказал:

— Шаров слушает...

— Веня, здравствуй, это я — Ромской.

— Ты позже не мог позвонить? Ну что опять?

— Я не получаю зарплату уже четыре месяца, — начал Виктор.

— Хватит подъезжать издалека, — оборвал его Шаров. — Говори: что надо?

— Вертолет на летный день.

— Кому? — не понял Шаров.

— Мне, как частному лицу, — спокойно ответил Виктор.

— Хм, — послышалось в трубке. — Так платить-то придется из собственного кармана.

— Догадался вот почему-то...

— Тебе денег не жалко?

— Мне совесть жалко, — раздраженно отпарировал Виктор.

— Ну ты и упрямый, — посетовал Шаров. — Как осел.

— Веня, ты мне, как другу, можешь дать вертолет или нет?! А осел я или козел — это мои проблемы! — почти закричал Виктор.

— Бери! Бери, черт с тобой!.. Но учти: я возьму с тебя плату, как с частного лица! Понял?!

— Спасибо, Венечка, спасибо.



— Ну и глупый же ты, Виктор. Ну и дурак, — Шаров положил трубку...

8

Над аэропортом города Дальнеречинска повисла холодная декабрьская ночь. Снежная крупа сыпалась с неба, покрывая все вокруг серебристым ковром. Заканчивалось время интенсивной дневной работы. Последний «Ил» — столичного рейса — устало ворча турбинами, катился по «рулёжке». Теперь целых три часа, до первого утреннего рейса, можно было отдохнуть и диспетчерской службе...

У экранов локаторов остался только Миша Носов — молодой стажер, только-только окончивший авиационный институт. И как все романтики и те, кого еще не заела рутинная работа, Миша с детским восторгом следил за одиночными точками на экранах, с наслаждением слушал переговоры «бортов»...

— «212-й», я — Водоем, посадку разрешаю, — это у «вожк» подошли к концу ночные полеты.

— «Подсвечник», я — «2710». Выхожу из Зоны. 02.34.

— «2710», я — «Подсвечник». Вас понял. Выход из Зоны подтверждаю. Время: 02.34. Счастливого полета, — «соседи» проводили в столицу ночной рейс.

— «Комета», я — «224-й». Работу закончил.

— «224-й», я — «Комета». Вас понял. Возвращайтесь на «точку», — это опять военные, их штурманская служба.

И вдруг Миша вздрогнул.

— «Факел», — послышалось из динамика. — Я — «1103-й». Прошу данные по посадке.

«Факел» — их позывной, Дальнеречинского аэропорта. Но какой самолет? Все плановые «борта» уже прибыли, о «литерных» было бы сообщено заранее. Да и позывной — гражданский...

«Что делать?» — суматошно заметался Миша и вспомнил первую заповедь: «Если сомневаешься — доложи по команде». И Миша надавил клавишу внутреннего селектора:

— Товарища Старцева просят срочно в диспетчерскую... Очень срочно.

Начальник смены Олег Старцев появился на пороге в тот момент, когда загадочный «борт» повторил запрос.

— Кто это? — Старцев недоуменно смотрел на экран.

— Я не знаю, — ступешался Миша, — но этот позывной, нам говорили, снят временно... Это позывной того, погибшего.

— Да помню я это, — отмахнулся Старцев. — Помню. Хотя могли и восстановить уже. Кто их знает — у каждого свои причуды.

Старцев сжал в руках микрофон:

— Я — «Факел». «1103-й», повторите запрос. Вас не понял.

Динамик снова ожил, а Старцев, вслушиваясь в голос пилота, медленно и ошарашенно опускался в кресло.

«Этого не бывает», — сказал он себе, но ре-

альность твердила обратное и надо было искать выход из создавшегося положения. Что-то подсказывало ему, что надо связаться с начальством. А динамик в это время вещал:

— Олег, ты случайно не после «бодуна»? Пора бы Александра Михалыча и по голосу узнать. Я это, Олег. Я — «1103-й», согласно расписания, нахожусь перед «Дальним». Удаление — 9. Как понял?

Старцев широко распахнутыми глазами смотрел на рупор динамика. Если он в своем уме, то это голос Сашки Романова. Но Сашка Романов похоронен в цинковом гробу два дня назад. Тогда это призрак. Но это уже из области фантастики. Или он спит? Или бредит? Но тогда и Миша бредит? Из несвязных размышлений его вывел и вернул к реальности голос Миши:

— Так что? Его сажать? Или как?

— Нет, нет! — остановил его Старцев. — Я все сам. Сам. — Он вновь сжал микрофон и заговорил, неестественно четко выговаривая слова:

— «1103-й». Я — «Факел». У меня по техническим причинам занята полоса. Уходите на круг. Как поняли? Прием...

— «Факел», я — «1103-й», — дисциплинированно донеслось из динамика. — Вас понял. Ухожу на круг. Эшелон — четыре тысячи.

— Ей Богу, фантастика..., — пробормотал Старцев и поднял трубку спецсвязи. — «Седьмой», я — «третий». Прошу срочно «Первого» по цифре «2»...

Несколько долгих минут ожидания и в трубке зазвучал голос Сергеева...

Старцев еще раз взглянул на Мишу, убеждая себя, что это не сон и стал докладывать:

— Николай Николаевич, это я — Старцев... Да, да, из аэропорта. У меня — Ч.П... Из области фантастики ужасов. «1103-й» с Сашей Романовым у меня над полосой! Да, да, да! Да знаю, что не может быть, но так есть... Ну Миша Носов здесь, может подтвердить. Что? Куда? Ясно!.. Хорошо. Да, да, никому...

Старцев положил трубку на рычаги, облегченно вздохнул и вновь схватился за микрофон:

— «1103». Ответьте «Факелу»...

— «1103» на связи, — незамедлительно донеслось в ответ.

— «1103». У меня неполадки на полосе. Уходите на «Водоем-2». Как поняли? Прием.

— Понял. Выполняю. Ухожу на «Водоем-2». Мое время: 22.47.

— Подтверждаю, я — «Факел», — устало проговорил Старцев и откинулся на спинку кресла. Усмехнулся, посмотрев на часы. Светящиеся цифры на диспетчерских часах показывали: «02.58».

— М-да, — пробормотал Старцев и повернул голову к Мише. — Миша, ты слышишь меня?

— Да, — тотчас же отозвался Миша.

— Об этом самолете, ну то, что он тут где-то летал, ни «гу-гу». Никому. Даже себе. Ты понял, нет? Мишенька, прошу тебя: ни-ко-му!

— Хорошо, Олег Николаевич... А что, это призрак был?



— Ой, не спрашивай, — Старцев устало смежил веки...

9

Игорь стукнул два раза в дверь и, не дожидаясь разрешения, переступил порог редакционного архива.

— Здравствуй, Оля, — поздоровался он с ровесницей девушки.

— Здравствуйте, Игорь Игоревич, — улыбнулась Оля. — Как съездили в командировку?

— Нормально, — кратко и сухо ответил Игорь, избегая разговора о подробностях. — Оленька, будь добра, посмотри мне данные по авиа-катастрофам за последние пять лет.

— Наши, или зарубежные?

— Да наших хватит...

Девушка вытащила из шкафа нужную дискету и сунула ее в прорезь компьютера. На зеленоватом экране замелькали краткие сведения о катастрофах.

Игорь внимательно смотрел на экран и когда появилось то, что обзвано было появиться, он включил расшифровку:

«...Самолет. Рейс 1116, бортовой номер 22107. 83 пассажира, поиски прекращены...»

В отделе Игорь положил распечатку сообщения перед собой и задумался: «Так. Тип самолета точно такой же. Район падения — тот же самый. Время: почти четыре года назад. Без вести пропавший... Неужели подменили? Но это же сенсация! Или твоя смерть... Местное руководство само не пошло бы на это без ведома центра. Сейчас это даже не сенсация, а бомба. Надо досконально все выяснить. Съездить туда, покопаться самому. Ха! Кто мне это позволит? Ясное дело — никто и никогда! Но выяснить надо, иначе я сам себя перестану уважать...»

Во второй половине дня Игорь заехал к знакомому, связанному с криминальными структурами. Когда-то Игорь, сам того не подозревая, своей статьей спас этого человека от тюрьмы.

Федор встретил Игоря настороженно...

— Здравствуй, — бесцветно произнес он, открыв дверь и впуская гостя в прихожую. — Чем обязан?

— Мне нужна твоя помощь, — без предисловий объявил Игорь.

— Ну проходи, — Федор провел гостя в комнату. — Кофе? Чай? Водка?..

— Кофе.

Хозяин вышел на кухню, вскоре вернулся. Поставил на журнальный столик чашку кофе, печенье, маленькую бутылочку коньяку. Сам уселся напротив и выжидающе уставился на Игоря.

— Мне нужен паспорт, — Игорь испытывающе посмотрел Федору в глаза.

— Туда? — Федор качнул головой. — За «бугор»?

— Нет. Наш. Нормальный.

— Угу. Понял. Когда?

— Как можно скорее.

— Если вечером будет фото и желательные для тебя ФИО, то завтра к полудню все будет сделано.

— Сколько?

— Помня твою помощь — бесплатно.

— Ясно. Фото и остальное к вечеру будут.

— Жду в девятнадцать, на углу, в кондитерской.

На другой день, к вечеру, Игорь позвонил домой. Трубку сняла Света.

— Привет. Случилось что?

— Да. Я срочно улетаю в командировку. Приготовь вещи. Самолет в десять вечера.

— Надолго?

— Нет. Дня на четыре. Ну, может, на неделю.

Что: опять кто-то разбился?

— Да нет, что ты. Все мирно сейчас.

Игорь положил телефонную трубку и вытащил из кармана паспорт. «Степанов Валерий Валерьевич», — прочитал он. — Ну что ж, поиграем в джеймсов бондов...

10

«МИ-2» деловито стрекотал над тайгой. Под вертолетом плыли заснеженные сопки, лесные острова перемежались с белыми пятнами болот и озер. Небо хмурилось, грозя разразиться обильным снегопадом.

Ромской, прикрыв глаза, задумчиво скользил взглядом по зимнему ландшафту тайги. Рядом, что-то мурлыкая себе под нос, пилот небрежно, одними кончиками пальцев держал ручку управления.

Но, в конце-концов, Вадиму Семенову надоело молчать — он не переносил молчания. Повернув голову и понадежнее прижав ларингофоны, Вадим спросил:

— Что: уходите от нас, Виктор Сергеевич?

— Да, — нехотя откликнулся Ромской.

— Неужели из-за этой «перекраски»? — допытывался Вадим.

— А тебе-то что? — недовольно бросил Виктор.

— Да если из-за каждой неприятности, аль начальственной несправедливости бросать работу, то и жить не стоит.

— Говори уж прямо, что я — дурак, — нехотя проговорил Ромской.

— Э-э, — улыбнулся хитровато Вадим. — Я этого не говорил.

Ну а если уж честно: то здесь мало ума, Виктор Сергеевич.

— Каждый сам и по-своему успокаивает свою совесть, — Ромской поерзал на сиденьи.

— А, — Вадик, не соглашаясь, отвернулся. — Плетью обуха не решибешь.

— Вот-вот, — подначил его Виктор. — А после этого ахаем, что живем о-очень плохо.

— Так что ж, вы, такой совестливый, письмо в газетку не сочинили? — незлобно поддел его Вадим. — Смотришь: и не было бы «перекраски»...

— Ты тоже мог бы это сделать, — отпарировал Виктор.



— Я жить хочу, — усмехнулся Вадим.

— Я тоже.

— Вот видите: мы за свою жизнь дрожим, а они вертят нами как хотят... Вот вы сейчас ищете этот самолет. А ну как найдем. Что делать-то будем?

— Вот и будет повод рассказать правду.

— Да-а, — протянул Вадим. — Было бы здорово посмотреть на наших начальничков в этом случае... Но где же он упал? Ну в море никак не мог, связь-то потерялась уже на побережье. Вперед-то еще долго будем лететь?

— До 22-го квадрата, там повернем на 270-й, дойдем до 102-го, ну а оттуда уж и домой.

Через час полета, не найдя ничего, что могло бы напоминать о катастрофе, вертолет повернул на аэродром. Вадик всмотрелся в карту, глянул на приборы, что-то прикинул в уме и сказал:

— Не вовремя повернули. Надо было чуть пораньше, — и, отвечая на молчаливо-вопросительный взгляд Ромского, пояснил:

— Прямо по курсу «Водоем-2» будет, придется обходить.

«Вояки» над собой не пропустят.

— Ну что поделаешь — отвернем, — покорно пробормотал Ромской.

— Ну до чего вы скучный сегодня, Виктор Сергеевич, — Вадим махнул левой рукой и раструбом перчатки зацепился за рычаг управления двигателем. Обороты резко упали. Вадим, пытаясь исправить ошибку, быстро двинул РУД вперед и двигатель, всхлипнув, заглох. Запустить вновь его не удалось. Машина начала падать, вращаясь вокруг оси несущего винта. Благо высота была небольшая. Вертолет спружинило о верхушки сосен и он грузно, обиженно завалился на бок, ткнувшись хвостовой частью в сугроб...

11

Андрей полулежал в самолетном кресле. Его глаза были прикрыты и смотрели куда-то вверх, на матово-белый потолок салона. Его сосед и товарищ, по-доброму улыбаясь, наблюдал за «страданиями» друга.

— Тяжело? — спросил Леонид участливо, с доброй усмешкой в голосе.

— О, Леня, не трогай больного человека. Ты никогда не узнаешь, как мне плохо, — подхватил тон друга Андрей.

— Раз большой — значит, надо лечиться. Для этого есть замечательное народное средство, — с этими словами Леонид запустил руку под полупушок и вытащил плоскую металлическую фляжку с забавным изображением охотника на боку. — Вот она, микстура. Лечись, дорогой.

— Глаза бы мои не смотрели на эту мерзость, — шутливо возмутился Андрей, скосив глаза на товарища.

— Да. Слаб. Ох, слаб стал русский мужик, — Леонид отвернул блестящую пробочку и с показным наслаждением сделал маленький глоток.

— На, глотни, — настаивал Леонид. — Враз всю болезнь снимет.

Леонид увидел идущую по проходу стюардессу и жестом остановил девушку. Она склонилась над друзьями с дежурной улыбкой на губах:

— Слушаю вас...

— Девушка, спасительница вы наша. Будьте так добры, скажите: долго нам еще махать крыльями?

— Через двадцать минут наш самолет совершит посадку в аэропорту города Дальнеречинска, — дежурно-заученно ответила стюардесса.

— Ба-альшо-ое вам спасибо, спасительница вы наша, — широко заулыбался ей Леонид. — И еще. Можно узнать как вас величают? Или это страшная тайна нашего века?

Девушка заулыбалась уже по-человечески:

— Марина.

В это время динамик над головой властным голосом произнес:

— Стюардессу Марину Левкову просят срочно пройти в пилотскую кабину.

— Извините, — девушка с сожалением посмотрела на друзей и быстро двинулась по проходу...

Снова заговорил все тот же динамик, но теперь уже голосом Марины:

— Уважаемые товарищи пассажиры. К сожалению, должна вам сообщить, что аэропорт города Дальнеречинска закрыт по техническим причинам на неопределенное время. Мы совершим посадку на запасное аэродроме, где вам будет предоставлен ужин и место для отдыха. Экипаж самолета и его командир, Александр Михайлович Романов, приносят вам свои извинения. Благодарю за внимание...

12

— Эй, приятель, — сосед толкнул Игоря в бок. — Твоя остановка.

— А? Спасибо, — Игорь выбрался в тесный автобусный проход и, перешагивая через мешки, рюкзаки, чемоданы, стал пробираться к выходу.

За его спиной «прошипели» двери. Автобус ушел, оставив его одного посреди белого снежного безмолвия. От шоссе, к деревне, тянулась наезженная дорога, искрясь на утреннем солнце меж высоких снежных отвалов.

Игорь направился к дому старого охотника, к которому уже приезжал однажды, но тогда не застал его дома. В этот раз он надеялся на удачу. Узкая, не чищенная от снега, тропинка вела от калитки к низенькому крыльечку с покосившимися ступеньками. На этот раз хозяин был дома...

— Здравствуйте, — громко сказал Игорь, переступив высокий порог и, заодно впустив в избу облако морозного пара.

— Кто там? — недовольно спросил хрипловатый голос человека, невидимого из-за большой деверенской печи.

В избе было сумрачно и пахло свежей рыбой.

— Можно войти? — спросил Игорь, нерешительно переминаясь с ноги на ногу.

— Ну как нельзя — раз вошел, — насмешливо проговорил тот же голос и из-за печи показался



чуть сгорбленный среднего роста старик в широком разношерстном свитере и в валенках с обрезанными голяшками.

— Кого надо? — прищурясь, разглядывая вошедшего, спросил он.

— Здравствуйте, — еще раз поздоровался Игорь и спросил. — Самойлов Эдуард Прокопьевич здесь живет?

— Ну... Здесь, — старик продолжал разглядывать Игоря.

— Это будете вы? — допытывался Игорь.

— Ну я. А ты кто будешь? — в свою очередь спросил старик.

— Я... Степанов Валерий. У вас, в деревне, как-то мой друг, корреспондент, останавливался. Так я его знакомый...

— Что за корреспондент?

— Игорь Олешко. Из столицы.

— А-а, — протянул собеседник. — Ну помню, был как-то такой, меня только не застал. В тайге я был. А ты тоже — корреспондент?

— Нет, я его знакомый.

— Ну раз знакомый, то раздевайся. Замерз ведь, чай, — с этими словами хозяин ступил на деревянную лесенку, приставленную к печи, легко поднялся на две ступеньки и скинул с лежанки большие валенки. — Одень-ка вон. На дворе-то, чай, не лето.

— Ваша правда, — улыбнулся Игорь, шевеля пальцами ног.

— Ну садись, давай. Чаю сейчас налью... К нам-то по какой надобности?

— Да охотник я. Вот думаю, по лесу пробежаться...

— Охотник? — удивился хозяин. — А я-то подумал, что тоже — корреспондент, — хозяин хитро посмотрел на Игоря. — А что: ближе-то нас зверя нет?

— Да охота у меня так — увлечение, — распахнуто-широко улыбнулся Игорь. — Просто нравится лес, природа...

— Ну ладно, — хозяин примирительно взглянул на гостя. — Охотник, корреспондент — мне все едино. Что чай-то не пьешь? Остынет, поди, у нас — не в городах — электричество только утром, да вечером...

Старик вдруг гулко засмеялся.

— Спросил тут как-то у начальства: пошто вечером-то в шесть включаете? А не раньше? Теперь, говорю, уж и в четыре темно. Так, отвечают, в четыре рано, а в семь поздно. Я ему, мол, пошто так-то? А говорит: дай-ко в семь-то, так народ не увидит, что богатые тоже плачут. Вот ведь ныне как: по телекинам живут. Объяви сейчас Гитлер войну в шесть вечера, дак никто и не узнает... Ну ладно, утомил я тебя. Пей чай-то.

— А может что покрепче? — заговорщически подмигнул Игорь.

— Так с этого надо было и начинать! — весело всплеснул руками хозяин. — Я сейчас тогда капучочки достану, да банку огурчиков. Хлеба вот только, почитай, нету...

— У меня есть. Столичный, — уже по-свойски объявил Игорь.

— Ну и молодец! — Эдуард Прокопьевич поднялся и вышел в сени, а Игорь достал из рюкзака хлеб, бутылку водки и банку консервированных сосисок.

Когда Игорь выставил на стол вторую бутылку, то Эдуард Прокопьевич расчувствовался совсем.

— Я понимаю, — извиняюще проговорил он, — что ты, Валера, приехал сюда не просто так, не затем, конечно, только чтоб водкой меня поить... Здесь что-то другое, и я догадываюсь, что...

— Так, что вы про меня подумали? — натянуто улыбнулся Игорь.

— Сознайся: ты не на охоту приехал? Ты же не охотник, я же вижу. Ты к тому самолету приехал? Да?

— Каюсь, — развел Игорь руками. — Не охотник. И мне надо к самолету.

— У тебя кто погиб там? — участливо спросил Эдуард Прокопьевич.

— Ну-у... Можно я не буду отвечать на этот вопрос?

— Можно, — легко согласился хозяин. — Так от меня-то ты чего хочешь? Чтобы я проводил тебя туда?

— Да я бы и сам добрался, — осторожно проговорил Игорь.

— Угу, — задумчиво пробормотал хозяин. — Сам... А «Буран» водить умеешь?

— Да.

— Это хорошо, — Эдуард Прокопьевич поднялся из-за стола, порывшись на книжной полке, достал лист бумаги и карандаш. — Вот смотри, — он начал рисовать схему. — По дороге не ездят. Ну вот эта, за деревней. По ней колхозники сено возят. Там сейчас солдаты стоят. Езжай прямо по целине. Поедешь на север. Километра через четыре — спидометр добро робит — уткнешься в топографическую вышку. От нее повернешь влево. За озером — узнаешь, там еще карбаса в лед вмерзли — езжай не в просвет, а чуток вправо. На берегу разлапистую елку увидишь. Подле нее три березки молоденькие. Вот меж елкой и березами и правь. А там у лесников просека «провешена». На деревьях — «зачистки». По просеке километров восемь будет.

Эдуард Прокопьевич пожевал в раздумье губами и сказал:

— Только сдается мне, что этот самолет там давно лежит. Но кто знает, что у начальства на уме. У нас ведь, ближайшая-то деревня за двести с лишним верст. Вот почему сразу-то может и не нашли. А потом... суп с котом. Есть у нас хороший охотник Родька Хрепин. Он как-то районному начальству и брякнул, что мол делается-то такое? а ему сказали: сиди, не рыпайся и помалкивай. А куда попрешь поперек начальства? Это только на словах: «демократия». А на деле-то все хуже и хуже... Ой, бедная Россия... Ну что ж, давай, на дорожку, — Эдуард Прокопьевич плеснул по стаканам водку.



— Запасные ремни под сиденьем. Канистру привяжешь к дуге. Здорово не «газуй» — ремни пожжешь...

— Да знаю я, — кивнул Игорь.

— Знаешь-то — знаешь, а лишний раз послушать — не грех, — поучительно изрек хозяин.

13

— Ну и где здесь пиво? Ты же обещал мне добрую кружку? — Андрей теребил Леонида.

— Посадили неизвестно куда. Загнали в какой-то ангар. Что за жизнь! — шумел Андрей.

— Ладно, не ворчи, — Леонид направился к выходу из большого помещения, на самом деле напоминающем ангар, уставленный длинными металлическими скамейками, на которых дремали пассажиры злополучного рейса.

У дверей стоял ефрейтор срочной службы.

— Слышь, приятель, где здесь пивка можно найти? — подмигнул ефрейтору Леонид.

— У нас пива нет. Это — военный аэродром, — сухо ответил ефрейтор.

— А в город позвонить можно? Там же волнуются, — наседали на него Леонид.

— Обратитесь к старшему, — невозмутимо ответил ефрейтор.

— А где он, ваш старший? — Леонид начал нервничать.

— В противоположном конце зала, — опять невозмутимо ответил ефрейтор.

Друзья направилась через зал. У противоположной стены, за обычным письменным столом, сидел офицер с четырьмя маленькими звездочками на погонах.

— Послушай, капитан, — Леонид принял независимую позу. — Мне в город звякнуть надо.

— Не положено, — ответил офицер, даже не взглянув на подошедших.

— Что значит: «не положено»? — возмущился Леонид.

— Все, что нужно, уже сообщено, — офицер соизволил поднять глаза. — Самостоятельно звонить с Базы не разрешается.

— Ну и дела... Хуже чем в тюрьме. Но ты понимаешь, капитан, у меня мать волнуется!

— Я вам, гражданин, повторяю: все, что положено — сообщено. Ждите вылета вашего самолета.

— Вот ведь «редиска», — незлобно пробормотал Леонид, отходя от стола. — Ей Богу, как в концлагере: ничего нельзя.

— А «вздрогнуть»? — хитро спросил Андрей.

— А это — идея! — повеселел Леонид. — Сейчас и закусочку организуем...

Они подошли к длинному столу, за которым подавали ужин. Их знакомая, Марина, складывала посуду.

— Мариночка, а это опять мы, — заприплясывал Леонид около девушки. — Ты нам, по дружбе, соленьких огурчиков не сообразишь?

— Огурцов нет, а котлет могу предложить, — весело ответила Марина.

— Так может ты и третьим будешь? — заподмивал ей Леонид.

— Нет, что вы. Я же на работе! — запротестовала Марина.

— Марина, а ты в город не звонила? — спросил Андрей.

— Нет. Нам не разрешили.

— Нам тоже, — посетовал Леонид.

— А «вам» — это кому? — допытывался Андрей. — Стюардессам? Или летчикам тоже?

— Даже командиру запретили. Первый раз такое... Раньше всегда с «запасных» звонили.

— Что-то не нравится мне все это, — пробурчал Леонид, «набулькивая» спирт в бумажные стаканчики.

— Да. Что-то тут не то, — согласился Андрей.

— Хотя я, по правде говоря, никогда еще не был на «запасных».

— Слушай, Мариночка, — Леониду в голову пришла мысль. — Познакомь нас с командиром.

— Зачем? — удивилась девушка.

— Надо! — с нажимом произнес Леонид.

— Ну пойдете, — Марина подвела друзей к скамье, где сидели летчики и тронула за плечо одного из них. — Александр Михайлович, вот товарищи хотят с вами побеседовать.

— Слушаю, — летчик поднял голову.

— Александр Михайлович, вам не кажется странной ситуация: ни позвонить, ни выйти? — вкрадчиво начал Леонид.

— Да ничего странного, — недовольно буркнул летчик. — Все в пределах нормы. Кто знает, какие тут секреты... Нельзя — значит нельзя. Выправят полосу в Дальнеречинске — сядем, полетим...

— Ясно, — сокрушенно вздохнул Леонид. — Значит, все в порядке? Ну ладно, извините...

Друзья отошли в сторону.

— Нет, что-то тут не так, — опять начал Андрей. — Вот чую: не так. А что «не так» — не могу понять.

— К телефону надо прорваться, — опять вернулся к своей идее Леонид. — Я не верю, что они сообщили. А мамаша у меня места не находит. Это точно.

— Ну давай думать, дружок, — Андрей устал опустился на свободную скамью.

— Давай, — Леонид плюхнулся рядом...

14

Виктор и Вадим брели по снегу уже третий час. Короткий зимний день подходил к концу. Смеркалось...

— Не добаться нам сегодня, — Вадим остановился. — Чертова нога — никакой скорости. Давай, Виктор Сергеевич, перекурим?

Они остановились. Достали сигареты...

— Вот ведь сколько дел из-за этого самолета. Зря вы, конечно, все это придумали, Виктор Сергеевич, — посетовал Вадим. — Придет лето — найдете. Никуда он не денется, тем более, — Вадим хохотнул, — самолет уже и «найден» и «пассажиры похоронены».



— Совесть, Вадим, Совесть, — тихо проговорил Виктор.

— Да ну ее, вашу Совесть, — вспыллил Вадим. — Что толку-то от этой Совести? Против начальства переть, что ... против ветра! Они сейчас сидят себе и в ус не дуют, а тут ползай по снегу как дурак!

— Так что: всем подлецами стать?! — взорвался Ромской.

— Ну ладно, ладно, — примирительно и смущенно проговорил Вадим. — Хозяин-барин... Каждому — свое... Ну что: дальше-то побредем?

Они побрели дальше. И вдруг где-то вдалеке, за темными силуэтами деревьев, возник и стал разрастаться треск мотора. Вадим было задрал голову вверх, высматривая вертолет, но догадавшись, что это что-то другое, стал всматриваться в стену леса.

— Снегоход, кажется? — неуверенно сказал он. Ромской, соглашаясь, кивнул.

Заплясал, выхватывая из полумрака заснеженные лапы елок, луч фары. Из-за деревьев вынырнул оранжевый «Буран» и стал быстро пересекать открытое пространство.

— Эй! — хриплым от волнения голосом крикнул Вадим. — Стой!

— Да не слышит же он. Не слышит! Стреляй! — повернулся к нему Виктор.

Вадим вырвал из кармана ракетницу.

Зеленый искристый шар шипящей дугой прочертил темнеющее небо и погас, зарывшись в снег. Снегоход стал сбрасывать скорость. Остановился. Было слышно, как постукивает двигатель на холостых оборотах.

— Что же он стоит-то? — заволновался Вадим. — Он же нас видит!

— Стреляй еще! — приказал Ромской.

Пока Вадим возился с ракетницей, мотор снегохода взревел и оранжевая машина покатила дальше, по какому-то своему пути.

— Куда же он, скотина? — Вадим выстрелил снегоходу вслед и начал вставлять следующий патрон.

— Стой! Хватит палить, — остановил его Ромской. — Он прекрасно нас видел.

— Он, сволочина, дурак, что ли?! — ругался Вадим.

— Значит, у него темные делишки, — высказал предположение Виктор.

— Да мне плевать на его дела! — орал Вадим. — Он людей в тайге — ночью — бросил.

— Слушай, а ведь он едет к самолету. И тайком. Что же он там потерял? — решал задачу Ромской.

— Да нужен ему ваш самолет, как зайцу стоп-сигнал! Браконьер — и вся отгадка!

— Может быть, — не стал спорить Ромской. — А нам, я чувствую, надо к ночлегу готовиться. Смотря как быстро темнеет...

— Пойдем только, Сергеич, на след «Бурана». Может обратно поедет — так остановим. Тут-то я ему ракету в лоб и вгною! Будет знать, как людей бросать!

— Ладно, Вадик, не жги нервы. Черт с ним. Встретим — спросим.

15

— Я слушаю вас, Леонид Афанасьевич.

— Что решили делать с самолетом?

— Я не могу один принять решение. Дело очень серьезное.

— Кто знает об этом самолете?

— Я, Кротов, Сергеев, Старцев, Носов, Лавенский, командование базы ВВС... Все.

— Кто такие Старцев и Носов?

— Диспетчера Дальнеречинского аэропорта.

— Их предупредили об ответственности за приглашение?

— Да. Лично проведена беседа.

— Откуда вообще этот беглец взялся? Где он был целых три недели?

— Но я же не Господь Бог, Леонид Афанасьевич. Кто его знает.

— Вы обязаны знать, Валерий Владимирович. Это ваша работа.

— Но я же не служу у инопланетян.

— Черт бы их побрал, эти «тарелки»! Задали задачку!

— Может быть... покаяться, Леонид Афанасьевич?

— Валера, давай без шуток!

— Так куда же деть пассажиров?

— Пассажиров и экипажа уже нет в живых! Понятно вам? Они похоронены в цинковых гробах. При приспущенных «триколорах». И поминки отпразднованы!

— Так что вы предлагаете?

— Я не предлагаю. Я приказываю! Разработайте операцию по уничтожению самолета, пассажиров, экипажа, кого там еще... Поняли?

— Но это же...

— Что? Совесть проснулась, Валерий Владимирович? Вы работаете в политике, а политика и совесть несовместимы.

Где она раньше у вас была, когда вы в одном южном городке «бузу» устроили?

— Кого мне привлечь к этой операции?

— Только своих и только проверенных в деле. И как можно меньше. Кстати, пусть Лавенский тоже ручки испачкает. Может, образумится... И не тяните. Завтра, к вечеру, жду от вас вестей.

16

Свет фар выхватил из темноты тусклые куски обшивки, Игорь остановил «Буран», заглушил двигатель. Достал сигарету. Закурил. У снегохода не было аккумулятора, поэтому свет фары погас тотчас же, как умолк двигатель. Кругом было темно, тихо и жутковато...

«Что ты хочешь здесь найти? — сам себя спросил Игорь. — Неопровержимые доказательства того, что самолет «старый»? Зачем? Кому ты предоставишь эти неопровержимые доказательства? Общественности? И что будет? Да ничего не будет. Ну пошумит общественность.



Дума, в который уж раз, выдвинет предложение о смене правительства. Кого-нибудь снимут с работы. И все. Все? Да, все. У тебя будут неприятности? Да и большие. Уничтожат? Может и так. Неужели нет способа убрать из «кресел» лжецов и воров? Мой долг журналиста — сказать людям правду. Так что, Игорек, выбирай: или спокойствие, или борьба:»

Игорь закурил очередную сигарету и погрузился в долгие и глубокие размышления, так и эдак примеряя на себя два антагонистических понятия: «спокойствие» и «борьба».

В размышлениях незаметно пролетел час. Так и не придя к окончательному выбору, Игорь решил все же добыть «неопровержимые доказательства», а уж там — время будет — определиться до конца.

Игорь достал фонарик, слез с «Бурана» и стал подниматься к самолетным обломкам. Полтора часа он ходил и ползал среди искореженных кусков обшивки, сломанных кресел, осколков пластмассы и стекла и ничего не нашел, что могло бы служить доказательством подтасовки фактов. Но вот луч фонарика уперся в тускло-синюю цифру бортового номера. Номер того, исчезнувшего четыре года назад, самолета был 22107... А здесь — Игорь смахнул снег с цифр номера 21100. А что если? Игорь достал нож и подарапал первую «двойку». Ничего. Тронул ножом следующую цифру и под «единицей» оказалась... «двойка»! Вот она — отгадка! Игорь встал на колени и стал исследовать оставшиеся три цифры. 22107. Пальцы сами по себе потянулись за сигаретной пачкой...

«Денег на поиски пожалели. Сэкономили на человеческом горе. Так кто они после этого?.. Нет, я скажу Правду! А кто мне поверит? Не потащишь же крыло в редакцию...»

После долгих раздумий, Игорь достал из рюкзака «Полароид», нащелкал десятка полтора снимков, аккуратно завернул их в полиэтилен, упрятал на самое дно рюкзака и, облегченно вздохнув, — когда решение принято, всегда легко — глотнул из фляжки водки: «Редактора я постараюсь уломать, шум от статьи пойдет, может хоть в следующий раз будут не так наглеть»...

Игорь запустил двигатель снегохода, дал ему прогреться и поехал в обратный путь, держась своего старого следа.

17

Вадим задремал, пригревшись у костра, а Виктор сидел, облокотясь на ствол осины и смотрел вверх языков пламени в ночную темноту.

«Кто же все-таки был на этом снегоходе? Если просто охотник, то остановился бы... А может, браконьер, которому свидетели ни к чему. А если кто догадался про «перекраску» и решил убедить в этом? Какой-нибудь дотошный корреспондент? Ох уж эта пресса! А, собственно говоря, на то она и пресса, чтобы карась в озере не дремал. Но обнародовать сейчас это, значит поставить себя под удар. Хотя есть среди журналистов отча-

янные ребята... Не то, что ты, — упрекнул себя Виктор...

Небо на востоке начало понемногу светлеть, когда послышался шум снегохода. Проснулся Вадим.

— Вот и снегоход возвращается, — сказал Виктор и встал на ребристую дорожку.

«Буран» выбрался на открытое место. Свет фары чиркнул по деревьям.

Вадим сунул руку в карман, где лежала ракетница. Виктор сжал ему локоть: «Не дури» и шагнул навстречу снегоходу. Водитель привстал на подножках и сбросил «газ». «Буран» остановился. Виктор подошел и, прикрывая глаза от света полупотухшей фары, всмотрелся в лицо водителя. На него смотрело бородатое молодое лицо...

18

Андрей ломал голову: как добраться до телефона? Не нравилась ему эта ситуация, ох не нравилась! И не только ему одному. Часть пассажиров «пытала» капитана, другая атаковала ефрейтора. Марина продолжала собирать посуду. К ней подошла вторая стюардесса. Они обменялись несколькими фразами и Марина вдруг быстро направились к нашим друзьям.

— Что, Мариночка, не весела? Что ты нос повесила? — почти пропел Леонид.

Марина никак не среагировала на шутку, а довольно-таки серьезно спросила:

— Ребята. Сколько времени на ваших часах?

— О, мои самые точные хронометры в мире, — Леонид глянул на овальный циферблат своих часов. — Итак: время три часа тридцать шесть минут. Вы удовлетворены, мадам? — улыбнулся он.

— Странно, — пробормотала Марина. — Такое впечатление, что все наши часы врут.

— С чего ты взяла? — Андрей глянул на свои часы. Они на минуту отставали от часов Леонида.

— Да дело-то в от в чем, — Марина нерешительно помедлила. — Сейчас Нина выносила мусор на улицу в контейнер и говорит, что на улице светает...

— Не понял? — Леонид вперся взглядом в лицо девушки.

— Да то, что рассвет уже.

— А Нина не могла ошибиться?

— Ну день-то от ночи она отличает.

— Слушайте, — Андрей вдруг перешел на шепот. — Помните: где-то в середине семидесятых самолет летел через Атлантику в Штаты. И он перед посадкой на десять минут пропал с локатора. Так вот: когда он приземлился, а его уже искать хотели, все часы на самолете отстали ровно на десять минут. Все часы...

— Что ты хочешь сказать этим, дружок? — повернулся к нему Леонид. — Что мы пропали на три часа?

— Я говорю то, что прочитал в свое время в «Науке и жизни». И что у нас похожая ситуация.

— Ой, да сказки все это! — хохотнул Леонид.



— Да не верю я в эти НЛЮ. Пока не увижу сам.

— Посмотри сам, как нас здесь держат: не выйди, не позвонить... Как будто бояться, что мы узнаем что-то, что не положено.

— Так сказали, что здесь военная база, — начала Марина.

— Да служил я в авиации, — перебил ее Андрей. — Ну какие секреты мы можем выведать, глядя на ангары и самолеты? Ну?

— Короче, — Леонид остановил прения. — Надо выбраться на улицу и самим во всем убедиться. Я ясно выразился? — он вопросительно посмотрел на Андрея.

Андрей хмыкнул, выражением лица давая понять, что это и «ежу понятно», но Марина вдруг воскликнула:

— Смотрите!..

Ефрейтор, стоящий на страже у выхода, вдруг стал нерешительно переминаясь с ноги на ногу, затем порылся в карманах брюк, достал несколько денежных купюр и, взглянув в сторону капитана, быстро направился к столу, с явным намерением купить что-то у стюардессы.

— За-а мной! — тихо скомандовал Леонид. Они быстро прошмыгнули в коридор и прикрыли за собой дверь. Огляделись. Слева коридор упирался в глухую стену, а справа поворачивал. Ступая на цыпочках, троица быстро достигла поворота. Леонид заглянул за угол. Коридор тянулся еще метров на двадцать и упирался в широкую двустворчатую дверь, аккуратно покрашенную в бежевый цвет. Посреди коридора в полуовальной нише приютилась обыкновенная тумбочка с телефоном и солдат с красной повязкой на рукаве и автоматным штыком в ножнах на поясе.

Леонид решительно кивнул: «За мной!» и деловым решительным шагом направился к солдату. Андрей и Марина, напустив на себя озабоченный вид, зашагали следом.

Солдат вопросительно посмотрел на подошедших.

— Слышь, приятель, — Леонид как мог дружелюбнее смотрел на дневального. — Подскажи: где здесь выход наружу?

— Выходить без сопровождающего запрещено, — заученно ответил солдат.

— Да мы знаем, — с напускным равнодушием Леонид махнул рукой. — Да вот стюардессе надо срочно в самолет попасть. А то у нее там дело небольшое. Иначе могут быть неприятности у человека. Понимаешь?

— Подождите, сейчас сообщу дежурному, — солдат поднял трубку телефона.

19

— Здравствуйте, — пристально глядя в лицо водителя, проговорил Виктор.

Водитель в ответ молча кивнул.

— Куда направляемся? — неторопливо продолжал Виктор голосом инспектора ГАИ.

— Туда, — хмыкнул водитель и вытянул руку вперед.

— А ты что ж это, дружок, не остановился, когда тебе сигналили? — выступил вперед Вадим.

— Мне? — водитель округлил глаза. — Когда? Вы меня с кем-то путаете...

— Может быть, — уклончиво ответил Виктор. — Я предполагаю, что вы довезете нас до человеческого жилья?

— Довезу, — не совсем радостно ответил водитель. Игорь сразу признал в одном из говоривших Виктора Ромского — начальника поисковой группы.

— Только как же мы поедем? — продолжил Игорь. — Санок у меня нет, а троим будет трудно вато уместиться на сиденьи.

— Придумаем что-нибудь, — прервал сомнения Игоря Виктор. — Кстати: вы не замерзли? Если что, так погрейтесь... Вы — охотник?

— Да, — не раздумывая, ответил Игорь.

— А где же дичь? — с хитринкой в голосе спросил Виктор. Он прекрасно видел, что это не охотник, тем более, что эти глаза были ему знакомы: где же он их видел?

— Я капканы проверял, — соврал Игорь. Он слез со снегохода и подсел к костру. Снял «шубницы» и с наслаждением протянул руки к огню.

— Что? Холодно? — участливо спросил Вадим.

— Да не так, чтобы очень, но есть чуток... И что интересно: особенно мерзнет большой палец на правой руке. Или то, что он постоянно на железе находится? — Игорь приглашал Вадима к разговору.

— Может быть, — согласился тот. — У нас некоторые от мотоцикла ручку «газа» ставят. Удобнее получается, чем эта железяка. Попробуйте...

А Виктор слушал разговор и все пытался вспомнить: где он видел эти глаза? И вспомнил. А вспомнив, сделал шаг вперед и без предисловия спросил:

— Что вы здесь ищите, Игорь Игоревич?

Игорь на мгновение замер, но быстро овладел собой и с видимым спокойствием ответил:

— Да ничего особенного, Виктор Сергеевич.

— Нет, — попытался Виктор. — Что вы здесь потеряли? Зачем нацепили эту бороду? Вам без бороды на-амного красивше...

— А почему вы мне устраиваете допрос? — Игорь поднялся с чурбачка.

— Ну зачем вы так? — укоризненно посмотрел на него Виктор. — Я не оспариваю ваши действия, но вы же знаете лучше меня чем это может кончиться для вас. Вы были у самолета?

— Да.

— Убедились?

— Да.

— Везете доказательства?

— Косвенные.

Виктор облегченно вздохнул, но Игорь тут же добавил:

— Вы же знаете, что стоит только опубликовать это мое путешествие и найдутся такие, которые захотят убедиться в тех словах, что про-



читут. Особенно родственники погибших... И «тех», и «этих». Что вы тогда будете делать?

— Вы хотите вывести нас на «чистую воду»?

— Виктор прикурил от уголька.

— Пока не знаю.

— Похвальное решение, — усмехнулся Виктор. — М-да, от вас, от прессы, никуда не скрошешься... А ты что скажешь, Вадим?

— А я предлагаю накостылять по шее, чтоб не лезли, куда не просят. Любят копаться в «грязном белье»!

— Это — на «белье»! — взвился Игорь. — Это чистейший и подлый обман. Да родственники погибших вас на части разорвут, если узнают о подмене. Как же вам самим-то не совестно?!

— Погоди, не горячись, — Виктор примирительно положил Игорю руку на плечо. — Ты же не знаешь нюансов этого дела, чтобы всех ляпать в один цвет. Зачем еще мертвых-то ворошить? Они жертвы этой политики.

— Пойми, — продолжал убеждать его Виктор, — что мы смалодушничали не ради себя. Это не главное. Главное то, что отыгрались бы на женах и детях... Ну не все же павки корчагины. А у мафии совести нет.

— Мужики, — Вадим встал между Ромским и Олешко. — Кончайте этот разговор. Давайте лучше за знакомство дернем по «грамулечке» и — вперед. А то уже и ночь кончилась.

— Ну раз так, то наливай, — нарочито бодро воскликнул Виктор.

20

— А иди ты! — Леонид выхватил из руки дневальной телефонную трубку и сильно рванул ее на себя. Телефонный аппарат с грохотом полетел на пол, а дневальный схватился одной рукой за плечо Леонида, а другой — за штык-нож.

— Ну ты — деловой! — Леонид наотмашь ударил солдата по щеке. Тот отшатнулся к стене и громко-испуганно закричал:

— Помогите! Нападение на пост!

Леонид, за ним Андрей с Мариной, бросились к выходу.

Так и есть: на улице начинался день...

Они припустили бежать вдоль длинного ангара. Пробежав его, увидели ряды железнодорожно-автоконтэйнеров, сгрудившихся у торцовой стены ангара. За ними летное поле с одиноко стоящим самолетом. Их самолетом. Дальше тянулось белое большое-большое поле, на самом горизонте чернела щеточка леса.

Метрах в двадцати увидели красно-оранжевый ряд снегоходов. Один глухо урчал и кто-то в белом полушубке цеплял к снегоходу санки. Они кинулись туда, но тут Марина споткнулась о проволоку и упала. Андрей бросился на помощь, а Леонид добежал до снегохода, толкнул человека в снег и в одно движение вскочил на сиденье. Обернулся. Увидел: Андрей помогает Марине встать, а из-за угла ангара выскакивают солдаты.

Мгновенно оценив ситуацию (солдаты не виде-

ли Андрея и Марину), Леонид с треском отдал рычаг реверса от себя. «Буря» прыгнул вперед и, разметая снежную пыль по сторонам, быстро покатылся к лесу.

— А как же мы? — испуганно вскрикнула Марина.

— Молчи! — Андрей ухватил ее за руку и увлек в узкий проход между контэйнерами.

— Сто-ой! — запоздало послышался голос одного из преследователей. В морозном воздухе гулко простучала автоматная очередь.

— Они все уехали или нет?! — крикнул кто-то.

— Не знаю, — ответили ему. — Надо поискать у контэйнеров!

— Нас поймают, — испуганно прошептала Марина, безропотно пробираясь вслед за Андреем по узким проходам.

— Как говорил великий комбинатор: «Когда будут бить — тогда будете плакать, Киса». Поняла? — ответил на ее страхи Андрей. — Нам надо добраться до самолета.

С этими словами Андрей полез, цепляясь как кошка, на верх контэйнера. Марина испуганно-нерпеливо следила за его восхождением. Добравшись до верха, Андрей лег плашмя и протянул руки вниз: «Цепляйся».

Марина вначале отшатнулась в сторону, но страх быть пойманной пересилил страх перед риском сорваться. Наконец и она, шумно дыша, вползла на верх контэйнера. Они улеглись на холодном металле. Было слышно, как внизу пробежали солдаты, потом еще раз, потом послышался шум заводимых снегоходов. Вскоре их треск стал удаляться и постепенно затих... Андрей и Марина пролежали на крыше контэйнера около получаса. Потом, окоченевшие от холода, решили спуститься. Спуск прошел удачно и их пробежка к самолету тоже. Вбежав по трапу, Марина открыла своим ключом дверь и они прошмыгнули в салон. Пока Андрей устраивался в кресле, Марина сходила куда-то и, вернувшись, протянула Андрею пистолет.

— Откуда? — удивился он.

— От верблюда, — усмехнулась девушка. — Какая тебе разница...

Они оба устроились у иллюминатора и стали следить за летным полем...

21

Леонид достиг опушки леса, привстал на подножках и осмотрелся. Вправо и влево тянулась стена леса, позади на фоне белесого неба матово-серо виднелись строения базы. Погони не было видно.

Леонид закурил.

«Надо добраться до какого-нибудь жилья. Найти телефон. Позвонить. Куда? Ой, да куда-нибудь. Главное: взбаламутить народ. Так... Куда ехать? Если не знаешь куда, то езжай прямо».

Леонид выбросил окурок и нажал клавишу акселератора. Осторожно петляя между деревьев, Леонид вскоре уткнулся в линию электропередач.



«Линия должна вывести к жилью» — резонно предположил он и повернул снегоход вдоль линии.

Через полчаса, преодолевая крутой подъем, Леонид не рассчитав мощности двигателя и мотор заглох. Наступила жутко-прекрасная тишина. Зачарованный видом величественного зимнего леса, он не спешил поворачивать ключ стартера. Но вдруг его ухо уловило далекий треск моторов.

«Погоня!»

Леонид завел двигатель, круто развернул снегоход и вломился в лесную чащу. Его движения стали быстры и внимательны. Наконец он выбрался на открытое место и увидел, к великой радости, чей-то снегоходный след. Не раздумывая, повернул машину и прибавил скорость. Взглядом вцепился в ребристую дорожку и весь мир для него сузился до носка снегоходной лыжи. только один раз он оглянулся. Два снегохода тянулись за ним, отстав метров на двести-триста. Но они настигали его. Через час этой стремительной гонки Леонид вдруг каким-то седьмым чувством почувствовал впереди препятствие. Поднял глаза.

Навстречу двигался снегоход, тяжело переваливаясь по сугробам и неся на спине троих мужчин. До встречи осталось метров сорок. Леонид сбросил «газ» и круто развернул свою машину поперек дороги. Снегоход качнулся и Леонид, не удержавшись, упал на ребристую дорожку. Стремительно поднялся на ноги и бросился к неожиданному «защитникам» (он был уверен, что мужики ему помогут, по крайней мере, «тем» будет сложнее его «повязать»). Леонид вцепился руками в рулевую дугу и, встретившись взглядом с глазами бородастого водителя, быстро заговорил:

— Мужики! Помогите... За мной гонятся. Я ни в чем не виноват. Они меня хотят убить! А я — нормальный пассажир с нормального гражданского самолета. Нас захватили в плен...

Из-за спины водителя в слова Леонида вслушались еще двое. Леонид глянул на них и добавил:

— Они почему-то хотят меня убить. И еще полсотни с лишним ни в чем не повинных людей. Спасите меня.

Треск моторов за спиной Леонида означал, что преследователи настигли его. Четыре пары глаз настороженно смотрели на свою жертву и трех случайных свидетелей...

22

Андрей и Марина просидели у иллюминатора около часа, когда увидели, что от ангара отделились две фигуры и спешно направились в их сторону. Одеты они были в форму гражданских летчиков, а за их спинами висели на ремнях какие-то мешки.

Почувствовав опасность, Марина быстро проговорила:

— Нам надо спрятаться.

Она повела Андрея по проходу, в хвост самолета. Через маленькую дверь пробрались в багажный отсек и забились между чемоданами и сумками.

Едва слышно стукнула открывшаяся дверь. По-

том — мягкие шаги по салону. Через несколько минут «эти» открыли дверь и в багажное отделение.

— Если они добрались до самолета, — сказал один из них, — то спрятались здесь. Больше нигде. Поищем?

— У нас нет времени переворачивать весь багаж, — ответил второй. — Если они здесь, то пусть сидят. Никуда не денутся.

Ждать да догонять, как известно, хуже нет. Особенно в ситуации, когда не знаешь, чего ждать. Наконец по салону послышался шум множества ног. Это пассажиры занимали свои места.

— Пойдем? — тихо прошептала Марина.

Андрей отрицательно покачал головой:

— Рано... Если «эти» в самолете, то они нас сразу «прищучат». Давай дождемся, когда самолет взлетит... А у этих за спиной были парашюты.

— Зачем?

— Если здесь какая-то тайна, то не исключено, что самолет хотят взорвать. А взорвать лучше всего в воздухе. Но те, кто будет это делать — должен спастись. Вот зачем парашюты.

— Нас взорвать?! А что мы натворили? — вскричала Марина.

— Я так думаю... Иначе зачем вся эта скрытность. Дождемся взлета самолета и постараемся выяснить...

— Слушай, Андрей, я тебе не верю, — Марина недоверчиво покачала головой. — Ну как можно погубить неповинных людей. Так не бывает!

— Бывает, — твердо проговорил Андрей. — Но лучше чуть подождать. Вспомни, как солдаты стреляли вслед Леониду! Не надо зря рисковать. Если я ошибаюсь, то извинимся. А если нет, то будешь меня потом сильно благодарить и целовать.

— Ой, ой, ой, — Марина скорчила насмешливо-ироничную гримасу. — Тоже мне супермен нашелся. Аж целый самолет спасти хочет.

— Ты замужем? — вдруг спросил Андрей.

— А зачем тебе это знать? — удивилась Марина.

— Я тоже не женат, — игнорировал ее вопрос Андрей. — Если все будет хорошо и я тебя спасу, то мы поженимся. Хорошо?

Рев запускаемых двигателей заглушил голос Андрея. Самолет дрогнул, качнулся и покатился к месту старта. Приостановился. Натужено взвыли турбины. Разбег. Несколько минут и они закачались вместе с самолетом в воздухе.

Андрей выждал минут десять, потом выполз из-под чемоданов и достал из кармана пистолет.

— Что? Пора? — в глазах Марины засветился страх.

Андрей кивнул и стал пробираться к дверям. Дождался Марину и тихо толкнул дверь.

23

— Эй! — закричал водитель одного из снегоходов. — Гражданин Идите сюда. Мы обязаны вас задержать!

— По какому праву? — закричал Леонид в ответ.

— У нас приказ на ваше задержание, — игно-



рировал вопрос Леонида тот же военнослужащий, скорее всего старший.

— А я ни в чем не виноват! — крикнул опять Леонид.

— Прошу вас выполнять наши требования. Иначе мы вас доставим силой!

— Ну ты и деловой!.. На-ко, выкуси! Плевать я хотел на ваши приказы!

— Взять его! — скомандовал старший и трое солдат прыгнули в снег и, угрожающе выставив перед собой автоматы, медленно побрели к Леониду.

Леонид бросил жалостливый взгляд на Игоря.

Игорь поднял руку, обращая на себя внимание, и крикнул:

— Подождите! Что натворил этот человек?

— Это государственная тайна, — нехотя ответил старший.

— Неправда! — закричал Леонид. — Они захватили гражданский самолет и хотят его уничтожить! Вот их тайна.

— Какой самолет задержали? — спросил Ромской. — Я — Виктор Ромской, начальник поисковой группы областной службы МЧС.

— Это вас не касается! — отрезал старший.

— Да нормальный пассажирский самолет, — торопливо заговорил Леонид, кося глазами на приближающихся солдат. — Дальнеречинск был вчера закрыт и нас посадили на «запасной», к ним...

— Стреляйте! — вдруг закричал старший. Солдаты остановились. Один из них нерешительно оглянулся.

Леонид, каким-то далеким-далеким чувством, понял, что его спасение — это все рассказать.

— Я — пассажир нормального пассажирского рейса «Островск-Дальнеречинск». Рейс 1103. Мы вылетели вчера, 7-го декабря!

Солдаты нерешительно переминались с ноги на ногу, чувствуя неправоту приказа командира, а Игорь, Виктор и Вадим резко вскочили с сиденья и хором спросили:

— Когда самолет вылетел из Островска?!!

— Да не слушайте вы его! — притворно громко засмеялся старший. — Он — сумасшедший. Ну вы же видите... Ну какое седьмое декабря. После-завтра Новый Год. Этот человек просто опасен для общества. Это маньяк...

Старший вдруг вытянул вперед руку. Он сжимал пистолет. И никто не успел помешать ему. Выстрел! Леонида бросило на капот снегохода. Он удивленно посмотрел в небо и, прижав локти к телу, упал в снег.

— Ты, сука, еб...ся, что ли?! — гневно заорал Вадим. — Ты, скотина, почему убил человека?!

— Я вам повторяю, — спокойно ответил старший, — что это сумасшедший. Берите его, — приказал он опешившим солдатам, — и едем.

— Здесь что-то не так, — быстро проговорил Игорь. — Я — корреспондент центральной газеты! — закричал он. — Вам это так с рук не сойдет! Вы ответите за беззаконие!

— Ой, — устало отмахнулся старший, наблю-

дая как солдаты поднимают тело Леонида.

— Ну ты и подонок, — сквозь зубы процедил Вадим. Он поднял ракетницу. Дымная полоса прочертила короткий путь и вонзилась в грудь старшего и прожгла его тело насквозь.

Вадим и Виктор соскочили на снег, выхватили пистолеты, угрожающе наставив их на солдат, которые, кстати, и не думали обороняться и, которые вообще уже ничего не понимали.

— Кладите этого мужчину, — Виктор показал ствол пистолета на Леонида, — на «Буран». Вы, ваш старший, — поправился Виктор, — совершили преступление. Убил человека без суда и следствия. За что и поплатится. А теперь: что произошло? Быстро рассказывайте. Или будете соучастниками преступления.

Солдаты переглянулись. Но вот один из них решил и медленно заговорил:

— Мы не знаем... Ночью к нам на базу приземлился пассажирский самолет. Был приказ: пассажиров и экипаж из ангара никуда не выпускать и не разрешать звонить.

Заглушая голос говорившего, в небе проплыл пассажирский лайнер.

— Что это был за самолет? — быстро и нетерпеливо спросил Виктор.

— Я не знаю. Нам ничего не сказали.

Игорь склонился к лежащему Леониду, расстегнул ему полушубок и приложил ухо к груди.

— Слушайте! — закричал он. — Мужик-то живой! Сердце бьется.

Леонид разлепил веки.

— Мне больно, — прошептал он. — Огонь внутри... Пить дайте.

— Он разговаривает. Просит пить...

Кто-то из солдат вытащил фляжку. Леонид сделал два больших глотка.

— Спасите их. Мы вылетели вчера, 7-го декабря. Рейс 1103. Стюардесса Марина. Командир Романов...

— Какой Романов?! — закричал ошарашенный Виктор. — Романов был командиром на том самом самолете.

— Но этого не может быть, — прошептал Игорь. — Где они были три недели? Это же фантастика, в конце-концов...

А Ромской, сам не зная почему, сразу же поверил этому лежащему мужику, сразу же поверил в НЛО и инопланетян и во все чудеса сразу. И понял, что самолет точно уничтожат! И времени осталось очень мало. Если осталось вообще.

— Все садимся на «Бураны»! — громко закричал он. — Срочно двигаемся к базе! Если не успеем, то самолет взорвут!..

— Но этого не может быть, — засомневался Вадим. — Но это же чистой воды фантастика.

— Все может быть. Все, — торопливо убеждал Вадима Виктор. — Я не знаю деталей, но знаю, чувствую, что мы должны успеть. Успеть!



увидел короткий коридорчик, последний ряд кресел. В одном из них кто-то сидел, а рядом стояла Нина и что-то объясняла. Нина ушла и взору Андрея предстал локоть пассажира.

— Этот, наверное, из этих..., — пробормотал Андрей.

Он повернулся и взял в руки чемоданчик-дипломат из багажа.

— Ты его хочешь убить? — ужаснулась Марина.

— А ты хочешь, чтобы они убили нас? — прищурился Андрей.

Он увидел, что сидевший пассажир вдруг встал и направился в их сторону. Это был невысокого роста мужчина в форме гражданского летчика. Прятаться было поздно. Андрей сжал в руке пистолет, вскочил на ноги и толкнул дверь:

— Руки!.. Буду стрелять!

По салону в их сторону шла Нина.

Андрей даже не успел понять, как это все случилось, но жуткая боль обожгла его правый бок и, теряя сознание, он только услышал, как изумленно-страшно взвизгнула Нина.

Мужчина обернулся на крик.

Марина схватила «дипломат» и изо всех сил ударила мужчину сзади по голове. Тот ойкнул и грузно сполз на пол салона. Марина склонилась над Андреем:

— Андрюшенька... Милый... Ты живой?..

— Мариночка! — закричала Нина. — Что случилось? Откуда ты взялась? Тебя везде ищут...

— Потом! — Марина отмахнулась от напарницы. — Это кто? — она указала на лежащего мужчину.

— Это?.. — Нина не поняла сразу вопроса, но потом сообразила. — Да двое летчиков с «запасного» попросились...

— Дура ты, Нинка, — несправедливо оскорбила ее Марина. — Второй где?

— Там, — опешила от оскорбления Нина. — В первом салоне сидит.

— Успокой пассажиров, — приказала Марина. — Я сейчас...

Она подняла с полу пистолет и быстро пошла, почти побежала в нос самолета. Перед кабиной пилотов никого не было в летной форме. Марина рванула дверь кабины на себя...

Весь экипаж был на своих местах, напряженно всматриваясь в человека в летной форме, стоящего у дверей и державшего в руке пистолет.

— ..курс 52, эшелон 12, — услышала Марина окончание фразы. И она не стала ждать. Выстрел! Мужчину бросило вперед и он, пораженный пулей в голову, сполз вниз.

Романов вскочил со своего места и дико закричал:

— Маринка!.. Что происходит на борту, в конце-концов!..

— Террористы, Александр Михайлович, — спокойно ответила Марина. — Они хотели взорвать самолет.

— Какие террористы?! Не пори херни! Это же летчики с «запасного»!

— А я говорю: террористы! Вы знаете какое сегодня число?! Мы с вами в будущем! Сегодня же восьмое декабря!

— Ты что, сумасшедшая! — рявкнул на нее командир.

— Да свяжитесь вы с Дальнеречинском! Там все скажут! Володя, — Марина бросила взгляд на бортиженера. — Пойдем! Там в хвосте еще один летчик... Вот он нам все расскажет!

— Что происходит на борту?! — взвизгнул Романов.

Марина не стала больше ничего отвечать, а круто повернулась и вышла из кабины. Володя, пожав недоуменно плечами, посмотрел на командира, и последовал за стюардессой.

Андрей сидел в кресле и медленно приходил в себя. Рыжеватый «террорист» полулежал в проходе со связанными за спиной руками. Над ним стояла в воинственной позе Нина, держа над головой «дипломат», рядом один из пассажиров.

— Товарищ, — обратилась к нему Марина. — Спасибо за помощь. Пожалуйста, пройдите на свое место... Ты кто? — спросила она «террориста». Тот пренебрежительно хмыкнул в ответ.

— Вот же гад, — Марина по-мужски сплюнула на пол. — Говори: где бомба?

— Ищи, — разлепил губы «террорист». — Может успеешь. — Он засмеялся.

— Ну нет, сейчас он у меня заговорит! — Володя присел и схватил рыжего за пах. Сильно сжал яички.

— А-ай! — взвизгнул рыжий. — Ты. Пусти, скотина!!

— Говори, когда спрашивают, сука!

— Больно же! Да пусти!.. А-а!.. В салоне!.. Больно!.. Да пусти же... Под третьим сиденьем...

— Когда?

— Десять минут... А-а... Сволочи...

Володя быстро поднялся на ноги и побежал по салону. А в это время в кабине...

— Александр Михайлович, связь не работает. Ни прием, ни передача.

— Хреновый из тебя радист, Юрка, вот что. С каким-то вшивым передатчиком справиться не можешь.

Дверь открылась и влетел второй пилот:

— Михалыч! В салоне бомба! Взведена! Десять минут в запасе...

— Где она?

— У Вовки.

— Е-мое!.. А Вовка где?!

— Здесь я, Михалыч, — в кабину вошел бортиженер, держа на вытянутых руках серый овальный предмет.

— Т-точно, — радист от ужаса стал заикаться. — Я вид-дел так-к-кие...

— Куда ее?! — закричал Володя.

Романов развернулся и резким движением распахнул форточку бокового окна. Упругая струя воздуха ворвалась в кабину. Романов осторожно взял у Володи взрывное устройство и выбросил его наружу. Было видно, как серый предмет отлетел



от корпуса самолета, скользнул по плоскости и исчез в сером небе. С силой Романов закрыл окно.

— Ну и дела, — проговорил он, сильно выдохнув. — Так что со связью, Юра?

— А черт его знает! — Юра развел руками.

— М-да, радиста пора списывать.

Володя выскочил в салон. Вскоре он вернулся:

— Юрка. Помехогенератор за блоком питания. Вот же гады, — добавил он.

Юра пошарил за приборами, вытащил генератор и молча уселся за рычажки радиостанции.

— Дай мне, — усадив второго пилота за штурвал, Романов придвинулся к радисту.

— «Факел», я — «1103». «Факел», я — «1103»...

— «1103», я — «Факел»... Слушаю вас...

— Кто это говорит? Кто на «Факеле»?

— Я это, Михалыч. Олег Старцев... Вы живы?..

— ...Да, Олег. Живы. Что происходит?

— Саша, здравствуй. Расскажу все потом. На земле... Я так виноват, Саша...

— Олег. Ответь на один-единственный вопрос: какое сегодня число?

— Сегодня? 29-е декабря...

— Понятно... Понятно, Олег... Так где же мы были целых три недели?..

25

— Добрый день, Леонид Афанасьевич.

— Здравствуйте, Валерий Владимирович. Ну как дела?

— Операция... не состоялась. Самолет на «посадочном» Дальнеречинска.

— Вы... Вы понимаете, что наделали? Вы собираете, что теперь будет?!

— Да, я понимаю...

— Ни хера ты не понимаешь! Ни хера! Срочно все уничтожить! Все бумаги, фонограммы — все! И покайтесь в своих ошибках. Всенародно! Ты и Кротов! Это должна быть только ваша, поняли, только ваша ошибка! Думайте. Хоть раз в жизни сделайте что-нибудь! И готовьтесь сдавать дела. Ты и Кротов... Ну вы и идиоты!.. Все!!

— До свидания, Леонид (в трубке послышались гудки отбоя) Афанасьевич... Вот же, с-сука...

26

Снегоход Виктора первым въехал на территорию базы. Следом подтянулись Вадим и Игорь. Четвертого не было видно, где-то приотстал...

У границы объектов их остановил часовой.

— Стой! Кто такие? Ваши пропуска!

— Нам срочно нужна радиостанция, — голосом, не терпящим возражений, крикнул Ромской.

— Леха, это свои. Нам надо на радиостанцию, в 6-й блок! — прокричал сидевший сзади солдат.

— Ничего не знаю. Сейчас вызову разводящего.

— Ты понимаешь, что речь идет о жизни сотни людей! — закричал Ромской.

— Ждите разводящего, — часовой надавил кнопку сигнала вызова караульного помещения.

— Ну ты и чурбан, — Ромской спрыгнул со

снегохода и направился к часовому. — Я тебе русским языком говорю: нам нужна радиостанция.

— Не подходи! — взвизгнул часовой. — Стой! Стрелять буду, — он сдернул с плеча автомат.

— А-а, семь бед — один ответ! — Ромской резко повернулся и вырвал из рук часового автомат.

— Эй! Ты чего, мужик? — чуть плаксиво вскрикнул часовой. — Отдай!..

— Да на, бери, — Ромской отстегнул магазин и бросил автомат часовому.

Три снегохода подкатили к зданию радиостанции.

— Где? — Виктор повернулся к солдату.

— А?. Третий этаж.

— На, — Виктор протянул солдату автоматный магазин. — Отдай тому. Хоть лишних неприятностей не будет. — Виктор нашел глазами друзей. — Игорь — со мной. Вадик — мужика раненого в санчасть...

Виктор и Игорь вбежали на третий этаж. Виктор рванул дверь радиокомнаты. Там у аппаратуры сидел дежурный офицер и два солдата. Ромской пропустил Игоря внутрь, захлопнул дверь и повернул ключ. Достал пистолет.

— Мужики! Срочно самолетную частоту!

— Кто такие? — повернулся к ним офицер. — Как вы сюда попали?

— Все вопросы потом, лейтенант. Связь с самолетами. Быстро!

— Это усилие, — пробормотал лейтенант. — Я не имею права...

— Послушай ты, правовед, — подскочил к нему Ромской. — Если самолет взорвет, я тебя собственными руками задушу! Понял?!

— Сейчас, — хмуро сдался лейтенант. Он догадался, о каком самолете идет речь, потому что, как ни храни тайну, а слухи иногда — великое дело!

Из динамика плеснула какофония звуков.

Ромской подскочил к столу, схватил микрофон:

— Слушайте все, слушайте все... Кто меня слышит — на связь!

— «Аркада» на связи, — плеснулось из динамиков. — «Водоем-4» на связи. «Подсвечник» слушает...

— Вызываю «Факел». Самолет, пропавший 7-го декабря и якобы найденный, сейчас в воздухе! Свяжитесь с ним. Сашка Романов сейчас в воздухе! Как поняли? Самолет жив! «Факел», вы слышите меня?..

— Я слышу тебя, — взволнованно заговорил динамик. — Я знаю... Романов уже на «посадочном». 1103-й идет на посадку в аэропорт Дальнеречинска...

И тут в динамики ворвался голос Романова:

— Спасибо всем, кто помог нам остаться в живых. «Факел», я — 1103-й. Прошу посадку. Повторяю: 1103-й просит посадку!

— «1103-й», я — «Факел». Посадку разрешаю. Облачность — 400, сцепление — 5, ветер...

Ромской поставил микрофон на стол и стукнул офицера по спине:

— А ведь мы победили, лейтенант. А? Победили!



Аркадий КОРОВИН

КАРЕНО, ОН ЖЕ ПЛОТНИКОВ

Его биография укладывается в несколько строк, но мы вправе назвать его одним из первооткрывателей мансийского фольклора. Еще в 1918 году журнал «Сибирские записки» напечатал его повесть «На оленьем холме» и литературную обработку мансийского фольклора «Янгал-Маа» («Тундра»). А в статье 1924 года «Послерусский вогульский эпос» («Сибирские огни», №2) он дал анализ народного творчества манси (вогул). Однако после 1938 года его имя исчезло со страниц изданий Урала и Сибири. Это — Михаил Павлович Плотников (1892-1938).

Писать он начал рано: в 1914 году в томском сборнике «Зимние радуги» появился самый первый рассказ, а через год в книге «Жертвы войны» — сразу три. И потом его рассказы пошли потоком в сибирской прессе тех лет: «Ленволны», «Новый журнал для всех», «Сибирский архив», «Сибирские записки», «Сибирский расцвет», «Омский телеграф» и еще многих других.

Н.Ф. Масанов в своем «Словаре

псевдонимов» назвал у Плотникова четыре: «М.П.», «О», «М.Хелли», «Карено».

В 1917 году судьба свела в Омске двух молодых сибиряков — М.П. Плотникова и Вс.В. Иванова. Всеволод Иванов в письме неизвестному дал портрет своего знакомого: Михаил Плотников. Верхняя губа короче нижней. Пенсне. Английский пробор. Синий пиджак и порты, в боковом кармане пиджака — алый кончик платка. Был в Америке, Англии и Германии, учился в университете. Умен. Недоуменные взгляды на мой слишком скромный костюм. Недоверчивое молчание на выкрик Антона Сорокина — «Гений»...»

Сказано кратко, а человек описан полностью. Оказывается, до 1912 года Плотников успел побывать даже в Америке. И в эти же годы увлекся фольклором народа манси.

По свидетельству литературного критика А. Воронского, он 12 лет собирал вогульские-мансийские песни и былины, а затем обработал их, строго сохраняя национальную са-

мобытность, и издал в Москве стихотворную книгу «Янгал-Маа». Наш земляк, а затем ленинградский писатель А.Г. Бармин встретил книгу теплой рецензией, привлекая к ней внимание уральских читателей.

Несомненно, что в творчестве Плотникова это — самое главное произведение. Михаилу Плотникову довелось жить в Омске, Томске, Красноярске, Новосибирске, Тюмени, Салехарде, в городе Ивделе Свердловской области. Везде он ходил друзей, знатоков и собирателей фольклора. По его стопам пошел известный исследователь Севера В.Н. Чернецов. После Плотникова были изданы «Вогульские сказки» А.Баландина, «Песни народов Манси» И.Авдеева. В Свердловске вышли книги ивдельской учительницы и писателя М.К. Анисимковой «Мансийские сказки» и «Таня-Богатырь», в основу которых положен мансийский фольклор. Но пионером его освоения был Михаил Павлович Плотников.

г. Заречный

Михаил ПЕТРОВ

КТО ПОСТРОИЛ НИЖНЕСЕРГИНСКИЙ ЗАВОД?

В исследовательской литературе нет твердого имени первого строителя Нижнесергинского завода. Самый ранний печатный источник (1808 г.) «Описание заводов под ведомством Екатеринбургского горного начальства состоящих» И.Ф. Германа гласит: «Коммерции Советника Михаила Губина завод Нижне-Сергинский, чугуноплавильный и железодельный от губернского города Перми в 299, от Красноуфимска 140, от Екатеринбурга 98 верстах.

Сей завод построен в 1743 году по указу канцелярии Главного завода правления 1740 года сентября 20 числа бывшим дворянином Иваном Никитиным Демидовым, на покупной

у Башкирцев земле в Пермской губернии, в Красноуфимском округе, а наследники его, бригадир Иван и брат его Петр Демидовы продали в 1789 году вообще с Верхне-Сергинским заводом и со семи принадлежностями к оным нынешнему заводо-содержателю коммерции Советнику Михаилу Губину за 600 тыс. рублей...»

Географическо-статистический словарь Российской империи (составитель П. Семенов. Том 4, 1873 г.) подтверждает мнение первого исследователя. Д. Кашинцев в «Истории металлургии Урала» (том 1, 1939 г.) тоже придерживается этой версии.

Однако Н.И. Павленко в своем

исследовании «История металлургии в России в 18 веке» (1962 г.) пишет, что «разрешение на постройку Верхне-Сергинского завода Никита Никитич Демидов получил 20 сентября, а Нижне-Сергинского — 24 октября 1740 года и в том же году приступил к их постройке...»

Кто же прав? Настораживает утверждение самого первого источника — инженера Германа. Возможно, последующие исследователи и справочники отталкивались от его записок, а между тем его утверждение ошибочно. У меня находится копия того документа, который он приводит в своем сообщении о продаже завода Губину.



Этот документ хранится в ГАСО (фонд 14, опись 1, дело 2407) и гласит следующее: «Лета 1789 года мая в 15 день Бригадиры и Крикс комиссар Петр Ивановы дети Демидовы в роде своем не последние продали мы московскому Имянитому Гражданину Михаилу Павлу Губину наше недвижимое имение доставшееся нам после покойного Родителя нашего Дворянина Ивана Никитича Демидова Пермского наместничества в Екатеринбургской области железные два завода называемые Верхне и Нижне Сергинские...»

Обратим внимание на слова купчей: «...доставшееся нам после покойного Родителя нашего Дворянина Ивана Никитича Демидова...» Детям заводы достались от отца Ивана Демидова, но нигде не сказано, что он

эти заводы строил.

Так кто же строил Нижнесергинский завод? В том же ГАСО (фонд 101, опись 1, дело 865) есть такой документ: «В купчей крепости совершенной 1745 года ноября 13 дня башкирцам Уфимского уезда Упейской волости старшиною АДРАЛЕМ БАШКИНЫМ с прочими всего 53-мя человеками на проданную ими с общего согласия башкир всей волости статскому советнику Никите Никитичу Демидову, жене его, детям и потом наследникам землю в вечное потомственное владение находящуюся в урочищах по реке Серге до Уфы реки и Демид реку...»

О строительстве заводов в этом документе ничего не говорится, но сказано, что в годы строительства Нижних Сereg этими местами владел

Никита Демидов. В книге Н. Павленко «История металлургии в России в 18 веке» приводятся слова Н.Н. Демидова, относящиеся к 1758 году: «Чувствуя престарелые свои лета, решил поделить имущество между четырьмя сыновьями в расчете на то, что каждый из них будет свою долю содержать своею властью особо, яко один хозяин, не имея с другими общества». В результате жеребьевки старшему сыну Евдокиму досталась Брынская часть, Ивану — Сергинская, Никите — Людиновская, Алексею — Шайтанская...»

Эти слова еще раз подтверждают, что Нижнесергинский завод строил Никита Никитич Демидов и только по завещанию передал своему сыну Ивану Никитичу.

г. Екатеринбург

Владимир СЕМИБРАТОВ

ТРИФОНОВА ОБИТЕЛЬ

У Марины Цветаевой есть замечательные слова: «...Порой в Кремле легче дышится, чем на всей земле». Это — о сердце Москвы и России. А у нас на Вятке для многих такое сердце, без преувеличения, — Успенский Трифонов монастырь.

Придите сюда в любое время года — «и вечностью повеет вдруг», говоря словами другого замечательного поэта. И проникнетесь тем завещанным нам нашими предками духом, который не зря именуется русским. Да и кости некоторых из предшественников наших по-прежнему покоятся в земле бывшего монастырского кладбища. Только в минувшем столетии, как установил краевед Владимир Любимов, были погребены в стенах обители и супруга ректора семинарии, и ассессор строительной комиссии, и вице-губернатор, и отставной генерал, и кафедральный протоиерей... Несть им числа — ушедшим в небесные обители. И по сей день при производстве в монастыре восстановительных работ (настало, наконец, время собирать разбросанные камни!) обнаруживаются в земле то надмогильные плиты, то просто «косточки русские»... Одним же из первых, кто упокоился в монастыре, к кому ежедневно обращаются в своих молитвах священники и

прихожане, к раке которого в Успенском соборе совершаются паломничества со всей России, является самый известный из вятских святых преподобный Трифон. Он и основал некогда эту духовную, архитектурную и историческую по значению жемчужину. Не случайно именование Успенского монастыря без слова Трифонов будет неполным, как и Троицкой лавры без прибавления — Сергиева.

Преподобным проникнуто в монастыре все, начиная с выбранного им некогда удивительной красоты места и со святого источника, у которого, согласно преданию, являлась будущему святому Сама Пресвятая Богородица. Трифонов ключ — поистине символ Вятского края, но только христианский, в отличие от широко известной, но языческой по сути своей дымковской игрушки. Дарующую телесное и душевное здравие воду источника многие верующие постоянно берут для питья. Ежегодно в праздник Крещения Господня километровая очередь тянется за святой водой.

Средоточие же монастыря, сердце его — собор, построенный в конце XVI столетия из дерева и освященный в честь Успения Божией Матери. В 1689 году храм стал каменным,

отразив в себе черты Успенского собора в Московском Кремле.

И еще что интересно. Самые древние каменные здания на Вятке — Успенский собор и питейный дом, официально именуемый Приказной избой. Духовное и плотское, небесное и земное... И смотрят два эти памятника друг на друга через овраг, и живут каждый своей жизнью. В избу — филиал областного музея — приходят желающие расширить свой кругозор посетители, в собор — взыскующие спасения души.

К сожалению, пока лишь в нем одном проходят богослужения. А ведь есть еще на территории монастыря и другие церкви: Никольская надвратная, Трехсвятительская, Благовещенская, Афанасия и Кирилла Александрийских...

Вот бы к двухтысячелетию со дня прихода в мир Спасителя тщанием всех нас возродилось детище преподобного Трифона во всей красе! Тогда в полную силу забилось бы духовное сердце земли Вятской, и слышен был бы его стук во всех ее ближних и дальних пределах.

г. Вятка

Виды монастыря — на 3-й странице обложки.



Леонид ЁРКИН

ПОД МАЛЕНЬКИМ СОЛНЦЕМ...

*Раньше воспевали роковую
женщину, как таковую.
И от той привычки вековой
плохо приходилось таковой.*
Н. Асеев

Капризы рока

А теперь, завоевав права,
стала женщина во всем права.
Появились веские причины,
чтобы в битву ринулись мужчины:
ибо племя славное мужчин
в жизни свой утратило почин,
ибо этот, прежде сильный, клан
отшел, увы, на задний план
и прямым велением судьбы
он не властен избежать борьбы.
Но, беда, мужчина в той борьбе
изменяет самому себе:
в ход пошли (прямое подражание!)
хитрость и мужское обаянье
и от той измены роковой
род мужской угас как таковой.

Кража

Девять лет, девять лет кряду
без стыда я творю кражу.

Я краду брызги глаз лучистых,
слез нежданное серебро,
искры веры простой и чистой,
в то, что миром правит добро,

расхищаю тепло огня,
разожженного не для меня,

и с жестокостью самозванца,
суд верша неправой рукой,
я лишая щеки румянца
и в душе селю непокой.

Девять лет, девять лет кряду
без стыда я творю кражу.

Пуговица

Далеко, за плотиную,
паучок с ноготок
золотой паутиною
облака обволок.

Зыбь по озеру стелется.
Сосны гулко звенят.

Что-то смутное делается
на душе у меня.

Милых кудерек путаница
у меня на плече.
Что-то хрупкое кутается
в не по росту плаще.

Что-то детски-несмелое
зябко жмется к плечу.
Не пойму я, что делаю,
что могу и хочу.

Вдруг все сразу распутывается:
от плаща наяву
отрывается пуговица
и ныряет в траву.

Тут глаза настороженные,
чуть чужие всегда,
встретив взгляда мой встревоженный,
отвечают мне: да!

Мысль задорная крутится:
право, стоит пожить,
коли ясно, что пуговицу
обещают пришить!

Тут конец всей истории:
это было весной,
я-то думал, которая
не прошла стороной.

Осень.
Злая распутница.
Плащ постылый намок.
Без надежды и спутницы
я брожу, одинок.

Мысль беспомощно путается,
ищет правду во лжи.
Непришитая пуговица
на ладони лежит.

Я тебя подстерегу

Где — сказать я не могу,
как — сказать я не могу,
но — оставь свою усмешку —
за тобой наладя слежку,
я тебя подстерегу.
Не останусь я в долгу!

В некий неизбежный срок,
пусть мне тьму преград воздвигнут,
все равно тебя настигну,
непредвиденный как рок.

Я найду тебя, найду!
Где — не важно: там ли, здесь ли,
даже, страх подумать, если
ты окажешься в аду.

Ночью, среди бела дня,
в городе, в глуши предместья
вдруг явлюсь я как возмездье
и скажу: прости меня!

Жизнь за пятку

Не взгляни я украдкой
на нее у окна,
память маленькой пяткой
не была б смущена.

Голубая прохлада
кольхнулась в окне.
Тут она, как награда,
вдруг представилась мне.

Нет, ни разу, ни разу
не встречал я такой.
Мой медлительный разум
позабыл про покой.

Говорю без оглядки:
ни единого дня
жизнь без милой мне пятки
не устроит меня!

Заведенных порядков
нет резона менять.
Эх, зажить бы под пяткой —
что мне, вроде, терять.

Может статься, под этой
засверкал бы кристалл:
вновь я стал бы поэтом,
человеком бы стал?

Мне под маленьким солнцем
зажилось бы легко:
ведь большое несется
чересчур далеко!



АЭЛИТА-99

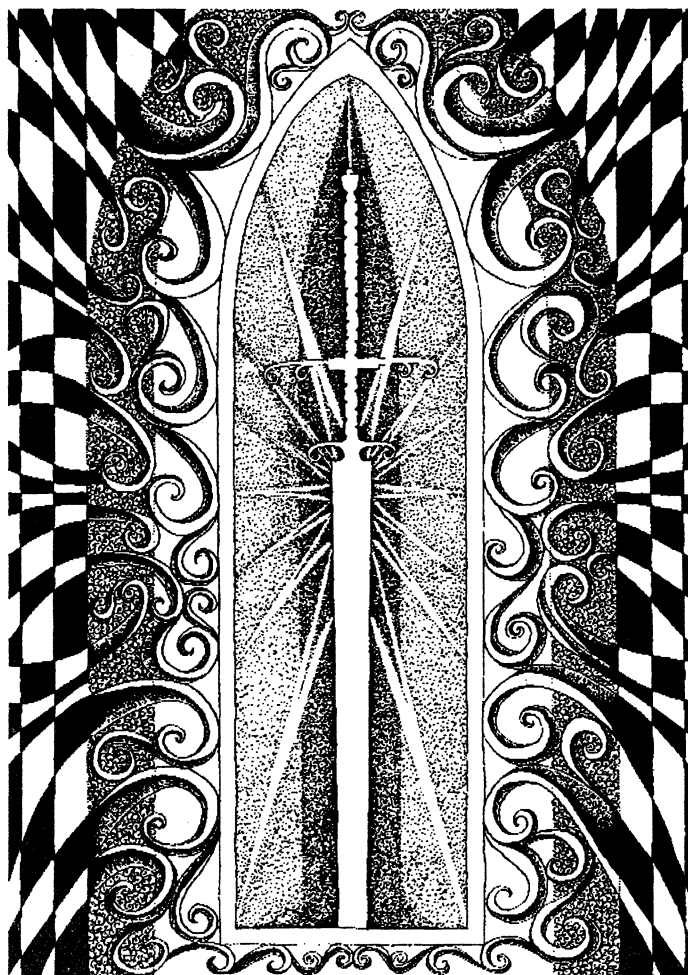


Наталия ИПАТОВА

*Анне и Сергею Голубевым, чете Добсонов, а также Нуаду, Берену, Маэросу,
в особенности же — Бенедикту Амберскому посвящается*

ВИНТЕРФИЛД

Рисунки Ольги ВАСЯНИНОЙ





1. ГИАЦИНТОВАЯ ФРЕЙЛИНСКАЯ

— Дерьмо! — Хайке чуть не плакала, глядя на свое распухшее вывихнутое плечо. — Как я буду выступать?

— И я думаю о том же, — безжалостно отозвалась Катарина фон Лиенталь, старшая гоф-дама Гиацинтовой фрейлинской, чьи твердые пальцы только что вправили упомянутое плечо. — Надеюсь, ты соображаешь, как подставила нас всех? Впрочем, голова никогда не была твоей сильной стороной.

Старалась она, впрочем, зря. Хайке Больц сейчас более, чем когда-либо, было плевать на оскорбления. Она сидела убитая тем, что по всей видимости не сможет принять участие в Королевском фестивале фехтования, к которому, по ее словам, шла всю сознательную жизнь, готовилась целый год, выиграла уже свой четвертьфинал, а вот теперь... Хайке была номером один в сборной королевы, сегодня всего уже через шесть часов состоятся решающие бои, и как на грех — эта травма. И что особенно обидно, в чем ни перед кем не оправдаешься, получена она по самой неуважительной причине, какую только можно придумать. Хайке опустила кудрявую голову и поджала ноги под табурет.

Она сидела в центре узкой темной нетопленной комнаты, игриво именовавшейся Гиацинтовой фрейлинской, и табурет назначен был исполнять роль скамьи подсудимых. Остальные три фрейлины разместились на своих кроватях, составленных ввиду невозможной тесноты почти вплотную. В единственное пыльное окошко проникало очень мало серого утреннего света, и без привычного макияжа лица девушек выглядели безжизненными и тусклыми. Фрейлина королевы гораздо больше «должна», чем «имеет право». По штату, например, девушки не имели права на завтрак: никому не приходило в голову, что эти эфемерные создания обладают здоровым аппетитом молодых женщин, и им приходилось добывать себе еду разными праведными, а чаще неправедными способами, самым чистым из которых считалось любым способом заставить мужчину угостить себя. Иной раз, если не удавалось припрятать что-нибудь от вечернего фуршета, с утра на четверых у них не было ничего, кроме бутылки коллекционного шампанского. Они почти не спали, потому что дворцовые увеселения, украшать которые своим присутствием и щебетом девушки были обязаны вне зависимости от желания, длились всю ночь до рассвета, а спозаранку девушки уже прислуживали королеве. Поэтому большой популярностью в их среде, почти наряду со средствами контрацепции, пользовались разного рода возбуждающие снадобья, позволявшие им как можно дольше держаться на ногах. Не выдержавшая ритма такой жизни и проштрафившаяся в особо крупных размерах фрейлина с позором отсылалась на родину. Девушки жили на средства, присылаемые из дома, коих по дороговизне столичной

жизни хватало очень ненадолго. Жалованье им не платили: фрейлинская служба сама по себе считалась высокой честью, которой чванилась оставшаяся дома семья, потому в массе своей девушки не гнушались принимать подарки и обращать их в деньги. Доставшая чайник с горячей водой единогласно объявлялась героиней и с гордостью носила сей титул, пока кому-либо из подруг не удавалось повторить этот достойный восхищения подвиг. В холодные зимние ночи они сдвигали кровати и жались вместе, пытаясь согреться теплом собственных тел. Они давно уже научились шнуровать и причесывать друг друга. Они держались вместе, потому что жизнь их проходила в постоянной жестокой конкурентной борьбе с Фиалковой, Розовой и Сиреновой фрейлинскими, они поневоле были хитры, изворотливы и лживы, и ощущали себя маленьким гарнизоном, возглавляемым гофмейстериней с огромным жизненным опытом.

Катарина фон Лиенталь, сама прошедшая весь этот путь, держала маленьких «ленивиц и распутниц» в ежовых рукавицах. Они могли вытворять все, что угодно, но сохраняя при этом внешнюю благопристойность и шарм, приличествующие королевскому двору. Одному только Богу ведомо, сколько нежелательных беременностей было прервано благодаря ее своевременному вмешательству. Впрочем, она-то хорошо знала, что в этих делах Бог плохой помощник. А однажды, в молодости, некоторые предпринятые ею шаги помешали свершиться государственному перевороту, но она была достаточно умна, чтобы не вспоминать об этом вслух. От нее зависело, чтобы с утра ее девочки были на местах, в форме и в состоянии выполнять свои обязанности. Она также отвечала за совершенство их внешнего вида и утонченность манер. Фрейлины должны напоминать умирающие цветы. Но только напоминать!

Разноцветные пышные юбки скрывали тренировочные гибкие и закаленные тела. Лет сто назад кому-то из венценосцев, надо думать, существенно стесненному в средствах, пришло в голову совместить статус фрейлины со статусом телохранительницы женской половины своих домочадцев, и с тех пор удостоенным сей чести девицам из дворянских семей пришлось существенно подтянуться по части физической подготовки. Наверное, никто не ожидал, что идея в такой степени разовьется, но юные леди, состязаясь друг с другом за внимание коллег-мужчин, в большом количестве появившихся рядом благодаря этому нововведению, достигли здесь таких высот, что Королевский фехтовальный фестиваль уже не разделял спортсменов по половым категориям. Здесь они были полноправны, и знатные господа, те, кто не выступал в соревнованиях лично, не гнушались приглашать их в представляемые ими команды. Как уже упоминалось, Хайке Больц из Гиацинтовой фрейлинской считалась первым номером в команде самой королевы.



Взлет ее был фантастическим. Она единым духом прошла предварительный отбор, а в полуфинале жребий сводил ее с самой Эрной фон Скерд, не фрейлиной, между прочим, а полноправной хозяйкой своих поместий, уже четыре года — непременной финалисткой Королевского фестиваля. Финалистка — но ни единожды не чемпионкой, не продвинувшейся дальше оскорбительного титула вечно второй. Все четыре года лорд Грэй, страж Северной Границы, повергал Эрну — свою изменницу-ученицу, хулившую его на всех углах — в пыль, сам же бесменно сохранял за собой титул Короля Клинка вот уже двенадцать лет и не участвовал в отборочных соревнованиях. Победитель полуфинала сойдется с ним, а до поры чемпион этойкой ленивой скотиной сидит лишь одной ступенью ниже короля и равнодушно наблюдает за страстями фестиваля. Никто не верил, будто Хайке может побить Эрну, для которой схватка с лордом Грэем в финале и победа над ним есть нечто большее, чем спорт. Ничего на свете не желала та сильнее, чем скинуть лорда Грэя с этого чемпионского кресла, прилюдно унижить его поражением, в прах растоптать его былую славу, и те, кто в курсе, напряженно ждут исхода их многолетнего соперничества, победа в котором, как утверждали злые языки, с каждым годом давалась чемпиону все с большим трудом. И вот теперь этот вывих, зачеркнувший все самые дерзкие мечты Хайке, осмелившейся встать между фон Скерд и ее первым врагом.

— Рассказывай! — велела Катарина.

Хайке шмыгнула носом.

— Самое обидное, — резко бросила она, — что парень этого не стоил.

— Кто он такой? Где ты его подцепила?

— Я не знаю. Не успела узнать. Он сам ко мне подошел после отборочных. Я подумала, что...

Она замолчала, и Катарина неумолимо закончила за нее:

— Ты подумала, что пора бы и пользоваться плодами своих побед. Так?

— Вы же сами говорили, что полноценный... полноценное свидание великолепно тонизирует спортсменку! Ну, я и подумала... мне же нужны какие-то дополнительные стимулы перед Эрной.

— Я тебе также говорила, — процедила гофмейстерина фон Лиенталь, — что на фон Скерд поставлены большие деньги, и что не в первый и не в последний раз подобным образом расчищают путь фавориту. Это знакомство могла бы подстроить и сама Эрна, вокруг нее вечно крутится всякая уголовная шваль. Очень явно она выигрывает от твоего несчастливого случая. Либо она автоматически побеждает за неявкой противницы, либо, ввиду спешной замены, получает более слабую, не тренированную на победу соперницу. Так и так она экономит силы для лорда Грэя. Там они ей ох как понадобятся. Что будешь делать?

Девушки устались на разнесчастную Хайке. Вче-

ра, поздно вечером, когда она возвращалась из фехтовального зала, к ней подошел красивый молодой дворянин, они о чем-то шептались, и она отпустила подруг, намекнув, что отправляется праздновать победу «в очень узком кругу поклонников». На рассвете она, держась за стену и стиснув зубы, вся в злых слезах, добралась до каморки, лелея вывихнутую руку.

— Он сам тебя калечил?

— Нет, — нехотя отвечала Хайке. — Напали на нас в переулке. Целая толпа, человек пять. Я не знаю, куда он делся. Темно было. Только руку вывихнули, больше им ничего не надо было.

— Даже не ограбили?

— Да что с меня взять, кроме пота, я ж с тренировки шла. Он сказал, — она вызывающе сверкнула на «судилище» черными глазами, — у него я смогу принять горячую ванну!

— Ясно, — подвела итог гофмейстерина. — Твой кавалер свое дело сделал, завел тебя, куда надо, и смылся. Надеюсь, когда-нибудь ты его встретишь, опознаешь и... В общем, разберешься. Если мы сейчас сообщим о твоей травме, наши соседки будут в полном восторге, и номером один от команды выберут кого-нибудь из Фиалок. Тагет, например, или Цоррен, нас же смешают с грязью. В любом случае полуфинал с фон Скерд был обречен на поражение: надеюсь, никто здесь не питал на сей счет призрачных надежд? Та стерва знает, чего хочет, и никому не позволит встать у себя на дороге.

Она убила взглядом бедную Хайке.

— Значит, единственное, что мы можем сделать для сохранения лица — это выставить от нашей комнаты другого бойца, которая продержится против Эрны столько, сколько сможет, и сделает это так, чтобы было не очень заметно, что она вышла проигрывать. Кто из вас сможет это сделать?

Девушки переглянулись. Катарина фон Лиенталь обозрела их всех. Кто из них способен заменить быструю как ртуть, верткую как юла Хайке? Теодора, с гладкими черными волосами и аметистовыми глазами? Воздушная, утонченная, ткни ее пальцем — и она развеется, как греза, сальфида, да и только. Нет, Эрна бросит ее наземь одной подножкой в первую же секунду. Фон Лиенталь доверила бы ей кинжал или яд, но не меч. Хохотушка Зильке пухленькая, в кудряшках. Привлекательная в салоне, на паркете фехтовального зала она будет смотреться нелепо. А проигрывать нужно красиво.

— Лея Андольф, — сказала гофмейстерина, — против фон Скерд выйдешь ты. Если, разумеется, — с неудержимой язвительностью, более всего говорившей о ее настроении, добавила она, — ты не выбрала именно эту ночь, чтобы лишиться невинности.

2. ДЕРЕВЕНЩИНА

Разумеется, она была красива. Если бы она не отвечала этому непременному критерию, она никог-



да не заняла бы соответствующее место при дворе. Фрейлиной она состояла совсем недавно, а потому ей пока не случилось опровергнуть свою репутацию деревенщины и недотроги, которую ей создали кавалеры, отвергнутые при попытке первого штурма провинциальной добродетели. Не то, чтобы она возводила нравственность в непреложный закон; поварившись в дворцовом котле, она уже научилась относиться к девичеству как к обременительным путам, но пока никто не выделился в ее глазах настолько, чтобы без сожаления с оными расстаться.

В росте она превосходила своих подруг из Гиацинтовой фрейлинской чуть не на полголовы, была светлорусой, с тем особенным золотистым оттенком, какой можно увидеть на корочке ржаного хлеба, если он не слишком поджарен. Теплые глаза орехового цвета, которые никто не назвал бы обжигающими, освещали открытое приветливое лицо, еще не утратившее полудетскую округлость, вокруг них еще не успела сплестись сеточка усталости, а в улыбке нежных губ не было и следа цинизма — непременно атрибута сколько-нибудь продолжительного придворного стажа. Ей никогда не удавалось зашнуровать талию до уставных четырнадцати дюймов, даже толстушка Зильке испытывала по этому поводу меньше мучений. Хорошо ей: знай перегоняй жирок с места на место, повыше и пониже, а вот попробуй утянуться, если под кожей у тебя ровный слой упругих твердых мышц. Сказывались спортивные забавы, в которых дома она была с братьями на равных. Не на умирающий ирис походила она, но на стройное молодое дерево, и все, сказанное о фрейлинах выше, почти ее не касалось, она покуда плавала в этой новой для себя жизни, как утка в воде, не напокая.

Посещать тренировочный зал она тоже никогда не отказывалась: сказать по правде, она особенно ценила в нем то, что это было единственное место, где фрейлина на полном основании могла провести время без удушающего корсетного панциря. К тому же продолжительные физические нагрузки веселили ее тело и оживляли цвет лица.

Говорила она мало и никогда не стремилась выделиться ни нарядом, ни умничаньем, и в сборной королевы не числилась ни вторым, ни даже третьим номером. У Леи Андольф не было чемпионского характера. Она никого не хотела побеждать.

Она умела жить в ладу как сама с собой, так и с другими людьми, и те, кто из кожи вон старался определить ее соответствующим ярлыком, в конце концов единодушно признали ее никакой.

Однако данные у нее были хорошие, и она отлично смотрелась в гимнастическом костюме, а потому гофмейстерина фон Лиенталь в своем выборе не колебалась. По крайней мере эта выглядит здоровой и твердо держится на ногах.

3. ЧЕМПИОН

Прямо с улицы они угодили в толчею парадного

зала Гильдии фехтовальщиков. Народ расступался перед королевой, кланялся ей и вновь смыкался за ее спиной, и фрейлинам, шествовавшим за госпожой, приходилось прокладывать себе дорогу где улыбками, где просьбами, а где — и локтями. Гофмейстерина возглавляла маленький отряд, исполненный решимости постоять за честь своей фрейлинской; Хайке, с чьего лица не сходила болезненная бледность, следовала в кильватере, остальные обступили ее плотной коробочкой, оберегая от толчков или чего похуже: всякое может случиться со спортсменкой в такой толчее.

Хайке была одета в гимнастический костюм, выдержанный в цветах королевы — коричневый, с красной отделкой; лубок, фиксирующий руку, фон Лиенталь сняла с нее перед самым входом: она намеревалась сохранять акт подмены в тайне до самого последнего момента, а там — будь что будет. Остальные девушки с ног до головы кутались в плащи: отчасти спасаясь от прохлады весеннего утра, но главным образом из-за стратегических соображений. Им приходилось скрывать, что костюм Леи, весьма отличаясь от ливрейного фрейлинского платья, в точности повторяет тунику и лосины Хайке.

Многие узнавали их, пока они шли к отведенным для свиты королевы местам, подходили, здоровались, говорили Хайке несколько ободряющих или наоборот, уничижительных слов — в зависимости от того, принадлежали ли они к партии болельщиков Эрны фон Скерд или ее противников. Хайке кивала, и ее немногословие и бледность вполне объяснились волнением предстоящего полуфинала. Злопыхатели же умело отстреливались на лету безжалостными и вполне снайперскими колкостями ее подруг.

Лея привыкла видеть этот зал пустоватым и гулким, привольным обиталищем городского эха, поседевшего под его лепными потолками. Свет, зеленоватый от обилия ранней листвы, струился в высокие окна, щербатый паркет, выложенный черно-белой шашечкой, не ремонтировался уже лет сто, частично потому, что иные отметины оставили на нем люди, чьи имена и слава жили и после их смерти, и смотритель зала имел немалый доход, красочно описывая туристам деяния великих Мастеров и их излюбленные фехтовальные приемы, а также обстоятельства, при которых была высечена та или иная зазубрина, а частично по той прозаической причине, что на шершавой поверхности меньше скользит нога, обутая в мягкий кожаный фехтовальный сапожок без каблука. Но сегодня эхо забилось незнамо куда, перепугавшись шумной разряженной толпы, вторгшейся в его владения.

Мальчишки-пажи с раскладными стульями с самого раннего утра сидели здесь, занимая места для только сейчас прибывающих хозяев. Тех, кто собирается выступать, на самом деле очень легко с первого взгляда отличить от тех, кто явился только поглазеть. Для тех, кто ничем не рискует, Королевский



фестиваль есть чудесный предлог в очередной раз продемонстрировать красоту, вкус и богатство, а то и просто напомнить столице о своем существовании, привести сюда детей и домочадцев, чтобы те во всем блеске увидели достойнейшее из дворянских искусств. В глазах рябило от обилия бархатных беретов с драгоценными аграфами, страусиных и павлиньих перьев, ярких узорчатых шелков с юга Франции и тончайшей выделки английской шерсти, окрашенной в благородные приглушенные цвета, парадных кинжалов и шпаг, отделанных золочеными насечками и усеянных самоцветами. Дамы в кринолинах занимали по десять квадратных футов полезной площади зала, а в толпе, как мыши, шныряли букмекеры, столь же неперменные спутники фестиваля, как сами претенденты на высокие звания. Однако если в этой буйной пестроте вы встретите невзрачную личность в поношенной тунике или в бесформенном свитере, в брюках, вытертых и вздутых на коленях, а то и пару дней небритую — знайте, перед вами тот, к кому в ближайшие часы будут прикованы все взгляды. Спортсмены — народ суеверный.

Людскому озеру было тесно в отведенных ему берегах, оно волновалось, оттесненное к выходу веревочным заграждением, внутри которого на освященной и неприкосновенной ни для кого, кроме избранных, выстроился ряд гильдейских Мастеров, подтянутых, нарядных и напряженных, неусыпно следящих за соблюдением правил поединка. Как профессионалы, они не имели права участвовать в состязании любителей, однако от их пристального внимания вряд ли ускользнет какая-нибудь мелкая подробность, какой-нибудь удар, даже такой искусный и подлый, какой не заметит никто в зале. Их мнение о чистоте поединка существенно повлияет на распределение очков.

Это необходимая предосторожность. На протяжении всей истории проведения Королевских фестивалей те обрастали разными правилами, которые с совершенствованием благородного искусства состязающихся рано или поздно, но отменялись. Теперь здесь допускалась любая акробатика, на какую оказывались горазды гибкие развитые тела. Однако одно из правил осталось непреложным на века: фехтовальщик, нанесший противнику неизлечимое увечье, дисквалифицируется до конца жизни. И хотя в руках у них будут тупые спортивные мечи, их с точки зрения членовредительства вполне можно рассматривать как тяжелые металлические прутья, вполне способные выколоть глаз, перебить жилу, раздробить челюсть, рассечь лицо, сломать ребро или ключицу. Допустивший даже нечаянно подобный промах недостоин носить звание чемпиона, каким бы Мастером он ни считался. И в отношении фон Скерд мера эта отнюдь не была излишней.

Она уже появилась здесь и стояла в окружении толпы поклонников и прихлебателей, услужливо смеявшихся ее репликам тогда, когда она того ожидала, и доставляющих ей удовольствие, задевая со-

седей. Никто не осмеливался достойно огрызнуться на эту свору: фон Скерд была злопамятна и привечала подлецов. Обилие в ее свите атлетических молодых брави с наглыми мордами и видимый мир, в каком они уживались меж собой, заставили языкастых фрейлин вслух предположить, что фон Скерд обладает неистощимым любовным темпераментом. Красивая, но непривлекательная молодая женщина, лет, может быть, на пять старше Леи, миниатюрная, пружинистая, с копной каштановых кудрей, не достигавших плеч, и изумительно правильными дугами черных бровей на белой коже. Слишком значимая персона, она не скрывала своих дурных наклонностей и страстей, ее лицо сформировалось в издевательскую циничную маску, а ругалась она так, что краснели мужчины. Владения ее располагались на северо-востоке и граничили с владениями лорда Грэя, она носила свои фамильные цвета — черный и зеленый, так как выступала от собственного имени, и вся волчья стая, юлящая у нее под ногами, щеголяла в бантах и лентах своей повелительницы. Ее резкий голос был слышен издали, невзирая на все прочие шумы. Хайке даже приподнялась на цыпочки, выглядывая лица: у нее была надежда отыскать в свите претендентки своего подставного кавалера, однако была разочарована. У фон Скерд явно хватало ума не позволить связать свое имя с покушением на соперницу.

При виде Хайке Эрна фон Скерд высоко подняла безупречные брови и сказала что-то, восхитившее и насмешившее ее лизоблюдов. Наблюдая за выражением ее лица, Лея никак не могла отделаться от отвратительного ощущения, что подозрение, высказанное гофмейстериней фон Лиенталь в отношении истинного виновника постигшего Хайке несчастья, обоснованно и справедливо. Чувство, которое она испытывала, было омерзительно и пробирало до самого нутра, но оно вытесняло мандраж, и в глубине души Лея не могла не признать, что оно сыграло вполне положительную роль.

Их пропустили внутрь ограждения, они подошли к королеве с реверансом, Хайке преклонила колено, и патронесса сказала ей несколько ободряющих слов. Лея же, наблюдавшая исподтишка, ни на секунду не упускала из виду выражение лица фон Скерд. Слишком спокойна. Шапками вышла закидывать. Достойного сопротивления не ждет.

Живописным цветником Фиалки, Розы и Сирени уже расположились у подножия кресла королевы и теперь с недоумением поглядывали на Гиацинты, не спешившие избавляться от глухих уличных плащей. Катарина фон Лиенталь незаметно отошла и о чем-то шепталась с герольдом, тыча пальчиком в его список. Тот несколько раз придирчиво переспросил ее, уточняя какие-то значимые мелочи, и наконец они сговорились. С непроницаемым видом гофмейстерина вернулась к своей госпоже.

Раз уж прибыла сама королева, то ожидание не



могло тянуться долго. Спустя всего минуту или две после окончания маневров фон Лиенталь взревели фанфары, и из скромной малоприметной дверки, скрывавшей за собой служебные помещения Гильдии, в том числе и кабинет старосты, вместе появились король и лорд Грэй. Последний выступал от собственного имени, а государь автоматически считался болельщиком своего чемпиона. Со стороны могло даже показаться, будто они друзья.

За спиной короля встал, скрестив на груди руки, невысокий смуглый вельможа в черном. Герцог Анколо, шеф Службы Безопасности. Ни одного телохранителя кроме него, их присутствие сочли бы оскорбительным для лорда Грэя, на поясе у которого меч, а это все равно, как если бы тут стояла рота лейб-гвардии.

Лея впервые видела великого фехтовальщика — страж Северной Границы не был придворным завсегдатаем — и впечатление оказалось сильным, хотя и смешанным. Она знала, что этой живой легенде сорок пять лет, и с высоты болотной кочки своей девятнадцатилетней юности считала его чуть ли не древним старцем. Однако посмотрев на него взглядом фрейлины, уже начинавшей приобретать опыт в визуальной оценке мужчин, она не могла не признать, что, будучи ровесником ее отца, он отнюдь не выглядит развалиной.

Он вовсе не пережевывал славу, как корова — жвачку. Он просто присутствовал на своем законном посту и готовился наблюдать за происходящим с некоторой долей интереса. Был здесь, как любой другой из присутствующих, и в то же время вряд ли кто другой был бы тут более уместен. С его появлением никого другого Лея уже не смогла бы мысленно посадить в это кресло.

Это был высокий загорелый человек, широкоплечий, длинноногий и худой, обладавший особенной, не передаваемой никакими словами грацией совершенной боевой машины. В юности его волосы, спускавшиеся ниже воротника и связанные кожаным шнуром, были чернее воронова крыла, теперь возраст тронул их инеем, и немногие резкие морщины на его лице оставила мимика, а не годы. Горбоносый профилем и твердостью лица лорд Севера напоминал хищную птицу и носил зимние цвета — серое и черное. На нем были узкие брюки из упаковочной ткани, с грубой отстрочкой, и свободный серо-пестрый пуловер, доходивший до середины бедра, все в высшей степени потертое и затасканное, словом — вполне чемпионское. Там угадывалась игра неотягощенных жирком мышц, и смотреть на него было приятно, хотя в этом чувстве наличествовал некий лихорадящий холодок: бог весть, чем должен быть человек, трудами всей жизни сотворивший с собой такое. И все же Лее подумалось, что когда фон Скерд вышибет ее из круга и сойдется с лордом Грэем в финале, она, уже как праздная зрительница, будет болеть за мужчину.

Пока король произносил речь, благоразумно краткую, поскольку понимал, что люди здесь собрались не его послушать, на ум Лее приходили разные слышанные о лорде Грэе сплетни. Машиной, созданной для убийства, казался ей этот мужчина, обладавший вполне ощутимой притягательной силой и способный с одного взгляда внушить к себе глубокое почтение опытной спортсменки. Лет пятнадцать назад, в последней из сотрясавших Север междоусобных войн, он потерял жену. Ее убили в комнате, где на стене висел меч. До тех пор лорд Грэй был откровенным противником женского фехтования, неоднократно во всеуслышанье заявляя, что защищать даму — почетная обязанность мужчины, переуступать которую самому слабому полу он не собирается, во всяком случае, в пределах своей семьи. Действительность, в которой мужчины вместо того, чтобы защищать женщин, убивали их, и в которой в нужный момент его не оказалось рядом, растоптала его высокомерие. Наверняка он терзался сослагательным наклонением: что было бы, если бы... Очевидно, у Карен Грэй, знай она, с какой стороны у меча гарда и стой на пороге узкого дверного проема, был шанс продержаться хотя бы пару минут. Муж во главе отряда прорубался вверх по лестнице ей на выручку, и кровь была еще горяча, когда он рухнул на колени возле ее бездыханного тела.

Может, и не так все было. Может, на пути из уст в уста, как это часто случается, легенда обросла подробностями. Доподлинно известно лишь, что он остался несокрушимым вдовцом, хотя многие желали бы утешить богатого и привлекательного лорда. Его неуступчивость прекрасным соблазнам породила массу сплетен о нетривиальности его пристрастий и мужских возможностях. Однако сейчас, видя его веселые глаза и уверенные манеры, Лея очень сомневалась в наличии у лорда Грэя хоть какой-нибудь формы ущербности. И то, когда в Гиацинтовой фрейлинской живо обсуждалась эта тема, Катарина фон Лиенталь прикрикнула на своих питомиц, чего обычно не делала, когда другие падали жертвой их острых язычков. «За каким дьяволом ему жениться, — сказала она, — когда он лорд, и вокруг полно крестьянок».

Видимо, единственной, кто знал о нем что-то доподлинно, была Эрна фон Скерд, единственная женщина, некоторое время жившая в его поместье. Все-таки, что она умела, научил ее он. Выдвигались разные версии их размолвки, но фактически не осталось в столице ни одного угла, из-за которого фон Скерд не твякнула бы на своего учителя. На взгляд Леи, мерзкий характер фон Скерд сам по себе мог быть достаточной причиной, чтобы спустить ее с лестницы.

Герольд вышел в центр свободного пространства, ступить куда позволялось лишь фехтующим да ему как лицу особого значения, поклонился царственным особам, потом — на остальные стороны, выслушал торжественное вступление фанфар и развернул пе-



ред глазами скрепленный королевской печатью свиток.

Его профессия была наследственной. Он с закрытыми глазами описал бы самый замысловатый герб или герб самого захудалого дворянского рода, чьи представители могли уже несколько поколений не появляться при дворе. Одно лишь неверно поставленное ударение покрыло бы его бесчестьем, и даже его далеким потомкам кололи бы глаза недоброй памятью, не говоря уже о том, что подобная роковая ошибка навеки лишила бы его права кормиться, анализируя и классифицируя ветви генеалогических древ знатных семейств. Все это знали и ценили, а потому замерли в безмолвии, когда бесстрашный глашатай чужой славы набирал в легкие воздух.

— В полуфинал, согласно результатам предварительных состязаний, выходит маркграфиня фон Скерд, выступающая от собственного имени...

Шайка лизоблюдов взорвалась ликующими воплями, Эрна вскинула руки вверх, принимая их возторг и отдавая честь звуку собственного имени.

— В связи с травмой представительницы команды Ее Величества королевы... — продолжал герольд.

Толпа ахнула, король всем корпусом развернулся к супруге, желая немедленно узнать, в чем дело, та со словами «почему мне никто...» вскинула изумленные глаза на фон Лиенталь, стило улыбавшейся с гримасой мазохистки-самоубийцы «я все объясню...»

— ... в сборной Ее Величества замена. Вместо Хайке Больц выступает также фрейлина Ее Величества Лея Андольф.

Лея скинула плащ и уверенным шагом, вся обмирая в душе, вышла на середину арены. Помощник герольда, преклонив колено, протянул ей тренировочный меч.

Воцарилась мертвая тишина. Вместо маленькой жилистой и верткой Хайке посреди зала стояла высокая юная богиня, прекрасная, как греческая статуя. Фон Скерд выплюнула сквозь зубы какую-то непристойность и прыгнула через канаты. В толпе активизировались букмекеры.

— Это в пределах правил, — сказал король, чье слово в любых сомнительных вопросах оставалось решающим. — Пусть дерется.

Он не очень любил фехтование, предпочитая собственнo ему искусство физиономистики и наблюдения за человеческими страстями, коим фестиваль даровал чудесную почву. Этот неожиданный поворот и чувства, отразившиеся на лицах, доставили ему искреннее наслаждение. И герольды скомандовали:

— Бой!

4. ПОДАРОЧЕК

С первой же минуты Лея заперлась в глухой защите, давая себе время избавиться от шока. Судя по всему, Эрна фон Скерд не желала тратить время и силы на какую-то фрейлину. Она собиралась смять,

опрокинуть и растоптать ее в первую же минуту.

Победитель определялся согласно заработанным очкам. Каждой при начале поединка присваивалась определенная сумма, написанная мелом на черных досках, возле которых дежурили расторопные ученики. Судейская бригада, сформированная из самых авторитетных Мастеров Гильдии, не спускала с фехтующих глаз, время от времени подавая знак начислить или удержать сколько-то очков. Потерянная одним из поединщиков сумма шла в доход другого, и победа считалась одержанной, когда проигравший полностью исчерпывал свой лимит, а сумма победившей стороны удваивалась. Штрафовали за подлый удар, за нечистоту «школы», за намеренное причинение боли. Однако обмен знаками происходил так неуловимо, да и сама их система была так тщательно закодирована, что сами фехтовальщики зачастую не знали, кто из них выигрывает бой, пока финальный рожок не провозглашал конец поединка.

С первого взгляда казалось, что здесь все будет ясно, как божий день. Фон Скерд знала немислимое множество приемов, и по логике вещей Лея, блокировавшая ее всего несколькими чисто отработанными защитами, никак не могла выстоять против нее больше минуты.

Однако стояла. Не атакуя — где там! — но неустанно и трудолюбиво, как пчелка, набирая себе очки.

Ибо фехтование фон Скерд было полно грязи. При завидном количестве качества — никакого. Где-то локоть, поднятый выше допустимого, где-то выпад глубже разумного. Она осваивала новое, не отшлифовав старое до зеркального блеска, компенсируя пробелы «школы» свирепостью и быстротой, которой Лея могла противопоставить только моментальные увороты, пропускавшие свистящее в воздухе оружие соперницы в долях дюйма от себя. Она держалась на чуть-чуть, практически на одном чувстве равновесия и меры, напрочь отсутствовавших у фон Скерд.

Фехтовать с Эрной было немислимо тяжело. Никакого джентльменства она не придерживалась и в помине. Там, где спортсмен только обозначает наносимый укол или удар, оставляя его без концовки, без того окончательного акцента действия, какой, собственно, и отличает имеющее целью убийство или увечье боевое фехтование от фехтования спортивного, она не церемонилась, полосуя противницу вовсю. Она ничего не смягчала, и было невероятно сложно не поддаться соблазну ответить ей тем же, и тем самым известить благородное искусство до безобразной драки на металлических прутьях.

— Эта ученица не делает мне чести.

Голос короля она знала, герцог Анколо не позволил бы себе заговорить первым. Стало быть, эти слова произнес лорд Грэй. Природа наделила Лею необычайно тонким слухом, благодаря которому она частенько оказывалась в курсе самых неожиданных мнений и событий. В условиях фрейлинской службы эта особенность частенько оказывала ей мелкие ус-



луги. Фон Скерд, Лея могла поручиться, не слышала ничего, тогда как ее собственный аппарат восприятия как-то абстрагированно и даже немного отстраненно, словно речь шла и не о ней в том числе, включился сам собой, услужливо знакомя ее с комментариями, которыми обменивались король и лорд Грэй.

— Еще один такой удар, — сказал государь, когда Лея едва восстановила дыхание после опаснейшего пробоя под ребра, стоившего Эрне половины всех оставшихся у нее очков, — и я ее дисквалифицирую.

— А, вы обратили внимание, что она ломает девочку!

Король хмыкнул. Как и большинство нормальных людей, он терпеть не мог Эрну фон Скерд, однако ее бурные страсти, не прикрытые никакой внешней благопристойностью, были слишком лакомым кусочком для его хобби. Можно даже сказать, он любовался искренностью и красочностью ее имиджа злодейки.

— Посмотрите, — спокойно продолжал чемпион, — она ее делает на чистой «школе». Никогда не видел ничего подобного. Ай да Катарина, каков сюрприз. Фон Скерд бьет сама себя.

По мнению Леи, до «бьет» здесь было еще очень далеко, эта сдержанная лезть не позволила ей возликовать и потерять бдительность. Однако она приободрилась и даже сумела нанести сопернице полноценный укол под задранный локоть, чем существенно укрепила свои позиции. Рефери отчаянно семафорили, обмениваясь со своими подручными целым каскадом таинственных знаков, цифры на досках стирались, писались и снова стирались с такой быстротой, что глаз не мог уследить за их сменой. Во всяком случае, ее собственные глаза были заняты кое-чем поважнее.

Еще дома, когда отец давал ей первые уроки меча, он научил ее уделять оружию соперника лишь толику внимания, остальное же отдавать глазам, что напротив. Они выдают намерение раньше, чем клинок, а кроме того, это дает некоторую власть над психикой противника. Эрна фон Скерд бесилась. Она вышла победить мокрохвостую сучонку насकोком, вытереть ноги и перешагнуть через нее. Не она, а тот, в кресле, был ее желанной жертвой, чьим унижением она жаждала насладиться сполна. И перестроиться она уже не могла. Она была рабом своих страстей, а не их полноправной властительницей. Чем больше очков она теряла за «грязь», тем опаснее, непредсказуемее и мощнее становились ее удары. Лея изнемогала. Если она упадет, никакие очки не спасут ее, то будет полная победа фон Скерд.

— Кто эта девочка? — спросил лорд Грэй, опускающая обязательное «сир». Она потом вспомнит эту тонкость, сейчас у нее нет на нее времени.

— Одна из фрейлин жены, дворяночка с Запада, кажется, Андольф. Ах, какое коварство! Я и не подозревал, что моя дражайшая супруга способна скрывать такое маленькое чудо, и тщательно, в тайне, го-

товить ее. Не правда ли, хороша?

— Хорошая девочка, — согласился чемпион. — Чистенькая и хваткая. Неотразимая, как банальность.

Слава богу, они оценивали ее профессионализм, а не женские стати. Она и того наслушалась от придворных, когда те полагали, что она стоит слишком далеко, или когда им было наплевать на ее оскорбленные чувства.

А потом все случилось в один момент. Взвыл рожок, рефери выскочил меж соперницами, его помощники схватили за руки бранящуюся и брызжущую слюной фон Скерд, и герольд важно, но явно давая понять, что лично он очень рад, объявил победительницей полуфинала представительницу сборной Ее Величества Лею Андольф.

Брави фон Скерд взорвались негодующими воплями, оскорбляя победительницу, судей и систему подсчета очков, но их заглушил рев публики, обожающей спортивные скандалы. Гиацинты кинулись обнимать Лею, дрожащую всем телом, словно загнанная лошадь. При любой иной системе подсчета очков она неминуемо бы проиграла. Букмекеры метались в толпе, кто-то во всеуслышанье выяснял судьбу своих ставок, Катарина фон Лиенталь с многозначительным и довольным видом сделала королеве книксен, та смотрела на нее с явным сомнением, сердясь, что ее выставили душой, и одновременно радуясь небывалому взлету своей команды.

Влажные пряди прилипли к разгоряченному лицу Леи, она вспомнила наконец об этикете, повернулась к королю и поклонилась ему. Внимательный взгляд лорда Грэя в момент остудил ее возбуждение. Вольно ему разглядывать ее! Она и в мыслях не держала, будто может победить фон Скерд, она еще не свыклась с этим триумфом, но сейчас... Всю ее, до последней клеточки, пробил озноб. Фон Скерд уже БЫЛА, и то были цветочки: Вот кто ее ждет. Тело ее молило о пощаде. Против него она и руки поднять не сможет. Он одним мизинцем намажет ее на бутерброд.

Фрейлины отхлынули от нее, Эрну фон Скерд, заботливо придерживая под локти, выдворили за канаты, толпу оттеснили туда же, гул стих, словно усмиренный взмахом дирижерской палочки, лорд Грэй неторопливо поднялся, свеженький, вытянул из ножен меч. Что, уже? Лея поняла, что еще один его шаг, и она умрет от разрыва сердца.

Он сделал этот шаг, грациозный и смертоносный, как огромная кошка, и положил меч к ее ногам. Тишина стала гробовой, и Лея никак не могла сообразить, что означает этот жест.

— Я сражен юностью и красотой, — пояснил чемпион, взял ее безвольную руку и поцеловал. Зал кругом угрожающе поплыл, и она беспомощно подчинилась, когда он заставил ее подняться по ступенькам возвышения и занять его кресло. Бывшее его. Он уступил ей без боя.

— Что за черт? — прошипел король, продолжая



благостно улыбаться для публики, криками приветствующей новую чемпионку. — Как ты смеешь пре-вращать мой фестиваль в балаган?

На выразительном худом лице лорда Грэя цвело выражение глубокого довольства собой. Будто она тут и не сидела.

— Посмотрите, — мурлыкнул он, — какая хорошая девочка. Когда еще мне выпадет случай уйти галантно, красиво... и небитым.

— С Эрной ты бы так не раскланялся?

— Да я что, рехнулся?

Будто ее тут и не было!

Эрна, стоявшая у самых канатов, мерила их прищуренными презрительными и злыми глазами.

— Спрятался за бабью юбку! — выкрикнула она.

— Ха! Радуйся сегодня, девочка, успевай, на чужом месте сидючи. Я тебя запомнила. Скоро плакать будешь. И не сядешь ты сюда через год, липовая чемпионка!

С этими словами она развернулась на каблуках и вышла, уводя за собою толпу свистящих и улюлюкающих прихвостней.

— Тебя сейчас в клочки разорвут, — сказал король. — Ты что, не понимаешь, сколько народа на тебя ставило и потеряло денюжки из-за твоей паскудной галантности? Я назначу расследование, и если окажется, что ты поставил против себя... дисквалифицирую к чертям!

— Сделай милость, — буркнул экс-чемпион, провожая глазами Эрну фон Скерд. Что-то в нем неуловимо изменилось, будто внезапно выдохлось искристое шампанское или наступило отрезвление. — Я уж отсидел все на свете в этом кресле...

Сидя в кресле, вожденном для всех, кроме нее, Лея чуть не плакала. Какая, к дьяволу, галантность? Неужели все ослепли? Он попросту воспользовался ею, чтобы от души лягнуть осточертевшую ему злобную стерву. В эту минуту она находилась в полном согласии с чувствами, питаемыми к нему фон Скерд, и расписалась бы под каждым ее словом. Спрятался за бабью юбку? Точно! Наградил ее сомнительным титулом липовой чемпионки. Это прилипнет. Подарил ей своего врага. Душевное вам спасибо, благородный лорд Грэй!

5. МИЛЫЕ ДЕВИЧЬИ ЗАБАВЫ

— Лорд Роули приглашает на речную прогулку, — сказала Зильке, возвращаясь от двери с охапкой тюльпанов и карточкой в руке. — Он будет на веслах. Как романтично! Что скажешь?

Нечесанная и неодетая, Лея пластом лежала на постели, а Гиацинтовая фрейлинская напоминала экзотическую оранжерею: букеты самого причудливого ассортимента — от простеньких ранних нарциссов до тепличных орхидей, в зависимости от амбиций дарителей, — стоявшие тут и там в вазах, банках и даже пивных бутылках, заставляли забыть о ее привычной убогости. Если поток цветов не иссякнет,

заметила Катарина фон Лиенталь, придется либо отправлять подношения за окошко, либо задействовать ночные горшки. Гиацинты наслаждались двумя днями отпуска, милостиво пожалованными королевой, отдыхали от корсетов, щеголяя в пеньюарах поверх нижнего белья, а обитательницы прочих фрейлинских терзались самой черной завистью и строили планы коварной мести.

— Он будет на веслах, — повторила Теодора, меланхолически вода пилочкой по ногтям. — Стало быть, без посторонних. Лодочка у него ничего: ковры, мех, парча... Учти только, если тебе что-то придется не по вкусу, встать и уйти ты не сможешь. Разве что за борт сиганешь.

— Роули — дерьмо, — подала голос Хайке. — Это видно с первого взгляда, а когда он открывает рот, становится ясно, что он этим гордится. И кто поручится, что в пароксизме возбуждения он не опрокинет лодку?

Лея повернулась на бок и подперла голову рукой.

— Вообще-то, — задумчиво сказала она, — я хо-рошо плаваю.

— Вот-вот. А потом родственники тебя же и обвинят, будто ты его утопила.

Зильке между тем продолжала разбирать и вспа-рывать конверты.

— Лорд Деспард, — провозгласила она, пародируя манеру герольдов, — зовет на ужин при свечах. Тет-а-тет. И этот туда же! Ему же семьдесят пять!

— С ума сойти, — вздохнула Хайке, постукивав-шая босой пяткой по спинке своей кровати, — все это могло быть моим!

Барабанный стук в дверь заставил Зильке под-няться и отворить. Двое мальчишек-посыльных вта-щили огромную, в половину человеческого роста кор-зину, груженую целым розарием вперемешку с бутыл-ками, остро зыркнули на фрейлинское неглиже и ис-чезли, испепеленные взглядом фон Лиенталь.

— Офицеры гусарского полка, расквартированно-го в Буанси, просят оказать им честь, посетив их ве-черинку. Тут ничего не сказано про подруг!

Лея застонала.

— Ну, гусарский полк — это уже беспредел, — ска-зала рассудительная Теодора. — Гусарский полк ты не потянешь определенно. Думаю, они не особенно-то и рассчитывали. Опять шампанское! Хоть бы один жеребец догадался цыплячью ножку прислать...

— А я бы пошла к лорду Деспарду, — мечтатель-но сказала Зильке, ни к кому в особенности не обра-щаясь. — Ему семьдесят пять, он удовольствуется малым, а сколько радости старичку на каждом углу рассказать, что ты у него была. Что он еще — ого-го! Зачем тебе пьяные гусары?

— Кто вообще сказал, что я куда-то пойду? — за-душенным голосом взмолилась несчастная чемпион-ка. — У меня все болит, у меня паршивое настрое-ние, и я только-только распустила живот! Опять шну-роваться — благодарю покорно!



— Ка-ак? — возмутились хором трое подруг. — А зачем тогда все это? Разумеется, ты пойдешь! Главное — правильно выбрать.

— А это что? Тоже мне, ни цветочка не приложено, ни конфетки. Кто это из наших господ такой скупердяй?.. Ха!

Зильке выдержала эффектную паузу.

— Какая крепость пала. Лорд Грэй!

— Ого-го!

На какую-то минуту Лея и ее постель скрылись под ворохом хохочущих, щекотящихся и целующих ее подруг.

— И то сказать, он же на тебя прилюдно облизывался, как кот на сметану! Ах, как это было эффектно: чемпионский титул к твоим ногам!

— Вот уж туда я заведомо не пойду, — угрюмо буркнула Лея, распахивая цветной шелковый клубок. — Он очень ошибается, если думает, что я ему чьей-то обязана. Он меня подставил. Я уделала для него фон Скерд, а он воспользовался мною, чтобы лишний раз ткнуть ее мордой в грязь. Перехочет.

Гофмейстерина подобрала оброненную карточку.

— Он приглашает тебя завтра утром в кофейню. Мягко говоря, очень настойчиво. Это нужно тебе, пишет он, а не ему. Полагаю, это приглашение не того свойства, на какое вы надеетесь. Если ты не враг себе и не полная дура, ты пойдешь именно сюда.

Лея фыркнула.

— В кофейню! Я что же, буду теперь дамой, посещающей кофейни? Сами знаете, кто туда ходит...

Она осеклась, увидев, как фон Лиенталь смотрит на нее. Когда она так смотрела, следовало амбиции прятать в карман и мотать на ус. Дурой Лея не была.

— Приличные женщины не ходят в кофейню ОДНИ. Ты пойдешь с мужчиной. Если Грэй пишет, что это нужно тебе, значит, это тебе действительно нужно.

— Какое белье ты наденешь? — невинно поинтересовалась Зильке. — Хочешь, я одолжу тебе мое черное кружевное, а вчера только расплатилась за него в прачечной и ни разу не надевала. Ты же блондинка, как и я, с твоим телом ты будешь в нем прекрасна, как мраморная статуя.

— Хочешь мой браслет с гранатом на щиколотку? — это Хайке. — В него запрятаны кое-какие ароматные травы... Мне говорили, он действует очень возбуждающе.

— И утянись потуже, — добавила Зильке. — Может быть, тебе станет дурно, и он догадается тебя расшнуровать.

— Он догадается облить ее водой, — невозмутимо сказала фон Лиенталь. — Удержись от обмороков, если не хочешь очнуться мокрой, как мышь, с потеками макияжа и паклей вместо прически. Пятнадцать лет кто только не пытался его охмурить, так что все эти фрейлинские штучки он насквозь видит. Обморочных девиц он особенно ненавидит.

— А может, — словно осененная неожиданной

идеей, подала голос Теодора, — тебе вовсе не надевать белья?

Гиацинты затаили дыхание.

— А разве это не Эрна фон Скерд отбила у него охоту?

— Ха, скажешь тоже. Спать с фон Скерд — это все равно, что держать в постели ядовитую змею. Лея, душечка, помни, ты — совсем другое дело! Такой импозантный мужчина... Ты все нам расскажешь.

— Курицы, — рассмеялась вдруг фон Лиенталь. — Есть у вас в голове что-то, кроме секса? Я доверила бы Грэю собственную дочь...

Теодора заломила тонкую бровь:

— С каких пор это комплимент?

— И была бы просто счастлива, когда бы оказалось, что он меня подвел. Не хотелось бы тебя разочаровывать, но... не обольщайся. Остальным я сама напишу вежливые отказы с извинениями, им не к чему будет придираться. Лея, девочка, как ты себя чувствуешь?

Лея перевернулась на живот и уткнулась носом в скрещенные руки.

— Надеюсь, он оценит, что я променяла на него целый гусарский полк.

6. СОМНИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Она сразу же сделала непростительную ошибку. Она пришла слишком рано. Однако у Леи хватило мозгов — а может, это наставления гофмейстерины не пропали даром! — осознать, как двусмысленно и нелепо выглядит благопристойно одетая дама, неприкаянно слоняющаяся под окнами кофейни. Благо, та выходила на небольшую площадку, скорее даже скверик, неожиданный тихий уголок в самом центре столицы, понимающими людьми облюбованный для конфиденциальных встреч. Лея отошла в сторонку и устроилась на скамеечке, так, однако, чтобы не терять из виду высокое крыльцо кофейни «Чин-Чин».

Женщина (имеется в виду — приличная женщина, дама) не может войти в кофейню одна. Там встречаются либо пары, желающие избежать пристального внимания, либо богемная публика, наоборот, жаждущая внимание привлечь. Появившаяся здесь одинокая женщина непременно натолкнется на недоброжелательную оглядку первых и насмешливые комментарии вторых.

Надо сказать, по большей части Леей двигало вовсе не любопытство, а необоримое желание высказать лорду Грэю все, что она думает лично о нем и о его выходке в частности. Правда, она очень сомневалась в том, что соображения благоразумия ей это позволят: слишком велика была разница в их возрасте и общественном положении.

Отправляя Лею на свидание, гофмейстерина устроила торжественный смотр ее прическе и платью. Подруги остались разочарованы: Катарина фон Лиенталь не допустила их внести в наряд ни одной пикантной, возбуждающей воображение мелочи, ника-



ких глупостей вроде мушек или, тем паче, кружевного белья, и сейчас Лея выглядела как скромная девушка из приличной семьи, кем, собственно, она и была еще три месяца назад. Кем она, в сущности, и не переставала быть. Платье она надела закрытое, серое, переливчатое, светлое на плечах и постепенно темнеющее до самого антрацита вниз, к подолу и манжетам, едва тронутое ниточкой серебряного шитья, ибо хорошая вещь должна быть простой, но не простенькой. Свои недлинные — чуть ниже плеч — волосы она заплела в косу и подвернула к шее, легкие локоны выбивались на лбу и висках. Она надела черную кружевную полумаску: не столько из соображений безопасности, сколько потому, что их носили все дамы, защищая от уличной пыли нежную кожу, а голову обмотала пепельным шифоновым шарфом. Длинный плащ с капюшоном, черные перчатки и высокие ботинки завершили ее наряд, а сумочку-мешочек с носовым платком и несколькими монетами она несла на запястье.

Стояло раннее утро, рабочие и торговые кварталы, где в это время уже бурлила жизнь, были далеко отсюда, по улице редко кто проходил. Не обремененные придворной службой дворяне без особой причины не поднимались спозаранку. Бряцая сталью, промаршировал гвардейский патруль, учрежденный ради предупреждения дуэлей, принявших масштаб национального бедствия. Гвардейцы любезно раскланялись с тремя дворянами, один из которых был бледен и имел на плече свежееокровавленную повязку. Поддерживающие его под руки друзья сильно походили на секундантов, во всяком случае, Лея не сомневалась, что где-то лежит их четвертый приятель, для коего завершилась земная юдоль.

Потупив взор, продефилировали две молоденькие монашки в белых крахмальных чепцах, похожих на парусные корабли. На освещенные несмотря на раннее утро окна кофейни они бросили взгляд, очень далекий от благочестивого осуждения. В них светилось любопытство горничных, и Лее показалось, что они с огромным удовольствием сами заглянули бы в сию обитель греха.

По ступеням «обители» время от времени на нетвердых ногах поднимались неряшливые личности со следами вчерашнего праздника на физиономиях. Ни одна из них даже отдаленно не напоминала лорда Грэя. Настроение Леи неудержимо портилось.

Когда она перестала рассматривать прохожих и разочарованно откинулась на спинку скамьи, она спохватилась, что сама стала объектом наблюдения. Немного поодаль стоял усадый молодец и самым беззастенчивым образом ее разглядывал. Совершенно внезапно она обнаружила, что ее смущает пристальный взгляд в упор. Лея опустила глаза и нервно разгладила подол. Потом отвернулась и стала демонстративно смотреть в другую сторону. Однако облегчения ей это не принесло. С той стороны на нее тоже глазели. Дерзко, вызывающе, нагло. Собственник это-

го взгляда подпирал спиной колонну дома, соседнего с «Чин-Чин». Даже взгляды придворных, привыкших видеть фрейлин чем-то вроде коз в своем огороде, не были столь оскорбительно откровенны. Они смотрели так, будто на ней не было не только защиты ее инкогнито, но даже и одежды.

Куда подевался этот чертов лорд?

Потертая небрежная одежда и невероятная, возведенная в жизненный принцип наглость заставляли приписать уличных соглядатаев к свите фон Скерд, и это значило, что маска и шарф никого из них не обманули. Но... было ли то письмо и в самом деле написано лордом Грэем? Насколько хорошо знаком фон Лиенталь сейчас Лею меньше, чем лорда Грэя.

Лея обежала взглядом скверик, изыскивая пути к спасению. Вряд ли, «разбираясь» с женщиной, эти возьмутся за шпаги. Скорее, накинут на голову плащ, надругаются, изуродуют, и хорошо еще, если после всего этого убьют. А может, сегодня они намерены всего лишь насладиться ее страхом? Или... или это действует имидж одинокой дамы, сидящей перед входом в кофейню, боящейся и жаждущей вкусить запретного плода? Что, два обыкновенных хама сразу? Ах нет, их уже трое.

Как просто было бы взять с собой подруг, тем паче фрейлины так и рвались хоть издали поглядеть на лорда Грэя еще раз. Они вполне могли бы наблюдать за Леей из ближайшей подворотни. Хорошая мысль, как говорится...

Сидеть и делать вид, будто не замечаешь хамских ухмылок и умножения зловещих брави, которые могут стать (а могут и не стать) ее палачами, было выше ее сил.

Кроме кофейни «Чин-Чин» на площадь выходили стеклянные двери еще одной лавочки, где торговали оружием. Когда она встала и пошла в том направлении, ноги у нее подкашивались, и ее положительно мучило от страха. И от мерзостного чувства безысходности, когда она поняла, что теперь не осмелится и шагу ступить на улицу одна. Территория королевского дворца в один миг превратилась в ее глазах в место заточения. И было еще неизвестно, может ли она чувствовать себя в полной безопасности там.

Прозвонил колокольчик над дверью, выскочил хозяин, раскланялся при виде дамы. Дама в маске вызывает уважение. Даме в маске есть что терять. Напряжение немного отпустило, когда перед нею возник широкий выбор безделушек, которые с некоторой долей удачи можно было бы использовать для самозащиты.

Быстроглазый лысый хозяин веером выложил перед ней на стойку добрую дюжину изящных дамских стилетов — изысканных игрушек, усыпанных самоцветами и режущих падающий волос. Некоторых он касался особенно осторожно, пояснив, что лезвия отравлены. Эти стоили втрое дороже против простых, потому что продажа и использование их особенно не-



поощрялись. Лея прикинулась увлеченной. Особенно понравились ей обработанные мгновенным ядом шпильки для волос, похожие на те, что носила Теодора, и веер, одна из пластинок которого была стальной и остро заточенной. Снаряженная подобным образом дама становилась смертоносной, как корзина с кобрами. Если ситуация возле кофейни не изменится к лучшему через пять минут, ей придется купить что-то и, возможно, использовать по назначению. И тогда прощай новый меховой жакет, на который она так долго копила, отказывая себе даже в сладостях. Еще можно было бы попросить хозяина разрешить ей воспользоваться задней дверью лавочки, однако наивно полагать, будто опытные охотники запросто купятся на такую нехитрую уловку.

Время от времени она бросала туда испытующий взгляд, но не замечала ничего утешительного. Брави продолжали свои маневры. Потом отдаленно прозвонил колокол на башне монастыря, того самого, к которому принадлежали давешние монашки. С удивлением она обнаружила, что пробил тот самый час, на который была назначена ее встреча. Она так рано пришла? Или это ее страх так растянул временной мизер? И глянув сквозь стекла дверей, она обнаружила, что ситуация в корне изменилась.

Брави все еще были там, однако наглости у них существенно поубавилось. Один нарочито независимым шагом направился в ближайшую подворотню и замер там среди полутеней, другой сделал вид, что изучает наклеенную на столбе афишу. Еще двое затеяли меж собой как будто важный разговор, и никто из них, как прежде — Лея, старался не смотреть в сторону мужчины, занявшего ее место на парковой скамье.

Она узнала бы лорда Грэя, даже не видя лица. Невозможно было ошибиться в его манере движения... и даже в неподвижности. Она узнала бы его по одной только руке, лежащей на спинке скамьи, по распространяемой им эманации грациозной уважительной силы. И само собою разумелось, что он и прихвостни фон Скерд исключали друг друга. Лея подумала было заставить его подождать немного, а то и вовсе не выйти в отместку за все страхи, которых она тут по его милости натерпелась. Однако взгляд на никуда не девшихся мерзавцев немедленно образумил ее, и, возможно, какую-то роль здесь сыграли предостережения фон Лиенталь против фрейлинских «штучек». Поблагодарив хозяина и извинившись за напрасное беспокойство, она быстрым шагом вернулась в сквер.

При ее приближении он встал и, приподняв шляпу, слегка поклонился. Сегодня он был одет весьма прилично: с ног до головы в черном бархате, шляпу украшало дорогое перо, кружева на отделке были тронуты особой характерной желтизной, красноречиво говорящей об их ценности. Очевидно, время спорта миновало. И только меч оставался прежним: Лея легко узнала эту рукоять старинной филигран-

ной работы. Меч... и сам человек, чье благородство было так же закалено и испытано, как его оружие.

— Извините, — торопливо сказала Лея, — что заставила вас ждать.

И только тогда вспомнила, что дамы не извиняются. Однако с ним, похоже, все было навыворот.

— Я пришла первой, — пояснила она, опуская глаза, — и была вынуждена отойти.

— Я вас вполне понимаю, мисс Андольф, — откликнулся лорд Грэй, бросая еще один зоркий взгляд окрест. На втором этаже дома напротив возникло какое-то движение, замаскированное тюлевой занавеской, будто кто-то — не исключено, что сама Эрна фон Скерд — торопливо отпрянул от окна. Пятый! Лея похолодела. В какую игру втянул ее этот злобный господин, острыми мгновенными взглядами точно определявший каждого из ее несостоявшихся лиходе-

ев?

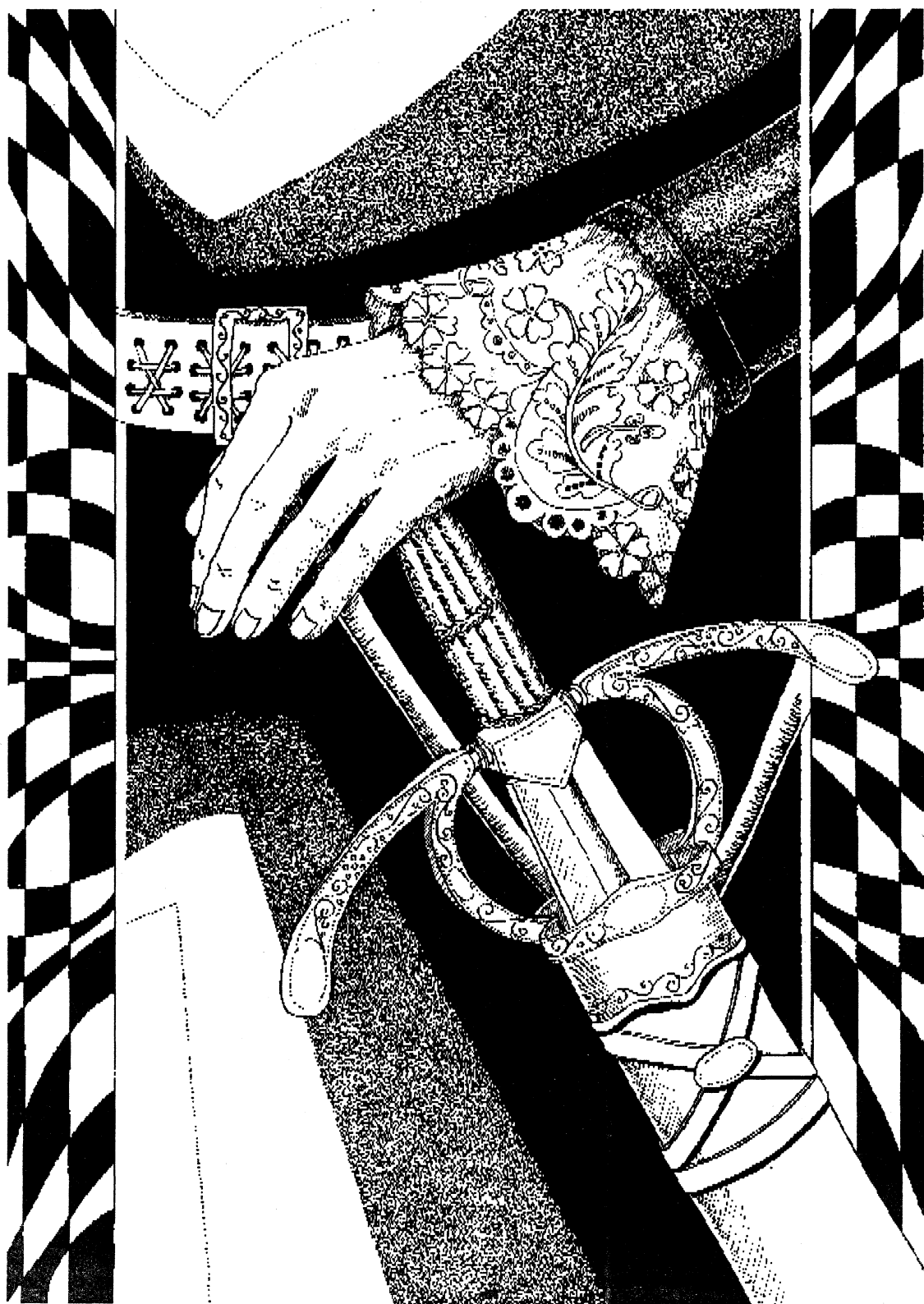
Однако дальше ее размышления не пошли, потому что лорд Грэй предложил ей пройти в кофейню.

Ее окна призывно светились, обещая призрачную защиту, были украшены живописными завитушками и тонированы серым, что при взгляде изнутри давало интересный и очень мощный эффект: чудилось, что снаружи, на улице, пасмурно, вот-вот пойдет дождь, и из кофейни не хотелось выходить. Поднявшийся ветер гнал вдоль улицы пыль и бумажный мусор.

Едва войдя, они столкнулись еще с одним. Шестым. Взгляд лорда Грэя безошибочно выцепил его из десятка утренних завсегдатаев, среди которых не было ни одной дамы. Развязно покачиваясь, тот пошел к выходу, едва не задев их по пути. Однако — не задев. Будто спутник Леи взглядом отклонил его с заданной траектории. Он был один из них — Лея быстро научилась распознавать их по легшему на веки и более чем явному отпечатку порока. Он не носил меча, но наверняка был не безоружен. Похоже, что брави были более чем слегка огорошены, обнаружив свою жертву под грозной защитой. Мельком, сквозь замутненные стекла, она увидела, как они собрались на улице в кучку, посоветовались, и один из них, отделившись, скорым шагом направился прочь, за угол. Без сомнения — докладывать патронессе о неожиданном альянсе. Ну и что? Фон Скерд внезапно показалась ей не опаснее пиковой дамы.

Ей пришлось еще перенести заинтересованные взгляды тех, у кого вошло в привычку отмечать здесь раннее утро, однако очень быстро она сообразила, что их внимание адресовано не столько ей, сколько ее несравненно более знаменитому спутнику и тому факту, что он появился здесь с дамой.

Приглашая ее сесть, он отодвинул стул столь же естественно и незаметно, что ей и в голову не пришло оглядываться или благодарить. Это входило в программу старомодной галантности: дама не должна заботиться о своем удобстве, ей просто должно





быть удобно, рука мужчины протягивается туда и тогда, где и когда дама в ней нуждается, поддержка стабильная и надежная, как сама земля под ногами. Как видно, педагоги, воспитывавшие нынешнее поколение дворян, утратили былое искусство. Теперь за каждую мелкую услугу приходилось платить: улыбкой, значительным взглядом, а то и благодарственным словом. С лордом Грэмом было не так.

— Я сама за себя заплачу, — сказала она, выкаывая норы, когда хозяин принес кофе для обоих и пирожное для нее. Она могла бы легко съесть пять таких пирожных, но свято помнила, что воспитанная дама за стол садится уже сытой.

Тут она впервые увидела, как он улыбается.

— Разумеется, я этого не допущу.

Она опустила глаза, хотя, сказать по правде, ей вовсе этого не хотелось. Его улыбка согрела ее.

— Ваше приглашение — большая честь для меня... — начала благодетельная фрейлина Андольф.

— И вы, без сомнения, хотели бы узнать, чему такой честью обязаны?

Не очень-то это было вежливо, однако с этим человеком все шло наперекосяк, и внезапно она осознала желание и, самое главное, возможность говорить ему то, что хотелось сказать, в том числе, между прочим, и вполне заслуженные им гадости.

— Я рад тому, что вы предпочли мое приглашение десятку других, может быть, более блестящих в ваших глазах. Это говорит о вашем здравом смысле. Хотя не поручусь, — добавил он вполголоса, — что здесь обошлось без Катарины.

Речь и мысль у него были стремительны, как фехтовальная атака, за ними приходилось успевать. Лея сидела, сложив руки на коленях. Пирожное на тарелочке заставляло ее рот наполняться слюной, однако, во-первых, слушать и есть одновременно было бы неучтиво, а во-вторых, кондитер посыпал его сверху сахарной пудрой. Излишне говорить, какой комичный вид примет после него нижняя часть ее лица, не говоря уж о черных блестках маски, и Лея пыталась приучить себя к мысли, что ей вовсе его не хочется.

— Мисс Андольф, — продолжал лорд Грэй, — я виноват перед вами. Я воспользовался вами, чтобы удовлетворить собственную мелкую месть. В результате моего непродуманного шага вы подверглись опасности. Мне нет оправдания. Я хотел бы принести вам извинения.

«Это лучше, чем ничего. Но если ты намерен ими ограничиться, — она вспомнила шестерых головорезов, — можешь засунуть их куда подальше».

— Помимо упомянутой причины, — продолжал лорд Грэй уже гораздо менее напористо и, как показалось ей, неохотно, — у меня была еще одна причина. Вы даже можете счесть ее уважительной.

Он помолчал.

— Я, видите ли, ранен. Не тяжело, но довольно неприятно.

— Весьма неразумно драться на дуэли перед ответственным состязанием, — решила заметить Лея.

Лорд Грэй поморщился.

— Какая дуэль? Навалились в переулке толпой, человек восемь. Одному удалось до меня дотянуться, хотя он это вряд ли заметил: свалка была что надо. Хотел бы предупредить, мисс Андольф, об этой моей... царاپине помимо меня и моего слуги знаете теперь только вы. Я рассчитываю на вашу деликатность.

— По-моему, — сказала она, — эта ваша история на что-то очень похожа.

— Вот именно. Покушение на фаворита я мог бы, в принципе, оправдать тем, что кто-то желает сделать крупную ставку на проигрыш. Но когда я услышал о травме вашей подруги, то поневоле связал два наших приключения. И я готов поклясться, что сегодня, здесь, я видел две-три знакомые по тому памяtnому переулку рожи. Да съешьте вы это несчастное пирожное! Однако не хотелось бы, чтобы вы поняли меня превратно. Я разделался бы с вами за полминуты даже будучи при смерти. Да и Эрн фон Скерд, если бы она ожидала от вас, мисс Андольф, хоть сколько-нибудь серьезного сопротивления, фехтовала бы не так. Будьте спокойны, если бы она считала вас равной, она бы вас победила. Эрн не умеет приспособливаться. Унизив ее, вы нажили смертельного врага.

— Собака лает — ветер носит, — осмелилась вставить Лея, уже покончившая к этому времени с пирожным. Фон Скерд оставалась где-то там, на улице, под пасмурными небесами, в глухих тупиках, а здесь было так тепло...

— Не заставляйте меня разочаровываться в вашем уме. В моих силах компенсировать нанесенный вам ущерб.

— Каким же образом?

— Я предлагаю вам стать моей ученицей. Завтра утром я уезжаю в поместье и предлагаю вам сопровождать меня. За год я сделаю из вас лучшую фехтовальщицу, чем фон Скерд. И обещаю вам, что вы в любой ситуации сможете постоять за себя. Вы сможете жить без опаски.

Лея едва не рассмеялась и перевела дух.

— Это решительно невозможно, — сказала она, улыбаясь, как ребенку. — Во-первых, моя должность фрейлины требует присутствия при особе Ее Величества. Королева вряд ли...

— Королева безусловно одобрит то, что ее чемпионка хотела бы совершенствовать свое искусство. Наверняка она желает повторения вашего успеха на будущий год. В конце концов, фрейлин у нее целый взвод, а мисс Андольф — чемпионка! — одна. Думаю, она не будет против.

Тут Лея сообразила, что все это серьезно.

— Послушайте, — сказала она. — Вас, может быть, обмануло то, что я вышла Хайке на замену. Я



не люблю фехтовать. Я не очарована спортом. Я не вижу личного счастья в том, чтобы позволить сделать из себя боевую машину. Мне хочется мечтать о таком будущем для себя, над каким вы, без сомнения, только бы посмеялись.

— Я не буду смеяться, — ответил лорд Грэй. — Чего вы хотите от жизни?

— Я, между прочим, хотела бы выйти замуж, — с вызовом сказала Лея. — Я не хотела бы жить в нищете. Как можно дольше сохранить красоту и здоровье. Увидеть первый бал дочери и присягу сына. А вы предлагаете мне ломать чьи-то кости!

Она сникла, осознав, что ее мечты, такие живые и красочные в воображении, на словах превратились в слащавую картинку фрейлинского счастья. Однако лорд Грэй смотрел на нее без презрительной усмешки.

— Думаю, я не оставил вам выбора, — наконец ответил он. — Вы должны принять мое предложение, если не хотите, чтобы одним прекрасным утром вас нашли на помойке, с мешком на голове и в состоянии, не подлежащем опознанию. Они, — он мотнул головой в сторону окна, — ни о чем не заставили вас задуматься?

— Да, — сказала Лея и кисло улыбнулась. — И я, кажется, знаю, кого мне за них стоит благодарить. Но я ведь только с ваших слов знаю, что это не вы их наняли...

Он засмеялся, как ей показалось, одобрительно.

— Боюсь, что именно этого я доказать не смогу. Вам придется верить мне на слово. А кроме того, мне кажется, что в глубине души вас глубоко унижает способ, каким вам досталась победа. Вы прекрасно понимаете, что никто, кроме, может быть, королевы, искренне не считает вас достойной титула чемпионки. Не сомневайтесь, об этом говорят. Я предлагаю вам возможность через год подтвердить свой титул. Этот фестиваль — не последний. И еще... Вы — первый человек, кому я сам предлагаю ученичество. Мне бы хотелось, чтобы мой жест доброй воли оценили. Ваши возражения я рассматриваю как сомнения, а не как кокетство, в противном случае я без зазрения совести предоставил бы вас собственной судьбе. Я бы с вами даже не разговаривал. Вас устраивает бытие фрейлины? Много ли вы знаете случаев фрейлинских замужеств? И уж совсем никто из них не сохранял здоровья. Сексуальная игрушка для придворного пользования, вот вы кто сейчас, мисс Андольф. Много ли шансов осуществиться у вашей картинке счастья? В лучшем случае, вы проживете жизнь, как Катарина. Полагаете, она оставила бы все как есть, если бы имела возможность начать с начала?

— Думаете, меня спрашивали, когда назначали на должность? — огрызнулась Лея. Разумеется, это было так, но зачем же вслух? Прямота это или хамство? — Семья была счастлива.

— Я знаю, как это происходит, — терпеливо сказал лорд Грэй. — Но я предлагаю вам новый гори-

зонт.

— Как вы щедры... — она промокнула губы платочком. — Предполагается, что я получу все это даром?

— Вы будете жить в моем замке, как дочь, — медленно произнес он, и она заподозрила, что наконец обидела его. — Можете выписать из дома дуэнью, если моего слова вам недостаточно.

Дьявол. Достаточно. Однако, лорд Грэй, репутация дамы отражает не то, что она, дама, есть на самом деле, а то, что окружающие желают в ней видеть. Что люди скажут? У нее, между прочим, возник свой вариант компенсации нанесенного ей ущерба, получше. Он вполне мог бы предложить ей замужество. Но он привел слишком много аргументов, чтобы вот так взять и отмахнуться от них.

— Благодарю вас, — сказала она, делая знак, что желает встать, и ее стул был моментально отодвинут. — Вы позволите мне подумать?

— До завтра, — откликнулся лорд Грэй. — После чего я слагаю с себя ответственность за вашу жизнь.

«Скотина, — затравленно подумала Лея. — Высокомерная, занудная, самовлюбленная скотина. Но неотразимая».

7. В ОТСУТСТВИИ ВЫБОРА

Лорд Грэй проводил ее до дворцовой калитки, таким образом она хотя бы на сегодня была избавлена если не от назойливого внимания бравы, рассредоточившихся по углам с неуверенно поджатыми хвостами, то от непосредственной угрозы с их стороны. Ветер и впрямь поднялся сильный, она куталась в плащ, прижимая окованные руки к груди. Должно быть, та свалка в переулке, где бретеры фон Скерд имели неосторожность познакомиться с ее спутником, была знатной: об этом вполне красноречиво свидетельствовала их угрюмая настороженность и непроизвольное почтение. Словно ненависть фон Скерд была ветром, а лорд Грэй — каменной стеной, за которой укрылась яркая, но беззащитная бабочка. Похоже, у нее и в самом деле не оставалось другого выхода, кроме как принять его предложение, и она только лелеяла робкую надежду, что королева ее не отпустит.

Она не смогла определить выражение лица гофмейстерины, когда, сидя на кровати и сложив руки на коленях, удрученным голосом поведала обитательницам Гиацинтовой фрейлинской печальную историю своих утренних походов и безрадостные перспективы. К крайнему ее неудовольствию, даже эти ее жалобы подруги не преминули обхихмить.

— Он будет учить тебя фехтованию! — хихикнула Зильке, встряхивая папильотками. — Как же! Это теперь так называется?

— Это днем, — пояснила Хайке, задумчиво разглядывая паутину трещин на потолке. — А ночью — всему остальному...

— Не вздумай на нем же и отрабатывать приемы



женской самообороны.

— А может, ему будет приятно... В конце концов, это докажет, насколько она была прилежной ученицей.

— Повезло девушке, — мечтательно сказала томная Теодора. — Жить в его поместье! Знаешь, это совсем не то же самое, как если бы встречаться украдкой где-нибудь в кастелянской на десять минут... и точно знать, что в этой самой кастелянской он помилел уже весь списочный состав. У тебя будет масса времени, сестренка, и, может быть, ты все-таки станешь леди Грэй.

Лея помотала головой.

— Полная безнадега. У него на эту тему пунктик. По моему, он не спит с ученицами.

— Ты не можешь знать этого совершенно точно!

— Однако это весьма похоже на правду.

— В любом случае, живя с ним бок о бок, ты непременно узнаешь, кого и как он предпочитает. Ты напишешь нам, и мы всегда поможем тебе советом.

— Ой, но только будь очень осторожна, — округлила голубые глазки пакостница Зильке. — Вдруг у него комплекс Синей Бороды?

— Или недееспособность?

— Или морганатический брак?

— Или просроченные долговые обязательства?

— Или венерическая болезнь?

Лея зажала уши руками и нахлобучила на голову подушку, но дружный хохот бессердечных подруг настиг ее и там. Фон Лиенталь одной рукой сорвала с нее подушку, другой — сунула стакан воды.

— Ты поедешь, — сказала она тем же унтер-офицерским тоном, как раньше говорила «ты пойдешь». — Пойми, наконец, все происходящее с тобой — серьезно. Это фатум. Ты еще не успела по уши увязнуть в том, что мы тут имеем...

Она обвела рукою вокруг, подразумевая не то Гиацинтовую фрейлинскую, не то весь дворцовый уклад в целом.

— И будь счастлива, что кто-то взял на себя полную ответственность за твою жизнь и судьбу. Будь вдвойне счастлива, потому что Грэй — порядочный человек. И если ты не покажешь себя дурой, вроде этих, то он для тебя все сделает. В любом случае, меня глубоко радует то, что он сам сделал тебе это предложение. Признаться, последнее время он уж слишком стал походить на старого сына.

Велев Лее укладывать вещи, Катарина фон Лиенталь отправилась улаживать дело об увольнении с королевой. Ощущая застрявший в горле вскрип, девушка раскрыла створки шкафа и бросила на постель маленький плетеный чемоданчик. Руки у нее опустились, и она плюхнулась рядом с ним. С незнакомым человеком, мужчиной, куда, зачем? На что она меняет шампанское, цветы, конфеты, танцы до утра и коленопреклоненные признания, которыми можно пренебречь, но можно ведь и проявить благосклонность... Концерты, фестивали, посольства, фокусники, духи

и пудра, кружева и булавки... Прощайте, вам не место в фехтовальном зале. Не сгорят ли со стыда ее отец и братья, когда им вот так же будут колоть ею глаза? Как водится при расставании, последняя местная сволочь казалась ей самым близким человеком. А кроме того, ее мучило стойкое и крайне неприятное подозрение, будто гофмейстера минута блажь лорда Грэй принимает куда ближе к сердцу, чем все жизненное счастье «этой пустышки Андольф», и она в глубине души молилась на решительное «нет» королевы.

Однако и эта надежда рухнула, безжалостно придавив ее своими обломками. Несколько минут спустя королева вызвала ее к себе. Обе старшие дамы смотрели на Лею со строгими, но благостными лицами, как на неразумное дитя, и в ответ на нервный реверанс фрейлины патронесса выразила надежду на перемены к лучшему в ее судьбе и на то, что следующий Королевский фестиваль принесет подтверждение ее высокому титулу. Лея расценила ее пожелание как предупреждение против нежелательной беременности, и второй реверанс — прощальный — вышел у нее еще более судорожным. Она все больше подозревала, что рады тут не за нее, и на негнущихся ногах отправилась паковать чемодан.

Она не имела права увезти с собою придворные платья, пошитые за счет казны, и те остались висеть в шкафу, заставляя предположить, что новую обительницу Гиацинтовой фрейлинской подберут не за сумму ее достоинств, а за подходящий объем бюста, чтобы не пришлось тратиться дважды. Таким образом, в чемоданчик отправились ее ни разу здесь не надетые провинциальные наряды и горстка-другая памятных безделушек и недорогой бижутерии. В глубине души она твердо знала, что никогда не осмелилась бы появиться перед лордом Грэйем в таком полупрозрачном шифоново-кружевном облаке, подобная легкомысленность на фоне его строгого пуритантизма выглядела бы почти непристойной, а она уже поняла, что на язык он ядовитее скорпиона, и было бы глупо провоцировать его остроумие. Так что она простилась с ними, как с беспечностью юности. Ей хотелось плакать, и она, без сомнения, поплакала бы, если бы была в комнате одна, но она не могла так низко пасть в глазах пристально следящих за нею и испуганно завидующих подруг.

8. ЛАЙ ИЗ ПОДВОРОТНИ

В семь часов утра, на сером промозглом рассвете, ежась от забирающейся под платье влаги, Лея Андольф, отныне уже не фрейлина Ее Величества, вышла за дворцовую калитку, держа в руках скромный плетеный чемоданчик. В отличие от фасада, где дворец окаймляла ажурная решетка в виде стилизованных пик, здесь более старая стена была возведена из красного кирпича и покрыта сверху нависавшей черепицей. Низенькая калитка, служившая чем-



то вроде черного хода для персонала, представляла собою тяжелую дубовую дверцу, скрепленную полосами железных оков и утопленную в толще кладки. Здесь полагался пост из двух стражников, но Лея очень редко видела их на месте: неподалеку раскинулся увеселительный квартал, начальник стражи закрывал глаза на частые отлучки подчиненных, и до тех пор, пока гром не грянул, никто креститься не собирался. Заступавшие на этот пост и фрейлины жили в добром согласии: «бабочки» частенько в неурочное время выпархивали за пределы казенной территории, и любой стражник, глазом не моргнув, покаялся бы, что в его дежурство ни одна фрейлина тут не проходила. Лея содрогнулась, рассмотрев установившиеся порядки в свете ненависти фон Скерд. В принципе, войти сюда и выйти отсюда мог кто угодно, а ее нашли бы через неделю с перерезанным горлом в какой-нибудь забытой кладовке.

Этим утром, однако, оба были на месте. Их присутствие выдавало позвякивание металла в тумане, и услышав тихий скрип, стража в два голоса окликнула Лею.

Наверное, они были злы от того, что пришлось стоять здесь эту муторную рассветную вахту, когда девицы в веселом квартале уже выставили своих клиентов и теперь спали тяжелым душным сном, который продлится, возможно, до самого полдня, предвывая очередную трудовую ночь. Ничего неожиданного и тем более необычного не было в ворчливой просьбе назвать свое имя, однако Лее вдруг представилось, что в ответ из тумана немедленно последует удар кинжалом. Она сжалась в нише калитки и молчала, мелко дрожа, пока из тумана не вынырнули две усатые морды, опухшие, красные, со слезящимися глазами, но определенно не принадлежащие бравы фон Скерд. Тогда она назвалась и безропотно откинула капюшон, позволяя убедиться, что это действительно она. Эту меру предосторожности — откинутый капюшон — стража всегда строго соблюдала по отношению к хорошеньким фрейлинам и была на этот счет неумолима.

— Это и в самом деле малышка Андольф, — сказал один. — Ты чего такая перепуганная?

— Ты разве забыл, — напомнил второй, — как ей маркграфиня Эрна грозилась? Верно говорят, страшнее бабы зверя нет. Нешто она не шутила?

Лея помотала головой.

— Проводить?

Она кивнула, боясь выдать свой страх зубным стуком. Стражник взял ее чемоданчик, она уцепилась за его локоть и выбралась из приворотной ниши на улочку.

Почти сразу до их слуха донеслась подкованная конская поступь.

— Кто идет? — взревел добровольный защитник. Другой вышел на два шага вперед и взял протазан наперевес. Из тумана ответил голос лорда Грэя, и Лея перевела дух. Три лошади и два всадника. Сво-

бодная лошадь шла под дамским седлом. Стражники отступили.

— Насовсем, птаха?

— Похоже, что так. Спасибо, господа, и прощайте.

— Ладно, удачи! Мы тебя не видели, — и они с аппетитом расцеловали ее в обе щеки. Лея и не подумала протестовать: их сивушный и табачный запах показался ей почти родным.

Они подумали, будто она сбегает с мужчиной. Ну и пусть. В сущности, это почти правда. Спутник лорда Грэя спешил и посадил Лею в седло, плетенку ее была умело приторочена сзади, образуя нечто вроде высокой луки, на которую удобно опереться. Кони тронулись с места, она оглянулась как раз вовремя, чтобы увидеть напоследок, как туман наплзает на лица стражников — последние знакомые лица, оставляемые ею за спиной.

Потом пришло время взглянуть в лица спутников. Лорд Грэй держался в седле почти неподвижно; поводья были намотаны на луку. Видимо, лошадью он управлял незаметными движениями коленей, и вообще он выглядел так, будто досыпал верхом. На присоединившуюся к маленькому отряду Лею он обращал внимания не больше, чем на галку на заборе. Чего не скажешь о его спутнике, по виду — слуге, несколько первых секунд прямо-таки не сводившем с девушки глаз.

— Раньше я не замечал за тобою страсти дважды наступать на одни и те же грабли.

Лорд Грэй пожал плечами и с видимой неохотой приоткрыл глаза.

— Грабли далеко не одни и те же, Оттис. И, по моему, мисс Андольф совсем не похожа на грабли. Может быть, маленький гребешок...

— Та тоже не была похожа... В начале.

— Это Оттис. Мой оруженосец, помимо всего прочего, — сказал лорд Грэй с комическим вздохом, снисходя до того, чтобы пояснить для Леи невероятную наглость, какую он вынужден терпеть.

Лея взглянула в лицо Оттиса со смешанным чувством любопытства и некоторой боязни. По ее мнению, так мог выглядеть Харон. Узкое лицо с выразительными хрящами, крупный крылатый нос, длинная костистая нижняя челюсть, пронзительные светлые глаза под тяжелыми бровями, густая шапка сивых волос, подстриженных в кружок. Ростом этот детина, пожалуй, превосходил своего лорда, руки у него были, как лопаты, а ноги — как весла. Улыбке его и конь бы позавидовал.

— И что же такое это «все прочее»? — полюбопытствовала она только ради того, чтобы голос ее звучал.

— Эта ошибка природы претендует на право зваться моим внутренним голосом, — отозвался лорд Грэй. — Не считая того, что он — мой молочный брат. Слышал я, однако, байку, будто не только молочный...

— Но мы никогда меж собой этого не выясняли,



— вновь встрял в разговор «внутренний голос», явно пренебрегая главной добродетелью существ подобного рода: их особенно ценят, когда они молчат.

Лорд Грэй еле заметно кивнул, будто соглашаясь с Оттисом, и вновь погрузился в молчание. Копыта ступали по камню, Лея чувствовала на себе изучающий взгляд оруженосца, и сама была немало заинтригована последним полушутливым утверждением. Разумеется, она не преминула их сравнить. Что-то общее в них безусловно было: в тонком вырезе широких ноздрей, в удлиненной нижней челюсти, в фактуре волос и пропорциях скелета, какая-то лошадиность, придававшая лорду очарование пикантности, а в слуге доведенная до абсурда. Сперва последний внушал страх, потом же, привыкнув, на него нельзя было смотреть без улыбки. Их кровное родство, скорее всего, действительно имело место и, похоже, не доставляло им хлопот. Разрешив для себя сей деликатный вопрос, более Лея к нему не возвращалась.

У нее никогда не было проблем с верховыми животными. Еще живя дома, она часто ездила с братьями на прогулки и, откровенно говоря, ее не смутило бы даже мужское седло. Как ни странно, легкая пикировка лорда и слуги ее успокоила: она не боялась людей с чувством юмора. С таким чувством юмора, которое подразумевает ее участие в нем на равных, а не в качестве жертвы. Улочки разматывались вниз, центр сменился окраиной. Уже маячили впереди плавающие в тумане островерхие башни, меж которыми угадывался провал городских ворот, отпертых для входа и выхода несколько минут назад. Оттуда тянуло ознобом и жутью свободы. Что-то сладко пело ей оттуда, что там она станет человеком и обретет то, чего подсознательно желала всю жизнь: уважение и самоуважение.

Однако меж их маленьким отрядом и воротами стояла преграда. Те, кого им меньше всего хотелось бы видеть.

На этот раз Эрна фон Скерд присутствовала здесь собственной персоной. Она сидела в мужском седле, вся в черной коже и замше, а за нею и вокруг нее толпился отряд головорезов. Кони переминались, позванивая сбруей, и выдыхали пар, а оставленные ими на булыжнике мостовой знаки говорили о том, что топтались они здесь уже некоторое время.

Самым успокаивающим во всей этой картине, выхваченной ее моментальным испуганным взглядом, был вид огромной рукояти палаша Оттиса, ладью его отполированной до блеска. В один неуловимый миг — она не смогла бы сказать, когда именно — Лея оказалась зажата меж обоими своими спутниками: Оттисом справа и лордом Грэем слева. Они не нуждались в словах, чтобы объяснить, и девушка обнаружила, что, будучи принята в их кружок, наделена теперь тем же даром. Совершенно очевидно, что они будут выжидать, пока настанет подходящая минута, а тогда пойдут на прорыв и увлекут ее за собой. Сейчас же она словно пряталась

меж двух каменных стен.

Из бойниц воротных башен повысовывалась стража. Это слегка успокоило бы Лею, имей она в эту минуту способность здраво рассуждать. Эрне фон Скерд не было никакого смысла учинять кровавое злодеяние на глазах у стольких свидетелей. А вот скандалить при свидетелях она обожала: она была крайне изобретательна на оскорбления, и могла рассчитывать, что зрители оценят плоды ее остроумия и разнесут их по свету, умножая тем самым число потешающихся над ее врагом.

Она вызывала настолько же сильное отвращение, насколько была красива.

— Ты покидаешь город тайком, как вор? — нарочито удивилась она. — Неужто боишься мести тех, кто ставил на тебя и был разочарован? Или, может быть, ты боишься, что будет запятнана твоя безупречная репутация старой девы?

Среди бравы пронесся неуверенный гоготок. Лорд Грэй молча смотрел на фон Скерд. Очень спокойно. Так, что Лея болезненно остро ощутила неровное биение пульса жизни вокруг себя: вздымающиеся бока лошадей, которых принуждали стоять на месте, движения глаз Оттиса, оценивающего расположение засады, скольжение складок ткани по эфесам и даже напряженное внимание стражи, лежащей животами в окнах.

— Спрятал в карман своего подставного цыпленка, чтобы мои мальчики ее не распластали?

— Я видел ее с мечом, — отозвался лорд Грэй тем негромким голосом, который особенно хорошо слышен в перебранке. — Она лучше тебя, а потому я продолжил ей ученичество.

Лея поняла: ей выдался случай убедиться, что словом он бьет редко, но не менее метко, чем сталью. Он знал слабые места своей противницы и коллол хирургически точно. А держать удар Эрны не умела. Похоже было на то, что самой ей довелось побегать за великим лордом, прежде чем он взял ее в ученицы. А Лея даром получала все, что фон Скерд полагала причитающимся себе.

— Ты! — она ткнула пальцем в Лею. Все ее жесты были нарочито, отрететированно вульгарны. — Головка не закружится, бабочка? Иллюзии рекомендую оставить дома. Ты быстро соскучишься в Винтерфилде. В этом медвежьем углу возможностей для секса у тебя не будет. Он не спит с ученицами.

— Да он бы, может, и спал, — подал голос кто-то из тех, обретающихся за ее спиной. — Если бы мог...

На этот раз бодрый гогот бравы распугал голубей с верхушек башен. Эрна расцвела, но она сделала грубую ошибку. Она наехала на фрейлину. Пока она ее пугала, Лея молчала и жалась за чужими спинами, но в ответ на подобные выпады ее острый локоть выставлялся рефлекторно.

— На твоём месте, — впервые обращаясь непосредственно к грозной фон Скерд, произнесла благовоспитанная Андольф, — я не стала бы так громко



кричать, что меня отвергли.

Эрну как будто ударили крышкой гроба. Из-за спины ее команды донеслись сдавленные вскрипы привратной стражи. Свирепо обернувшаяся маркграфиня встретила оловянные глаза, выпрямленные спины и преувеличенно постные рожи своих прихвостней.

— Ай да браво! — вполголоса сказал Оттис. — Я же говорил, против бабы — только баба!

Лорд Грэй молчал, но, судя по смеющимся глазам, получил редкостное удовольствие. В эту минуту Лея полностью разделяла его чувства: в самом деле, кто же любит глупых и злобных женщин?

Однако Эрна фон Скерд и раздавленная норвила ужалили. Сделав своре жест оставаться на местах, она спешила и, чеканя звонкий шаг, пошла через привратную площадь к тесной группке своих врагов. Лающая собака не кусает, но сейчас Эрна молчала. Лее стало по-настоящему страшно. Какая, право, жалость, что маркграфиня не топчет лошадыми!

И тут она стала свидетельницей случая странно-го и непонятого, разгадка которого лежала не здесь и не сейчас. Наверное, где-то в Винтерфилде, или как его там... Когда маркграфиня фон Скерд остановилась перед самыми лошадиными мордами, обдаваемая паром дыхания, маска цинизма стекла с ее лица, словно вода при умывании. Дорогу им преградила хрупкая юная женщина с пухлым капризным и беспомощным ртом и красивыми умоляющими глазами. Смотрела она на Лею Андольф.

— Ты жить не будешь, — сказала Эрна почти нежно. — Помяни мое слово. Но не сейчас. Сперва ты станешь несчастна. Об этом не мне заботиться. Может быть, через полгода ты захотела бы подружиться со мной. Только поздно.

— Гадина, — прошептал Оттис так, что услышала только Лея. — Так бы и развалил ее надвое.

Даже без взгляда в лицо лорда Грэя, впрочем, такое же каменное, как и всегда, Лея почувствовала его дикую, неизбежную боль, вызванную, видимо, этим ее превращением. Как будто Эрна всадила ему пику в грудь и сейчас медленно ее поворачивала. Во всяком случае, выглядела она так, будто отыгралась начисто.

Неторопливо она отошла с дороги, повинувшись ее знаку, брави расступились и позволили путникам проехать к воротам. Очень долго затем не было слышно ничего кроме звяканья подков о камень и редкого фыркканья лошадей.

9. ДОРОГА НА ВИНТЕРФИЛД

Так уж получилось, что про это их путешествие и сказать-то нечего, кроме того, что погода была хорошая. В городе, на его узеньких улочках, стесненных каменными боками домов и просвистанных ледяными ветрами, приметы весны чувствовались не столь явно, как здесь, на королевском тракте, ведущем с юга на север через всю страну. Немногий оставав-

шийся на его обочинах снег слежался и почернел, его ноздреватая поверхность, оттаивая за день и подмерзая за ночь, покрылась изысканным ледяным кружевом изумительной красоты. От коричневой комковатой влажной земли валил пар, в кронах деревьев среди набухающих почек суетились ранние грачи, тянущиеся вдоль дороги озимые поля зеленели пробивающимися всходами. Под копытами чавкала жидкая грязь, а повисший в воздухе аромат весны был пьянящ и стоек. Низкие облака, гонимые сильным южным ветром, обгоняли их и уносились за скрытый деревьями горизонт.

До сих пор Лея наивно полагала, что лорд ранга Грэя путешествует по королевским дорогам только в окружении пышной свиты и в сопровождении обоза, под развернутыми знаменами, предшествуемый трубачами и герольдами, выкликающими его имя. Однако тут она впервые столкнулась с простодушным нежеланием лорда Грэя обременять себя тем, в чем он непосредственно не нуждался. Они не торопились, опасливо сторонясь, когда приходилось пропускать несущуюся сломя голову королевскую почту, обмениваясь редкими замечаниями насчет погодных примет и видов на урожай, а больше помалкивая и глядя по сторонам. Наверное, никто не воспринимал их иначе, чем немолодого и не слишком богатого дворянина, едущего в соседний городок по какому-то скорее всего судебному делу в компании слуги и дочери-наследницы. Дочери, а не любовницы или молодой жены, потому что тех обставляют иначе и транспортируют в колясках и каретах.

Путь этот, по-видимому, был ими наезжен. Ни разу не находились они в дороге дольше, чем тянулся световой день, и останавливались на ночь в маленьких уважаемых гостиницах, где их хорошо знали и были им рады. Ужинали они обычно в общем зале, но в стороне, в тихом уголке, создававшем видимость уединения. Пища не отличалась изысканностью, но была в самый раз вкусна и обильна. В последнее время фрейлину Андольф уже тошнило от устриц, конфет и шампанского, по недоразумению считающегося дамским вином, и, скажем, куриная грудка с картофелем или суп из баранины пришлись ей в самый раз по вкусу. Однако после недели подобных «дорожных лишений» она обнаружила, что корсет стал ей чуточку туговат. Некоторое время она терпела причиняемые им неудобства, затем, чувствуя себя преступницей, стала понемногу ослаблять шнуровку. А потом, словно бросившись головою в прорубь, и вовсе от него избавилась! И никто ничего не заметил.

Ни разу не ночевала она, съездившись на лавке в каком-нибудь зале, полном храпящих возчиков. Ей всегда предоставлялась отдельная комната. Оттис тщательно проверял запоры на ставнях и то, чтобы прилегали они так плотно одна к другой, чтобы снаружи невозможно было бы поддеть крючок ножом, лично заглядывал в сундук, шкаф и под кровать, сам зажигал лампу у изголовья, и выяснял, достаточно



ли в ней масла на всю ночь. Всякий раз он напоминал ей про засов, а в первый же вечер, ухмыляясь, поинтересовался, умеет ли она хорошо, громко и вдохновенно визжать. «Невизглива родилась, — отвечала она, — но для дела могу постараться». Она сильно и небезосновательно подозревала, что на ночлег это чудовище устраивается на пороге ее комнаты.

Как выяснилось, визжать в случае внезапной угрозы она бы все равно не смогла. Она спала как убитая. Как в детстве: в тепле и чистоте, в тишине и одиночестве. И каждый раз утром и вечером в одиночном ее распоряжении был кувшин холодной и котел горячей воды.

Вставать приходилось чуть свет, тут уж ничего не попишешь, но она к этому привыкла, а отбой в сравнении с насыщенным балами и маскарадами дворцовым расписанием и вовсе был ранехонько. И ей казалось, будто время обратилось вспять.

В первый же вечер, во время обязательной инспекции ее комнаты, она отозвала Оттиса подальше от распахнутой двери и вполголоса поинтересовалась, насколько тяжело ранен лорд. Теперь, когда не было нужды пускать кому-то пыль в глаза, доказывая свою неуязвимость, стало заметно, что движения причиняют ему боль. Лея очень сомневалась в том, что путь верхами идет ему на пользу, однако эта тема, по-видимому, даже не обсуждалась. Лорд Грэй испытывал детское отвращение к телесной немощи, одна мысль сделать ей даже небольшую уступку приводила его в исступление.

«Внутренний голос» оказался более словоохотлив, чем ожидалось. Во всяком случае, даже если и существовал запрет на обсуждение темы ранения, то он на него откровенно плевал.

— Не умрет, — сказал он грубовато, плюхаясь на низенький табурет и глядя на нее снизу вверх. О его согнутые колени, кажется, можно было оцарапать. — Хотя, конечно, будь ему на двадцать лет поменьше, заживало бы куда побыстрее. Полосной разрез поперек живота: какая-то сволочь в неразберихе свистнула наотмашь самым кончиком шпаги. Ах, не было там меня! Вдвоем мы бы их всех сложили в переулке. Ну да Грэй и с этойкой прорехой в шкуре раскидал их, как котят. Больше всего, скажу я вам, его заботило, чтобы никто ни о чем не пронюхал. Нам, видишь ли, не хотелось, чтобы молва прошла, будто и он уязвим. Ну и потом — каков психологический финт для того, кто стоит за этим дельцем! На него восьмерых бретеров спустили, а он вот как ни в чем не бывало в финале дерется. Задумаешься! Тот, кто о ране знал — тот, кто ее нанес! — пошел со своим знанием и со своею гордостью прямо в ад. Сам я ему эту рану и промыл и зашил, и перетянул его так туго, как... ну, в общем, как барышню корсетом. Ожидалось же, что ему завтра с Эрной в финале встречаться. А это, учитывая нашу пикантную кровавую подробность под ребрами, превращалось в весьма неприятную про-

блему. Скручивания корпуса и напряжения пресса нам не показаны. Уж ей бы он не сдался, и шанс у нее имелся верный. Так что, мисс Андольф, учтите, вы оказали ему услугу, и с него причитается.

— Но ведь рана может воспалиться, — заикнулась Лея, в спешке выгребая из самых пыльных чердачных закоулков медицинские познания.

Оттис махнул костлявой лапой.

— Ответственно заявляю, ничего у него не воспалится. Я промываю и перевязываю эту штуку каждый день дважды, как бы он ни шипел и ни плевался ядовитой слюной. Наша самая главная проблема в том, что, как и все, уверовавшие в собственную неуязвимость, он паршиво переносит боль. У него от нее делается депрессия, он целыми днями молчит и не оказывает хорошему барышню того внимания, на какое они имеют полное право. А вообще-то, — он подмигнул, — лорд у нас вполне приемлемый.

И отправился вниз, пить с возчиками пиво и набираться местных сплетен.

— Сегодня будем дома, — сказал лорд Грэй. — Часам к трем пополудни.

— К четырем, — тут же отозвался Оттис.

Последовала небольшая перебранка меж лордом и его «внутренним голосом», к которой Лея осталась равнодушна. Она давно уже догадалась, что Винтерфилд близится: дело в том, что на их скромный кортеж начинали оглядываться. Работавшие на полях арендаторы кланялись, проезжавшие навстречу приподнимали шляпы, и она ловила на себе взгляды, полные недоуменного интереса. Такого не случалось в чужих землях, где всем было на них в принципе наплевать.

— Если вы не возражаете, — предложил Оттис, — я бы поскакал вперед. Надо же предупредить Брего, и все прочее...

— Валяй, — улыбаясь, разрешил лорд. — Обрядуй «прочее».

Оруженосец конфузливо потупился, а затем врезал пятками по бокам своего жеребца, такого же огромного мосластого монстра, как и он сам, и вскоре его скрыли корявые тополя, окаймлявшие извивающуюся дорогу. Раны, нанесенные войной этой земле, за полтора десятилетия затянулись.

— Как вы себя чувствуете? — спросила Лея.

Лорд Грэй неожиданно ухмыльнулся.

— Не надейтесь, мисс Андольф. По приезде в Винтерфилд я спущу с вас семь шкур и сгною сорок потов. И буду делать это ежедневно.

— Я вас разочарую, — отвечала она, улыбаясь и метя в тон. — Я глупа и ленива. Вы прогоните меня через два дня.

— Не надейтесь, — повторил он. — Я из вас сделаю чемпионку. Будете отлынивать — выпорю вожжами. Вас в детстве не пороли?

Она помотала головой, уже открыто смеясь. Дул резкий встречный ветер, она стянула шнурок капюшона вокруг разгоревшегося лица.



— Нет. Отец относился ко мне... скажем так, с трепетом. А вот с братьями я дралась всерьез и на равных, без всяких там девчоночьих штучек с ногтями.

— Охотно верю, — откликнулся лорд Грэй, и она поймала на себе брошенный искоса оценивающий взгляд. По счастью, дальше краснеть было некуда. — Вот Винтерфилд.

Она взглянула в направлении взмаха его руки. Дорога, петляющая меж полей, тронутых зеленью всходов, вела к замку, антрацитовая глыбой возвышавшемуся над пока еще безлиственной рощей. Замок как замок, древнее воронье гнездо, вполне подстать одинокому вдовствующему сычу. Она, однако, усомнилась в этой характеристике при виде искорок юмора в его глазах.

— Не думаю, чтобы маркграфине фон Скерд удалось взять Винтерфилд штурмом, — заметила она.

— Может, и удалось бы. Но не с теми силами, какими она располагает. Вы не устали?

— Не так, чтоб очень.

— Сейчас три часа, — сказал лорд Грэй, взглядывая на солнце. — Мне бы не хотелось, чтобы Оттис выиграл наш маленький спор. Как насчет небольшого галопа?

Они влетели во двор, когда там всю кипела суматоха. Лее стало совершенно очевидно, что лорд хотел избежать торжественного церемониала встречи, и эта мелкая пакость вполне ему удалась. Слуги, которых не успели выстроить шпалерами, с немалым удовольствием сбились в кучку и приветствовали лорда вразной, но бодро. На шум из развертой пасти парадного входа выбрался маленький старичок в черном бархатном камзоле, расшитом по кокетке крупными, черными же бусинами. Вторую основную часть его костюма составляли короткие брюки, ноги были обуты в туфли с пряжками и обтянуты безукоризненными белыми чулками. Головой он шевелить не мог: шея его была закована в огромный гофрированный воротник а-ля мельничный жернов, вышедший из придворной моды лет сорок тому назад. Пряди седых волос спускались на воротник, обрамляя маленькое сморщенное личико, а из них, как остров из океанских волн, вздымалась огромная глянцева лысина. Он походил на удрученную возрастом, но полную сдержанного достоинства белую мышь, ставшую неотъемлемой частью местного уклада.

— Здравствуй, Брего, — сказал старичку лорд.

Тот поглядел на своего лорда снизу вверх с выражением крайнего возмущения.

— Здравствуйте и вы, сэр Грэй, — титулуя лорда на северный лад, отвечал мажордом — а именно такова была его должность здесь. — Мое пожелание здоровья вам, в отличие от вашего, искренне. Вы, по всей видимости, желали бы как можно скорее проводить на кладбище мой гроб. Что вам стоило отправить Оттиса вперед себя хотя бы с утра? Что я мог сделать, если только полчаса назад узнал о том, что у нас в гостях будет юная леди?

— Я не леди, — заикнулась Лея. — Мой отец не входит в палату лордов...

— Мисс Андольф, — начал лорд Грэй, но ему и рта не дали раскрыть.

— Для меня любая дама — леди, — безапелляционно заявил Брего. — Особенно же столь юная и прелестная, как вы. Вот что, сэр Грэй, по вашей вине и невоспитанности я успел вскипятить только один котел. Так что ваша очередь в баню — вторая. Будете ждать. Мисс Андольф, — Брего церемонно поклонился, — прошу вас...

И ей ничего не оставалось, кроме как пойти за ним следом.

— Я в этом доме не хозяйин, — лицемерно вздохнул лорд и поплелся за ними по лестнице.

В большом холле замка тоже дым стоял коромыслом. Там спешно вешали новые шторы: льняные, в крупную, белую с коричневым клетку. Пылали оба камина. Стол, накрытый хрусткой накрахмаленной скатертью, тянулся через весь зал и был уставлен хрусталем и серебром. Туда-сюда сновали горничные и повара. Лея подумала было, что вся эта роскошь входит в ритуал встречи лорда, вернувшегося после долгой отлучки, но услышала, как он присвистнул за ее спиной.

— Это еще что?

— Но у нас же гостья! — с неколебимым знанием того, как должны вершиться ритуалы жизни, воскликнул Брего. — Следуйте за мною, прекрасная леди, я покажу вам вашу комнату.

— Я ничего не понимаю, — прошептала Лея.

— Зато я слишком хорошо понимаю, — буркнул в ответ лорд Грэй, и на этом тему сочли исчерпанной.

Брего, не останавливаясь и не оборачиваясь, торжественно выступал по лестнице вверх, Лея вынуждена была сохранять тот же темп. Присутствие лорда Грэя ощущалось за спиной.

— Вы будете жить здесь, — торжественно возвестил мажордом, кладя ладонь на ручку двери. Однако реплика эта потонула в возмущенном вопле лорда:

— Это уж слишком, Брего!

Мажордом развернулся к своему господину, выцветшие голубые глазки его метнули молнию ярости отчаявшегося человека. Белая мышь показала зубы.

— Это лучшая комната в доме, — сухо отчеканил он. — Я уже приготовил ее для леди. — Последовал неприменный поклон в сторону Леи. — Неужели же вы допустите, чтобы она сидела на чемодане, покуда все будет переделываться?

— Почему бы и нет? — пробормотали оба его визави, но Брего продолжал напористо и неумолимо.

— А кроме того, Я СЧЕЛ, что эта комната нуждается в присутствии юной леди! И то же самое я скажу обо всем этом доме, о поместье и о...

Видимо, в Винтерфилде рукоприкладство было не в ходу. Лорд Грэй довольствовался выражением лица. Брего счел благоразумным не продолжать, но с по-



зиций своих не сошел и распахнул перед Леей дубовую дверь.

— Входите, мисс Андольф, располагайтесь, живите и чувствуйте себя как дома.

И, преграждая путь лорду, сунувшемуся было следом:

— А вот теперь попробуйте выгнать ее отсюда!

Да, переступившей порог Лее вовсе не хотелось выходить. Это была узкая длинная комната с широким и низким окном против двери, выходящим на закат, и сейчас, в предвечернее время, всю ее заливало золотом садящееся западное солнце. По низу, вдоль окна шел каменный карниз, прикрывая его от возможных стрел осаждающей армии: очень уж привлекательной должна бы была казаться вражеским лучникам эта мишень, нарушавшая единство архитектурного стиля суровой твердыни, где по статусу были положены лишь узенькие, не дававшие света бойницы.

Невысокий сводчатый потолок создавал ощущение уюта, стены были побелены и красиво контрастировали с балками, рамами и ухоженной блестящей мебелью темного дерева: сундуком, шкафчиком, столиком с бронзовыми начищенными кувшином и тазом для умывания, и удобным креслом с подушкой. Поперек комнаты, под самым окном стояла узкая кровать, застеленная свежим бельем с вышитыми на нем монограммами. На одной стене висело зеркало в подходящей раме, на другой — распятие. Внутреннюю зимнюю раму уже выставили. Глаз не зацеплялся ни за одну чужеродную вещь. На каменном полу лежал ковер в теплых красно-коричневых тонах. От вделанной в стену изразцовой печи исходило приятное тепло, а топка располагалась где-то не в этой комнате. Лея вопросительно обернулась к лорду Грэю, плечом подпиравшему косяк. Глаза его были опущены. По-видимому, у него имелись веские причины протестовать против ее проживания здесь, и они не имели ничего общего с невоспитанностью.

— Да ладно, — сказал он. — Извините меня. В чем-то, Брего, разумеется, прав.

И она догадалась, что это была комната Карен Грэй.

10. РАЗМЕРЕННАЯ ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖИЗНЬ

Наутро после приезда ей позволили выспаться всласть, но стоило ей открыть глаза и решиться дернуть плетёный шнур звонка, как на пороге возникла молодая горничная со славным круглым лицом, на котором немного странно смотрелся длинноватый нос уточкой. Однако не нос был в ее внешности самой замечательной деталью. Она пребывала в том особенно красящем женщину умиротворенном состоянии, когда взгляд устремлен в себя, и она ощущает себя уже не одним человеком... правда, еще и не вполне двумя. И пребывала она в этом состоянии уже довольно продолжительное время: в узком простран-

стве комнаты Лее ничем не удалось бы проскользнуть мимо нее. На ней было платье из темно-красной шерсти, ширина юбки и количество складок которого говорили о том, что лорд Грэй не скуп, среди оборок крахмального чепца таились тени глубокой синевы.

— Доброе утро, — приветствовала она розовую Лею, глядя на нее добрыми коровьими глазами. — Меня зовут Глави. Я буду прислуживать вам, пока смогу, — простодушно добавила она, кладя руку на необъятный живот.

Ну что ж. Вот вам и разгадка похвальной стойкости Стража Северных Границ. Зачем ему Эрн фон Скерд, это ходячее извращение, с ее чудовищным характером, когда «вокруг полно крестьянок»? Вполне естественно для любого отгоревшего первыми страстями мужчины всем соблазнам этого рода предпочесть такую вот немногословную, мягкую и нетребовательную Глави.

— Маркграфиня фон Скерд тоже жила в этой комнате?

— Боже упаси! — Глави небрежно обмахнулась крестом. — Уж не знаю, как съер Грэй, но мы эту штучку раскусили сразу. У нас тут был настоящий праздник, когда удалось от нее избавиться. Даже сейчас приятно вспомнить, как съер ее за ворота выставил.

— Насколько я поняла, она к нему клинья подбивала?

— Не то слово — подбивала! Она ж ему на шею вешалась.

Убедившись, что тайны в этом деле уже как будто и нет, и что житейская интуиция пока ее не подводит, Лея выбралась из-под одеяла, умылась, оделась, причесалась и, спустившись вниз, в холл, вступила в свою новую жизнь.

В первые дни по приезде в поместье лорд Грэй оказался по горло занят. За период его месячного отсутствия накопилось немало дел, требующих, чтобы он лично уделил им внимание. Помимо участия в ежегодном Королевском фестивале, что было, собственно, его личным удовольствием, лорд Грэй утрясал в столице вопросы о возможности снижения налогового бремени, которое несла его провинция, и теперь магистрат ожидал от него отчета о достигнутых компромиссах с властями. Всплыли также некоторые тяжбы, подлежащие рассмотрению в личном суде лорда. В отличие от буйной и развеселой столицы общественная жизнь здесь, на Севере, вершилась по утрам, размеренно, но неумолимо и неотложно, а потому завтракать Лее приходилось в одиночестве.

Год — срок небольшой, попусту транжирить дни было бы слишком большой роскошью, и после завтрака она облачалась в старую тунику и лосины, связывала волосы на затылке в тугую узел, и с нею занимался Оттис.

Начали они не с фехтования. Совершенно очевидно, что не всегда на боку у нее будет висеть меч, а если и так, то далеко не все обстоятельства позво-



лят ей вовремя его обнажить, а потому Оттис показывал ей разнообразные захваты, сперва обычные, те, какие нападающие применяют не думая, ожидая встретить беззащитную жертву, а затем — хитрые, на тот случай, когда лиходей заведомо знает, с кем связался, и способы высвобождения из них. Искусство это требовало глубокого знания анатомии вообще и возможностей собственного тела в частности, способности концентрироваться на отдельной конечности и мгновенно переливать в нее силы всего организма. Он учил ее компенсировать недостаток физической мощи быстротой, внезапностью и нетрадиционностью проводимого контрприема, безболезненно падать и вскакивать, как каучуковый мячик, едва коснувшись земли. А то и вовсе не вскакивать, потому что нападающий интуитивно считает падение противника вкладом в копилку своей победы и хоть чуть-чуть, но расслабляется, ожидая, что противник для того, чтобы продолжить сопротивление, якобы непременно должен сперва подняться. Но если уж ты упал, то не спеши. Уязвимее всего ты и будешь в момент подъема. Есть масса приемов, которые можно провести сидя и даже лежа, особенно имея в виду болевые точки. С обычной своей лошадиной ухмылкой Оттис сообщил ей, что в системе женской самообороны запрещенных приемов нет. Она с удивлением узнала, что наружное ребро ее ладони смертоносно, и что головою можно не только думать или носить нарядную шляпку, но и заставить противника собирать зубы в придорожной пыли. Когда она уже овладела некоторой суммой навыков, она обнаружила, что ей не показали ни одного приема, в исполнении которого доминировала бы физическая сила.

Так она проводила время до обеда, и не сказать, чтобы подобная жизнь была ей в тягость. Тело, и до того привыкшее к физическим нагрузкам, наливалось певучей радостью. Она вовсе забыла, что такое корсет.

Вне зависимости от формы ее одежды отношение слуг к ней оставалось приветливым и уважительным. Она пару раз задумывалась, не обязана ли она этим контрасту, представляемому ею с фон Скерд?

К обеду она переодевалась в одно из своих неброских платьев и из Леи и «ты» вновь становилась мисс Андольф и «вы». Тогда же возвращался лорд Грэй, они вместе обедали, он делился с нею курьезами судебных разбирательств, иногда шутливо, а иногда всерьез негодовал на претензии магистрата, самовольно перераспределявшего средства, отчисляемые от налогов на нужды его региона. Слишком мало, по мнению лорда, представлявшего в своем округе высшую военную власть, оставалось на долю пограничной заставы: бюргеров избаловал неслыханно долгий промежуток мирной жизни.

После обеда ей предоставлялось на выбор либо три часа свободного времени, в течение которых Лея могла спать или читать, либо верховая прогулка вместе с лордом Грэем. Она благоразумно предпочитала

ла придерживаться его привычек, и сопровождала его, когда он объезжал своих арендаторов, выясняя их нужды в той части, в какой они зависели от него, или просто расслаблялся движением на природе. Ее глубоко поразили его познания в сельском хозяйстве, и варясь в том же котле, она стала понимать, почему он считается хорошим лордом. Он разбирался во всем, от чего зависело благосостояние его округа, и как следствие — его самого. Он добровольно уступил городскому магистрату и сельской общине те из своих полномочий и связанных с ними обязанностей, без которых смог обойтись. Он быстро сообщал, четко формулировал свои требования, был доброжелателен к тем, кто от него зависел, и не терпел вранья. Фрейлины и впрямь показали себя круглыми дурами, полагая, что лорд такого ранга должен тратить свою жизнь на беготню за сельскими юбками. Даже если бы он и был к этому расположен, при таком напряженном графике у него все равно не оставалось на них времени.

От нечего делать она внимательно слушала его беседы с арендаторами, вникала в суть доселе чуждых ей вопросов и просьб, вскоре ее присутствие рядом с лордом стало как бы само собой разумеющимся, а его небрежное «как вы думаете, мисс Андольф?», обращенное к ней прилюдно, заставило ее раздуться от гордости целых два дня... пока не было повторено, уже по делу.

Возвращаясь в Винтерфилд, они ужинали. Вопреки той жизни, которую она здесь вела, а может быть, именно благодаря ей, Лея не собиралась забывать, что она — привлекательная молодая дама. Для вечеров она после тщательной инспекции выбрала одно из своих ненавязчивых платьев: лиф его с полудлинными рукавами был из черного бархата, с неглубоким девическим вырезом, открывавшим ключицы, талия завышена чуть не под грудь, а юбка сшита из тяжелого, черного же шелка, оживленного ребяческим крупным белым «горохом», почти не расклешенная, с глубокой встречной складкой спереди и сзади. Она целый вечер пришивала крохотный бархатный бантик на место соединения юбки и лифа, поиному причесывалась, поднимая волосы вверх, в валик, подчеркивающий грациозный изгиб шеи. Пусть она не рассчитывала на ухаживания, но улыбка в глазах лорда Грэя помогала ей чувствовать себя в ладу с миром. Она знала, что на нее приятно смотреть. В любом случае, та мера кокетства, на какую она отваживалась, видимо, считалась им вполне допустимой.

Готовили в Винтерфилде хорошо, без изысков и излишеств, очень уж тонким и капризным вкусом хозяин не отличался. Пища была та, что зовется «деревенской», какую рекомендуют, когда надо поправить здоровье. Вино подавалось только к ужину, и то не больше бокала. Она выпила здесь больше молока, чем даже в детстве.

Потом, после ужина, они уединялись в кабинете-библиотеке, где лорд Грэй усаживался за стол, читал



и писал письма, набрасывал план очередного выступления в магистрате или рылся в книгах в поисках юридического прецедента какой-нибудь особенно заковыристой тяжбы. Лея, подобрав под себя ноги, устраивалась на бархатном диванчике с анатомическим атласом. В первый вечер, когда лорд Грэй бесцеремонно сунул ей в руки эту тяжеленную книжищу, она была шокирована ее откровенными красочными картинками до немоты. Затем, вникая во взаимодействие человеческих мышц, костей и сухожилий, в расположение нервных узлов, она обрела зрелую способность рассматривать «картинки» не с кочки зрения сдавленно хихикающей фрейлины, а глазами профессионала, чья жизнь зависит от суммы навыков и знаний. Это было ей необходимо. Потом, опережая практику, пошли книги об оружии разных народов и учебники, описывающие разные стили бокса и борьбы. Здесь она усмотрела возможность кое-чем удивить даже Оттиса, а потому изучала их придирчиво и тщательно, по многу раз прокручивая в уме особенности описанных приемов. Память у нее была хорошая, и тело ей повиновалось.

С некоторых пор, а со временем все чаще, лорд Грэй завел моду огорошивать ее внезапным вопросом, казалось бы, никак не относящимся к ее занятиям настоящего момента. Что-нибудь из агрономии, юриспруденции или метеорологии. В первый раз она даже подумала, что он просто высказал вслух терзавший его вопрос, и не обратила на него ни малейшего внимания. Нетерпеливое «я к вам обращаюсь, мисс Андольф» стегнуло ее, как кнутом.

— Я не знаю, — растерянно отозвалась она.

— Там, на полке, стоит томик Гебориуса, — сказал лорд Грэй. — У него это должно быть. Будьте так добры, взгляните.

Выраженному в подобной форме пожеланию противиться было невозможно. Лея вставала, рылась в книгах, листала их, мельком проглядывая страницы и мысленно браня переписчиков за корявый почерк, находила нужное и отчитывалась, будто на экзаме. Потом она уже и сама знала, в какой книге и где именно находится интересующая лорда информация, потом они как по волшебству стали раскрываться в ее руках на нужной странице, а вскоре ей и вовсе не приходилось подниматься с диванчика: ответы всплывали сами собой, она даже глаз от своей книги не поднимала. Когда она обнаружила, что подобная форма общения устоялась, до нее дошло, что и у самого лорда Грэя не могло быть иначе. На все вопросы, которые он ей задавал и в разрешении которых якобы нуждался, он прекрасно знал ответ.

— Зачем? — спросила она.

— Затем, чтобы вы научились управлять самым сложным хозяйством.

Ее брови взлетели вверх, но он продолжил, откидываясь на спинку кресла и переплетая длинные пальцы:

— Чтобы мне не стыдно было выдать вас замуж в самую знатную семью королевства.

Она минуту молчала, пока до нее доходил смысл сказанного.

— Мне кажется, в нашем соглашении об этом не было ни слова.

Пальцы хрустнули.

— Разве вы уже отказались от своих идеалов, мисс Андольф? Вы согласились сыграть по моим правилам, я решил, что будет справедливо и мне сыграть по вашим. Уверю вас, я сосватаю вас лучше, чем ваш уважаемый отец, потому что у меня несравненно более широкий круг общения. И, разумеется, я не допущу ни малейшего ущерба вашей чести.

Ей нравилось, когда его глаза смеялись, но она терпеть не могла, когда потешались над ней. Вылетев из библиотеки, она от души приложила дверью о косяк и обнаружила, что стоит, прижавшись к стене, еле дышит от гнева и сжимает кулаки, рискуя проткнуть ногтями ладони.

— Ах ты... папочка!

11. НЕПУТЕВЫЙ ОТПРЫСК КЛАНА КАДУЦЦИ

Утро не обещало ничего такого, что отличило бы его от прочих. Начиналось лето, яблони уже уронили свой бело-розовый майский наряд и стояли теперь сплошь усыпанные сжатыми кулачками завязей. Оттис напал, Лея оборонялась, кружа на истоптанном песке маленького тренировочного дворика, устроенного в пределах каменной ограды замка Винтерфилд. Припекало, и Лея повязала лоб лентой, чтобы пот не заливал глаза: имея дело с Оттисом, не следовало упускать из виду ни одной минимальной мелочи, какая могла бы дать ему преимущество. Сегодня они отрабатывали возможности «обыкновенной палки», разумея под оной древко копья, рукоять алебарды, дышло или же попросту ручку метлы. Оттису уже удалось пару раз нижним концом своей дубинки подхватить ученицу под колени и вывалить в песке, и больше она не собиралась доставлять ему такое удовольствие. Потихоньку, осторожно передвигаясь по кругу и не сводя друг с дружки внимательных глаз, они время от времени оглашали дворик частым перестуком сухого дерева.

— Лорд едет, — сказал вдруг Оттис, останавливаясь и выпрямляясь. — Раненько сегодня. Кто это с ним?

Лея не поспешила оглянуться, отлично знакомая с этой старой как мир уловкой. Заметив, что она не поверила ему ни на грош, Оттис сделал демонстративный шаг назад и развел руки в стороны. Не бойся, мол. Лея из-под руки глянула на дорогу.

Приближавшихся всадников и впрямь было двое, второй — незнакомый. Конские ноги и животы покрывала обязательная пыль проселка. Копыта прогремели по настилу моста, который Лея на своей памяти ни разу не видела поднятым, и лорд Грэй вместе



со своим спутником въехали во двор.

Огороженное место для занятий было сразу напротив ворот, миновать его приходилось в объезд, но этого не случилось. Лорд Грэй направил коня к загородке и спешился. Спутник его, чуть помедлив, последовал его примеру. Лея рассматривала его с уверенным, хотя и сдержанным любопытством старожилки, чуть ли не члена семьи, пока к неловкости своей не обнаружила, что внимание ее не только, но даже сверх меры взаимно.

Ее разглядывал юноша вряд ли старше ее самой, и смотрел он на нее так, что она сразу вспомнила, что на ней туго облегающие лосины, и докуда совершенно точно спускается нижний край ее туники. Это был придворный взгляд, она узнала его и внутренне ошетибилась, потому что в глубине души под влиянием жизненного уклада Винтерфилда уже отождествляла счастье с привольным покоем. Она вполне оценила моментальный взгляд, который молодой человек искоса бросил на нарочито невозмутимое лицо лорда Грэя: прикинул их разницу в возрасте и то, кем они могут приходиться друг другу.

— Похоже, — пробормотал он, но Лея и лорд Грэй услышали, — мое пребывание здесь не будет столь тягостным и мрачным, каким оно рисовалось вначале.

— Мисс Андольф, — сказал лорд Грэй, и знакомая усмешка затанцевала в его глазах, — позвольте вам представить Романо Кадуцци, старшего сына и единственного наследника лорда Рэда, Стража Южного Предела...

Юноша склонил голову ровно настолько, насколько это было бы уместно перед «всего лишь мисс». Либо он не знал о ее статусе чемпионки, либо был к нему глубоко равнодушен.

— ... но здесь происхождение ему не поможет. Мисс Лея Андольф, — завершил лорд Грэй церемонии представления. — Романо, как и вы, будет у меня учиться.

Горд и доволен, как кот, кладущий на колени хозяйину жирную мышь: смотри, мол, что я приволок в дом.

Лея коротко кивнула. Юнец ей не понравился. Она терпеть не могла этот взгляд, выдававший дамского любимчика, Керубино, ни в чем не знающего отказа. И все же было бы глупо отрицать, что мальчишка непозволительно хорош собой. Черные кудри вились до плеч, пламенные глаза смотрели на мир так, будто он имел право взять в нем все, тонкость и совершенная красота лица и тела заставляли задуматься о многих поколениях прекрасных женщин, которых лорды Юга возводили на брачное ложе. Кожа у Романо была смуглая от природы, оливковая, не тронутая пока еще солнцем Севера, оставившим красноватый загар, и на фоне блистательной юности отчетливо стало видно, как легко и с каким достоинством несет свой груз лорд Грэй.

Лея дернула головой, вытряхивая песок из волос, и коварный Оттис выбрал именно этот момент, что-

бы поймать ее руку выше локтя и дернуть к себе, чем и дал невольный выход ее раздражению. Палка все еще оставалась в ее руках. Подныривая под хватающую ее руку и таким образом неловко ее выворачивая, она нанесла обманный, но тем не менее свирепый удар в то самое уязвимое место, какое мужчина инстинктивно оберегает даже ценою поражения всего остального. Оттис отшатнулся, Лея обращенным к земле концом дубинки снизу вверх подхватила его опорную ногу под пятку, пружинистым проворотом корпуса усилила рывок, и верхний свободный конец еще добавил ему по пояснице. Здоровенный костлявый детина выше ее на две головы распластался в воздухе, как подброшенная морская звезда, пытаясь ухватиться за что-то невидимое, и грянулся оземь. Винтерфилд содрогнулся, а взметенный его падением песок, оседая, припорошивал распростертое тело.

— Вот только придуриваться не надо! — сердито бросила Лея, круто развернулась и пошла прочь.

Она упустила из внимания вопросительно поднятые брови лорда Грэя и то, как в ответ на этот минимальный жест Оттис, лежащий навзничь, чуть заметно покачал головой и, морщась, потянулся к пояснице.

— Опять, — прохрипел он, — научишь девушку ребром ладони разрубать жизненные проблемы?

— Я тоже учусь, — задумчиво заметил лорд Винтерфилда и окликнул Лею: — Мисс Андольф!

«Мисс Андольф» — до обеда? Это было что-то. Она обернулась.

— Вы достигли определенных успехов, мисс Андольф, — сказал лорд Грэй. — С завтрашнего дня я сам буду заниматься с вами.

* * *

Она причесалась, переделалась в платье и вышла на галерею, намереваясь спуститься к обеденному столу. Однако выход на лестницу ей уже преграждал Романо, вцепившийся в поручни по обе стороны от себя.

— А, — сказал он, — ты и юбку, оказывается, носишь. Отлично. Будет под что забраться. Где ты спишь?

Он знал, где у быка рога. Она остановилась на три ступени выше, глядя на него сверху вниз и оставаясь вне досягаемости, буде он решится пустить в дело свои длинные руки. Она вполне оценила преимущества занимаемой позиции, а потому скорее предложила, чем потребовала:

— Пусти.

Он, смеясь, покачал головой.

— Плати пошлину, красавица. Всего один поцелуй — разве это цена для таких сладких губ? Ну? Иначе ведь останешься без обеда.

— Ты стоишь спиной к лестнице, — улыбаясь, напомнила ему Лея. — За тобою — девятнадцать ступеней. Тебе будет очень больно. Так что... кру-у-гом! И — шагом марш! На три шага впереди меня.



— Я до тебя доберусь, — мрачняя, пригрозил отпрыск Кадуцци, нехотя исполняя ее команду.

— Посмотрим, сказал слепой, — пропела Лея ему в затылок.

Обстановка за обедом создалась несколько напряженная. Лорд Грэй никогда не стремился стать душой компании, его присутствие обозначалось лишь мелкими услугами, какие он оказывал Лее. Она чувствовала себя словно окутанной тончайшей очаровывающей паутиной его внимания: не успевала она вопросительно поднять глаза, как соль уже оказывалась возле ее руки и тому подобное. Однако в глазах Леи галантность его не извиняла. Лея была раздосадована: она уже вжилась в прежний уклад здешней жизни, которому сегодня пришел конец, и не испытывала ни малейшего желания переходить на осадное положение ввиду сексуальной озабоченности этого недоросля. Присутствие Романо в доме скрывало ее и ограничивало ее свободу. Жди теперь пошлостей, оскорбительных выпадов и попыток нападений из-за каждого угла. Она представила свои трудности в полном объеме и обозлилась еще больше. Лорд Грэй, казалось, благодушествовал, а мальчишка молча измышлял планы штурма ее спальни.

Она поняла, что недооценила своего ангела-хранителя, когда, вернувшись в свою комнату, обнаружила там плотника, сидящего на полу среди рассыпанных гвоздей. Сосредоточенно прищурившись, он прилаживал на дверь массивный кованый запор.

12. ПРИЯТНОЕ ОБЩЕСТВО

Стоял чудовищно жаркий ранний июнь. Палящее солнце в своей способности доводить до иступления равнялось разве что с Романо Кадуцци: только в самых глубинах Винтерфилда, сложенного из монолитных глыб, в комнатах, выходящих на запад, можно было обнаружить некое подобие прохлады, но Лее глубоко претила мысль запереться и затаиваться в своей норке как от того, так и от другого. Занятия ее проводились сейчас чуть свет, когда на тренировочном дворике еще можно было находиться без риска схватить тепловой удар, а днем, во время пекла, ей приходилось измышлять себе занятия по вкусу. Скажем только, что вышивание она ненавидела с детства. Некоторое время она наблюдала из окна за Главой, выбравшейся с плетеной колыбелькой и вязанием в тень скудных акаций, проросших во дворе самочинно и оставленных строгим Брего только ради укрытия от палящих лучей: мажордом лучше, чем кто-либо, знал, как во всех отношениях должен выглядеть рыцарский замок. Оттис словно бы невзначай слонялся рядом и совершал сложные маневры, пытаясь приблизиться к ней и вместе с тем не уронить в своих глазах собственное достоинство. Лея давно уже поняла, что в то первое утро дала маху с предположениями относительно отцовства ребенка Глави, и сильно; но поскольку она ни с кем этими пред-

положениями не делилась, то и неловкости никакой не испытывала. Лорд Грэй был тем, чем казался — анахоретом. Когда четыре стены и пейзаж в окне окончательно ей наскучили, Лея накинула халатик, взяла полотенце и отправилась на ручей.

Он протекал неподалеку от замка, и в незапамятные времена его вода питала здешний ров, теперь за ненадобностью заброшенный, высохший и заросший. Запруда, однако, поддерживалась в полном порядке, потому что хоть лорд Грэй и не гонялся за ненужной роскошью, но любил, чтобы то, чем он пользовался, было исправно и находилось под рукой. Лея, выросшая в приморском крае и не мыслившая лета без купания, с первых же теплых дней оценила маленький уединенный пруд и безоговорочно предпочла его ванне.

К воде здесь спускался пологий травянистый откос, илистое от природы дно было вычищено и засыпано привозной галькой, которую так славно было чувствовать ступнями. По краям заводи шептались камыши, а от нескромных глаз ее ограждала стена плачущих ив, склонившихся к воде, словно прачки, полощущие белье. Лея внимательно прислушалась и окинула купальню долгим пристальным взглядом, как это вошло у нее в привычку в последнее время. Птичий гомон как будто не был ничем нарушен, и камыши шевелил только ленивый ветерок, скорее дыхание, обманчивое обещание ветерка. Безлюдье казалось полным, она сбросила халатик и ступила в воду, с каждым шагом казавшуюся все приветливее и теплее.

Глубину здесь каждый выбирал себе по вкусу. Чуть подальше от берега ее бы скрыло с головой. Туда-то она и собиралась, так как хотела вволю поплавать, а какая же может быть воля, если то и дело цепляешься ногами за дно? Она зашла в воду по пояс, потом чуть дальше, задумчиво наблюдая, как отраженные блики скачут по ее телу, неуловимо изменившемуся за эту весну. Сейчас она нравилась себе больше. Она стала нервнее и гибче, лучше знала возможности своего тела, научилась не только приказывать ему, но и слышать его. О своих потребностях оно сообщало ей вполне внятно, и как умная госпожа, она понимала, что не сможет и не должна полностью игнорировать его. Что это нанесет ей вред. Сейчас, например, оно жаждало прикосновения прохладной воды.

Сопrotивление толщи воды становилось сильнее, и было все труднее передвигать ноги. Лея остановилась, когда вода дошла ей до груди и колыхала ее, словно ласковая рука. Она даже зажмурилась от удовольствия и вытянула руки, желая упасть и быть подхваченной упругой и коварной средой. Однако, когда она уже падала в брызги, не в силах сдержать крик восторга, вода взметнулась ей навстречу и сомкнула вокруг нее длинные сильные и мокрые руки.

Легко сказать «не паникуй», когда в твоём мозгу в единый миг пронеслись все когда-либо слышанные



в темной детской страшные сказки! Кикиморы, водяные, спруты, русалки, прочие глубинные ужасы, включая даже морского змея, или Эрна фон Скерд как персонаж ужастика самой последней поры. Ей-богу, она даже дух перевела облегченно, когда оказалось, что это всего лишь Романо Кадуцци сграбастал ее в объятия.

— Попалась! — обрадованно воскликнул он, выплевывая соломинку, благодаря которой сумел так долго просидеть в своей подводной засаде. — Наконец-то! Я же говорил, что доберусь...

— Пусти! — потребовала Лея, делая движение вырваться прочь, а не тут-то было. — Отпусти меня немедленно, негодник!

— Да погоди! — жарко прошептал он, прижимая ее к себе и неистово исследуя губами ее шею и плечи, своею тяжестью неумолимо клоня ее вниз. — Послушай... Ты ведь уйдешь, если выпущу. Неужто ты здесь, в этой медвежьей норе — по доброй воле? Такая девушка...

Его опытные ласковые ладони умело прошлись по ее телу, красноречиво объясняя ей, какая именно она девушка. Она снова попыталась высвободиться, извернувшись всем телом, и снова потерпела неудачу. Соппротивление его только распалило.

— Романо, пожалуйста...

— Пожалуйста — это мне нравится, — пробормотал он. — Попроси еще...

— Романо, ну неужели ты настолько испорчен, что возьмешь девушку против ее желания?

— Но ты же хочешь! — он был так удивлен, что даже перестал целовать ее на секунду. — Я же чувствую...

Дерьмо! Хотела не она, а ее тело, откликавшееся на его горячечные ласки, но объяснять это мальчишке явно было не место и не время. Романо одурел, как заяц по весне.

— Тебе же здесь скучно, — шептал ей Романо в самое ухо, — у Грэя репутация известного скромника, да и не поверил бы я, будто тебе старик по вкусу. Давай любить друг друга, пока мы здесь. Посмотри, как чудесно: берег, травка, солнышко. Тебе же лучше, если по согласию. Только полежи тихонько, и тебе тоже будет хорошо.

Он слишком превосходил ее ростом, чтобы она могла ударить его головой в лицо.

— Кричать будешь? — яростно пыхтел он, таща ее к берегу. — Кричи. Грэй не рискнет меня убить. А хоть бы и так, я все равно это от тебя получу.

Трагикомизм ситуации заключался в том, что Лея ощущала себя не жертвой, а душой. Она была куда как неприступна с людьми получше Романо Кадуцци. Потратив уйму сил, он таки выволок ее на берег, швырнул на траву и бросился сверху. Ну что ж, будем считать, что деликатные средства исчерпаны. Испытывая холодноватое чувство некоторого сожаления, Лея приветствовала его порыв встречным движением крепко сомкнутых коленей, и когда поднялась

на ноги, Романо остался на траве. Для верности она добавила ему еще, чтобы полежал спокойно, пока она оденется.

— Я правильно тебя поняла? — спросила она, глядя в обращенный к себе и вытаращенный от боли глаз. — Ты этого от меня хотел? Да лорд Грэй выгнал бы меня с позором, если бы я вздумала звать на помощь.

И только сейчас ее с головою начало захлестывать запоздалое бешенство. О нет, не против беспомощно скрюченного обнаженного тела на траве: что взять с мальчишки! Против того, кто наверняка все это подстроил, потешаясь над ними обоими, и кому она только что сдала экзамен по женской самообороне. Забросив полотенце на плечо, она размашистым шагом направилась в замок. Кулаки ее были крепко сжаты. Сейчас она готова была дать в морду каждому, кто встанет у нее на дороге.

— Где лорд? — крикнула она Брего, встреченно-му ею в холле. Мажордом как-то странно дернулся и невольно глянул вверх. Там, на галерее, послышались шаги, лорд Грэй перегнулся через перила.

— Вы меня ищете, мисс Андольф?

— О да, — с вызовом сказала она. — Есть неотложный разговор.

— Минутку... Может, подниметесь в библиотеку?

Оставляя за собою мокрые следы босых ног, Лея, шагая через ступеньку, взлетела на второй этаж. Лорд Грэй тщательно мыл в тазу перепачканные землей руки. Разрешение вопроса о том, где это он ухитрился так извозиться, сидя в библиотеке, она решила оставить для досуга.

— Коленку разбила? — участливо спросил он.

Лея поперхнулась обвинением, а когда прокашлялась, давась смущением и смехом, он уже вытирал руки полотенцем.

— Уж не вы ли подсказали ему место и время?

— Не я, — честно ответил лорд Грэй. — Но, признаться, я ожидал от него выходки в подобном роде. Он все еще лелеет тайную надежду, что я его выгною. Это — помимо ваших собственных несомненных достоинств. Впрочем, я был уверен, что за вас мне бояться не следует.

— Зачем вы вообще его взяли?

— Для приятного общества, — невозмутимо отозвался хозяин Винтерфилда.

— Для МОЕГО приятного общества?

— Ну не сам же я положил глаз на его греческую красоту!

И ей снова пришлось бороться с неуместным желанием прыснуть. Эрна фон Скерд — вот кого ей надлежало благодарить за Романо Кадуцци. Это она произнесла ту памятную фразу насчет возможностей для секса в Винтерфилде, а Грэй услышал и намотал на ус. Наученный горьким опытом, он отгородился от ее возможных посягательств первым, что попало под руку. Это называется рокировкой.

— Нет ничего смешнее разъяренной фрейлины,



правда? — неожиданно тихо, чтобы быть наверняка услышанной, спросила она.

И тут же была вознаграждена вспышкой интереса в его глазах.

— Разве что зарвавшийся деревенский лорд, которого вовремя щелкнули по носу, — немедленно отозвался он с той же интимной интонацией, неожиданно успокоившей ее и согревшей ее сердце, как его первая улыбка. — Еще Катарина фон Лиенталь доказала мне, что дразнить фрейлин недостойно. И неблагоприятно. И я этого делать не буду. Лорд Рэд как друга попросил меня сделать из его сына мужчину и человека. К двадцати годам молодчик превзошел в совершенстве только одну науку — делать горничным детей, и этого следовало ожидать: единственный наследник, воспитанный женщинами. Задача, по-моему, почти безнадежная: ум в задние ворота ему следовало вгонять десять лет назад, и время упущено. Рэд собирался, как это водится, отправить его к соседу на воспитание, чтобы побегал пажем, а затем оруженосцем, да мать стеной встала: мол, слабенькое у ребенка здоровье. Чего хочет женщина, того хочет Бог, и Рэд отступил, о чем сейчас жалеет.

— Слабое здоровье? — озабоченно переспросила Лея. — Я его, может, покалечила?

— Он здоров, как молодой бык. Урон, я полагаю, нанесен только его самолюбию: зверски избит при нападении на женщину. Женщиной.

Лея со стоном смеха уткнулась лицом в портьеру.

— В двадцать лет ума нет — и не будет. Однако я подумал, что вместо ума я мог бы дать ему умную жену, что реально... и почти то же самое.

Лея сделала нетерпеливый жест.

— Послушайте меня. Кадуцци — самый богатый клан королевства. Насколько я знаю требования лорда Рэда к женщинам, вступающим в его семью, это — хотя бы минимальное дворянство, безусловная красота и умение себя вести. Вы великолепно подходите по всем статьям, и лучшего способа осуществить ваши собственные жизненные идеалы может не представиться. Куда ни кинь, Романо — лучший жених во всех четырех Пределах.

— Этот? — с тоскою в голосе спросила Лея.

— Да он не так уж плох. Избалован, ленив, готов гнаться за любой юбкой, но не злобен, а в остальном переберется. Умная женщина могла бы взять его в руки. А я считаю, что вы умны, мисс Андольф.

— Благодарю вас.

Она подошла к окну и поглядела поверх деревьев на пыльную дорогу, ведущую в город. Потом перевела взгляд на жанровую сценку, разыгрывавшуюся под акациями во дворе. «Я хочу, чтобы ты обнял меня, но боюсь, что ты возомнишь о себе. — Я хочу тебя обнять, но опасаясь получить по морде, потому что в глубине души понимаю, что этого заслуживаю...».

— А что, если Романо Кадуцци откажется на мне жениться? И останусь я... как это говорят? С разбитым сердцем, и хорошо, если не с младенцем на руках?

— А вот если так, — процедил лорд Грэй, будто уже и не с нею говорил, — и, разумеется, если это дерьмецо все еще будет тебе нужно, мы будем беседовать с ним на уровне его уважаемого папочки.

Улыбнулся и потянулся до хруста.

— Разве это от Романо зависит: хотеть ему жениться или нет? Поиграй с ним, если хочешь. Он твой. Под венец тебя никто силком не тащит, но просто подумай об этом. Идет?

— Угу, — отозвалась Лея, поглощенная перипетиями действия во дворе. — Лорд Грэй, а почему Оттис не женится на Глави?

У нее было самое невинное выражение лица, когда она усомнилась в его способности устроить чьи-то matrimониальные планы. Сказать по правде, она и не надеялась когда-нибудь так удачно поймать его на слове.

— Потому что он — зараза, — кратко ответил хозяин Винтерфилда. — Живет во грехе и позорит приличный дом. Они тут все сговорились против меня, а во главе у них — Брего. И когда я пытаюсь на него надавить, у него всегда наготове подходящая отговорка, что, мол, негоже слуге вперед... — Под ее испытующим взглядом он скомкал остаток фразы и поспешно заключил: — Это неинтересно.

Это было более чем интересно, но Лея сделала вид, будто не заметила, что лорд Грэй ступил на скользкую почву, и великодушно не стала его толкать. Однако что-то, сидевшее в самой глубине ее натуры, болезненно вздрогнуло и сжалось, когда ей пришлось в голову сопоставить отчаянное романово «да хоть бы и убил, а я от тебя это получу» с этой хитренькой рокировкой, проведенной с целью сохранения дремотного покоя. И ей подумалось, что непутевый отпрыск клана Кадуцци выглядел на этом фоне не так уж недостойно.



Игорь ХАЛЫМБАДЖА

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ВРЕМЕНИ ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ 1999 ГОДА

1 ЯНВАРЯ 50 лет Александру Константиновичу Тесленко (1949-1990), украинскому прозаику, автору повестей «Земля узнает правду», «Искривленное пространство», рассказов.

2 ЯНВАРЯ 50 лет Владимиру Николаевичу Першанину (1949), волгоградскому прозаику, автору повестей «Охота не йети», «Отравленная земля» и др.

3 ЯНВАРЯ 170 лет Михаилу Ларионовичу Михайлову (1829-1865), писателю и общественному деятелю, автору очерков «За пределами истории», сказок.

4 ЯНВАРЯ 120 лет Петру Людвиговичу Драверту (1879-1945), ученому, поэту, прозаику, автору «Повести о мамонте и ледниковом человеке», рассказов «Разбитая цепь», «Поэт и Смерть».

6 ЯНВАРЯ 75 лет Петру Ивановичу Воронину (1924-1974), сибирскому писателю, автору повести «Прыжок в послезавтра».

7 ЯНВАРЯ 80 лет Евгению Петровичу Загданскому (1919), украинскому режиссеру, сценаристу, прозаику, автору повести «Прыжок в бессмертие», сборника рассказов «Эффект Кассандры».

15 ЯНВАРЯ 120 лет Павлу Петровичу Бажову (1879-1950), уральскому писателю, создателю горноуральской мифологии (сборник сказов «Малахитовая шкатулка»).

16 ЯНВАРЯ 115 лет Жюлью Сюпервьелю (1884-1960), французскому писателю, автору романов и рассказов («Восковые люди», «Дитя волн», «Хромые на небесах» и др.).

17 ЯНВАРЯ 100 лет Невилу Шютю (1899-1960), австрийскому писателю, автору романа «На берегу».

18 ЯНВАРЯ 55 лет Юрию Владимировичу Линнику (1944), поэту и прозаику, автору книги «В поисках Шамбалы», фантастических повестей, рассказов, стихотворений.

19 ЯНВАРЯ 190 лет Эдгару Аллану По (1809-1849), американскому поэту и прозаику, автору романа «Повествование Артура Гордона Пила» и многих новелл с фантастическими сюжетами.

45 лет Вячеславу Михайловичу Рыбакову (1944), петербургскому писателю, автору романов «Гравилет», «Цесаревич», «Очаг на башне», «Дерни за веревочку», «Человек напротив», по-

вестей, рассказов, статей.

20 ЯНВАРЯ 115 лет Абрахаму Мерри-ту (1884-1945), американскому прозаику, автору романов «Гори, ведьма, гори!», «Живой металл», «Корабль Иштар» и др.

115 лет Евгению Ивановичу Замятину (1884-1937), знаменитому русскому писателю, автору романа «Мы», рассказов и сказок.

24 ЯНВАРЯ 55 лет Дэвиду Фридману Джералду (1944), американскому фантасту, автору романов «Странствия Звездного Волка», «Мой сын марсианин» и др.

30 ЯНВАРЯ 50 лет Борису Федоровичу Иванову (1949), воронежскому фантасту, автору романа «Тридцать четвертый мир», повестей «Случай контрабанды», «Обитель монстров», «Души рыжих» и др.

2 ФЕВРАЛЯ 90 лет Эдгару Пэнгборну (1909-1976), американскому писателю, автору романов «Яйцо ангела», «Милый Армагеддон» и др.

3 ФЕВРАЛЯ 100 лет Лао Шэ (Шу Шэюй) (1899-1966), знаменитому китайскому писателю, автору романа «Записки о Кошачьем Городе», повести «День рождения Сяо По».

5 ФЕВРАЛЯ 85 лет Уильяму Севарду Берроузу (1914-1997), американскому писателю, автору романов «Нова экспресс» и др.

6 ФЕВРАЛЯ 70 лет Игорю Сергеевичу Дручину (1929), прозаику, автору повестей «Дороги ведут в Сантмарее», «Древняя музыка Земли», «ритм Галактики» и др.

7 ФЕВРАЛЯ 45 лет Евгению Ивановичу Филенко (1954), пермскому фантасту, автору романов «Галактический консул», «Шествие динозавров», повестей и рассказов.

8 ФЕВРАЛЯ 125 лет Николаю Николаевичу Брешко-Брешковскому (1874-1943), прозаику, автору романов «Яд Земли», «Мировой заговор» и др.

11 ФЕВРАЛЯ 75 лет Аскольду Львовичу Шейкину (1924), прозаику, автору повестей «Тайна всех тайн», «Солдатская дорога домой», «Северная баллада».

18 ФЕВРАЛЯ 75 лет Эвальду Васильевичу Ильенкову (1924-1979), ученому и писателю, автору повести «Тайна Черно-го ящика».

19 ФЕВРАЛЯ 90 лет Марку Зосимовичу Ланскому (1909), автору романа «Битые

kozyри» и рассказов «Бунт машин», «В обжитом космосе» и др.

20 ФЕВРАЛЯ 55 лет Павлу Рафаэловичу Амнуэлю (1944), прозаику, автору романа «Люди Кода», повестей «Лишь разумные свободны», «Камни звездного света», сборника «Сегодня, завтра и всегда».

27 ФЕВРАЛЯ 105 лет Лазарю Васильевичу Берману (1894-1980), автору повести «Путешествие по стране Авта».

28 ФЕВРАЛЯ 75 лет Юрию Людвиговичу Лясоте (1924), писателю из Владивостока, автору повести «В одной далекой стране», рассказа «Четвероногий брат».

4 МАРТА 115 лет Александру Романовичу Беляеву (1884-1942), выдающемуся советскому фантасту, автору романов «Ариэль», «Властелин мира», «Голова профессора Доуэля» и мн. др.

120 лет Бернгардту Келлерману (1879-1951), немецкому писателю, автору романа «Туннель».

95 лет Георгию Гамову (1904-1968), выдающемуся советскому, затем американскому ученому и писателю-фантасту (повесть «Мистер Томпкинс в стране чудес», рассказы «Эффект Мёбиуса», «Сердце по другую сторону»).

6 МАРТА 380 лет Савиньону Сирано де Бержераку (1619-1655), французскому поэту и прозаику, автору романов «Иной Свет, или Государства и Империи Луны» и «Космической истории государств «Солнце».

70 лет Фазилу Искандеру (1929), прозаику, автору романа «Стояние человека», сказки «Кролики и удавы».

7 МАРТА 75 лет Абэ Кобо (1924-1993), знаменитому японскому прозаику, автору романов «Четвертый ледниковый период», «Чужое лицо» и др.

8 МАРТА 65 лет Курту Маару (1934), немецкому писателю, автору романов «Фабрика дьявола», «Идол Пассы» и др.

140 лет Кенноту Грэхему (1859-1932), английскому сказочнику, автору книг «Ветер в ивах», «Дни грез» и др.

13 МАРТА 50 лет Сергею Михайловичу Федотову (1949), прозаику, автору повестей «Там, в глубине», «Горбун на верблюде», «Все, как у людей» и др.

85 лет Вячеславу Ивановичу Пальману (1914), прозаику, автору фантастических романов «Кратер Эршо-



та», «Красное и зеленое», «Два шага маятника».

20 МАРТА 190 лет Николаю Васильевичу Гоголю (1809-1852), великому русскому писателю, основоположнику русского фэнтези («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Нос», «Портрет» и др.) и хорэр («Вий»).

24 МАРТА 165 лет Уильяму Моррису (1834-1896), английскому писателю, автору романов «Вести ниоткуда», «Воды Дивных Островов» и др.

28 МАРТА 75 лет Олегу Васильевичу Сидельникову (1924), автору романов «Где мои 16 лет?», «Записки Инкогнито-ва», рассказов.

50 лет Михаилу Петровичу Ларину (1949), украинскому прозаику, автору повестей «Зона отчуждения», «Выход на реальность», сборника «Формула счастья».

2 АПРЕЛЯ 205 лет Александру Дмитриевичу Улыбышеву (1794-1858), русскому литератору и критику, автору утопии «Сон».

5 АПРЕЛЯ 35 лет Дмитрию Михайловичу Кочеткову (1964), автору многочисленных фантастических юморесок.

10 АПРЕЛЯ 100 лет Владимиру Владимировичу Набокову (1899-1977)

55 лет Сергею Александровичу Абрамову (1944), прозаику, соавтору книг «Тень императора», «Джинн из Ладур», «Всадники ниоткуда» и мн. др.

125 лет Александру Алексеевичу Богданову (1874-1939), автору фантастических рассказов «Бессмертный Фриде», «Праздник бессмертия», сказок «Звезда и Туча» и др.

12 АПРЕЛЯ 90 лет Александру Шарову (Нюрнбергу Шере Израилевичу) (1909-1984), автору фантазмагии «После пераписи», повести «Иллюзии», сказок и фантастических рассказов.

14 АПРЕЛЯ 170 лет Григорию Петровичу Данилевскому (1829-1890), автору утопии «Жизнь через 100 лет», фантастических рассказов, вошедших в сборник «Святоточные вечера».

45 лет Брюсу Стерлингу (1954), американскому фантасту, автору романа «Схизматрица», повестей «Рой», «Пуля начиненная гуманизмом» и др.

24 АПРЕЛЯ 70 лет Владимиру Дмитриевичу Михайлову (1929), прозаику, автору романов «Сторож брату моему», «Тогда придите и рассудим», «Вариант И» и мн. др.

25 АПРЕЛЯ 50 лет Леониду Николаевичу Панасенко (1949), украинскому писателю, автору книг «Сентябрь — это навсегда», «Мастерская для Сикейрос», «Танцы по-нестинарски», «Садовники Солнца» и др.

26 АПРЕЛЯ 35 лет Андрею Олеговичу Щупову (1964), екатеринбургскому прозаику, автору книг «Холод Малиогонта» и др.

85 лет Горацио Леонарду Голду (1914-1996), американскому фантасту, автору рассказов «Возвращение», «Вопрос формы», «Герой» и мн. др.

31 АПРЕЛЯ 65 лет Вадиму Дмитриевичу Федорову (1934), прозаику, автору книг «Стеклянная птица», «Летающие к Солнцу» и др.

7 МАЯ 85 лет Андрею Гуляшки (1914), болгарскому писателю, автору романов «Три жизни Иосифа Димова», «Драгоценный камень».

20 МАЯ 200 лет Оноре де Бальзаку (1799-1858), великому французскому писателю, автору романов «Шагреновая кожа», «Серафита» и др.

95 лет Николаю Корнеевичу Чуковскому (1904-1965), прозаику, автору повестей «Танталэна», «Приключения профессора Зворыка».

22 МАЯ 140 лет Артуру Конан Дойлю (1859-1930), английскому писателю, автору романов «Затерянный мир», «Маракотова бездна», «Туманная страна», «Открытие Рафлза Хоу» и др.

27 МАЯ 65 лет Харлану Джену Эллисону (1934), знаменитому американскому фантасту, автору повестей «Парень и его пес», «Бегство в небеса», множества рассказов.

29 МАЯ 85 лет Юрию Вячеславовичу Сотнику (1924), автору повести «Эликсир Купрума Эса» и фантастических пьес.

5 ИЮНЯ 70 лет Льву Давидовичу Лукьянову (1929), автору повестей «Вперед к обезьяне», «Вести с того света» и др.

10 ИЮНЯ 55 лет Андрею Всеволодовичу Дмитруку (1944), украинскому фан-

тасту, автору книг «Ночь молодого месяца», «Битвы богов» и др.

13 ИЮНЯ 100 лет Петру Андреевичу Павленко (1899-1951), прозаику, автору фантастического романа «На Востоке».

16 ИЮНЯ 60 лет Анатолию Андреевичу Киму (1939), автору романов «Белка», «Отец-лес», «Поселок кентавров» и др.

60 лет Дэвиду Эдварду МакДэниэлу (1939-1977), американскому писателю, автору романов «Арсенал вне времени», «Дело о вампирах» и др.

17 ИЮНЯ 115 лет Антону Семеновичу Сорокину (1884-1928), сибирскому поэту и прозаику, автору повести «Хохот желтого дьявола», рассказов.

135 лет Сергею Яковлевичу Соломину (Стечкину) (1864-1913), автору романа «Женщины восставшие и побежденные», повестей «Под стеклянным колпаком» и др.

18 ИЮНЯ 70 лет Юрию Геннадьевичу Томину (Кокосу) (1929), автору книг «Карусели над городом», «АБВГД и другие» и др.

20 ИЮНЯ 125 лет Сергею Викторовичу Покровскому (1874-1945), автору доисторических повестей, сказочных повестей и рассказов о животных.

75 лет Владимиру Ефимовичу Бахнову (1924-1994), поэту, прозаику, драматургу, автору повестей «Как погасло Солнце», «Удивительное рядом».

22 ИЮНЯ 55 лет Джеффри Конвицу (1944), американскому фантасту, автору романа «Страж».

24 ИЮНЯ 125 лет Алексею Михайловичу Ремизову (1874-1957), автору многочисленных сказок «Докука и Балагурье», «Посолонь» и др.

210 лет Фаддею Бенедиктовичу Булгарину (1789-1859), прозаику, автору романов «Путешествие к средоточию Земли», «Похождения Митрофанушки в Луне» и др.

25 ИЮНЯ 145 лет Николаю Алексеевичу Морозову (1854-1946), ученому и писателю, автору книг «На границе неведомого», «Звездные песни».

27 ИЮНЯ 110 лет Николаю Николаевичу Асееву (1889-1963), автору сборника фантастических рассказов «Расстрелянная Земля».

Продолжение в № 3

КОНКУРС «НЕНАПИСАННЫЙ РОМАН»! ЗАКОН СОХРАНЕНИЯ ЭНЕРГИИ

Узнал Лёва, что по закону сохранения энергии падающее на Землю тело компенсируется энергией всей планеты. Усомнился и решил проверить. Десять лет он строил на свалке высоченный конвеер, с которого сыпался день и ночь всякий хлам. Год работал конвеер, другой, третий работал... А на тридцатый год Земля вдруг ВЫКОМПЕНСИРОВАЛАСЬ на падающий с конвеера мусор. И планета сошла с орбиты. Понял тогда Лёва, падая на Солнце, что не стоило сомневаться в законе сохранения энергии. Как и в прочих законах...

А. Новицкий, Нижний Тагил.



КАК ЖИВЕШЬ, СЕЛЬСКАЯ ЧИТАЛЬНЯ?

Библиотеку на селе теперь зовут «теплым домом». А где же еще погреться жителям обескровленной провинции? Здесь и газету свежую дадут, и за ребятишками присмотрят, а вечером на посиделки позовут. Читальня на селе одна только и греет.

Сорок хозяек «теплых домов» собрал семинар-практикум на Генеральской улице областного центра — в офисе корпорации «ЯВА» и общественного движения «Демидовский конгресс». Две трети из этих сорока представляли уральскую глубинку — сельские читальни Свердловской, Пермской, Кировской, Челябинской областей, Удмуртии и Коми округа. То есть тех административных образований, чьи «теплые дома» объединились в Содружество павленковских библиотек под флагом ЮНЕСКО.

Этот «круглый стол» для сельских читален стал практическим продолжением первых Библиотечных павленковских чтений, что прошли в октябре в г. В. Тагиле (См. «УС» № 10-12, 1998). Тема семинара-практикума — «Как живешь сегодня, сельская библиотека?» — исключительно актуальна для провинции. Культура и духовность наших сел, деревень и рабочих поселков теплится исключительно в читальне, держится на хрупких плечах библиотекаря с символической зарплатой.

Вот почему задавались они вопросами: как выстоять библиотеке, у кого искать поддержку, каким образом сохранять и умножать ее духовный потенциал? Вот почему так жадно и благодарно слушали они друг друга и всех, кто пришел к ним с практическими советами: администратора, предпринимателя, директоров центральных библиотек.

И по той же самой причине актуальности инициативу Содружества павленковских библиотек — в кои-то веки собрать сельские

читальни — охотно поддержали Институт «Открытое общество» (фонд Сороса), профинансировавший двухдневный семинар-практикум, общественное движение «Демидовский конгресс» (президент — депутат Гос. Думы В.А. Язев), областные библиотеки — научная им. Белинского и детско-юношеская. Как и Библиотечные павленковские чтения, «круглый стол» селян-библиотекарей тоже творился всем миром.

Два дня работы — взаимный обмен опытом, обсуждение практических моделей бытования, общение в кулуарах — привели к единодушному выводу: сельская библиотека выстоит и не потеряет лица, если не будет пассивно ждать помощи, а станет востребованным и жизненно необходимым каждому селянину общественно-культурным организмом.

Новогодним подарком хозяйкам «теплых домов» была «Травиата» Верди в Екатеринбургском театре оперы и балета.

Семинар-практикум в Екатеринбурге — четвертая акция спецпроекта «Не дать свече погаснуть», подписанного президентами «Демидовского конгресса» и Содружества павленковских библиотек.

Ю. Сентябрьев



Участники семинара-практикума (слева направо): Л.В. Баева (г. Ижевск), Е.Я. Камаева (с. Усть-Сюмси, Удмуртия), Н.П. Ефименко (с. Б. Куяш, Челябинская обл.), Т.Г. Шлохина (г. Ревда), З.Н. Антипина (Шалинский р-н).



Сергей ГРЖЕБИНСКИЙ

НА КРАЮ АСТРОБЛЕМЫ

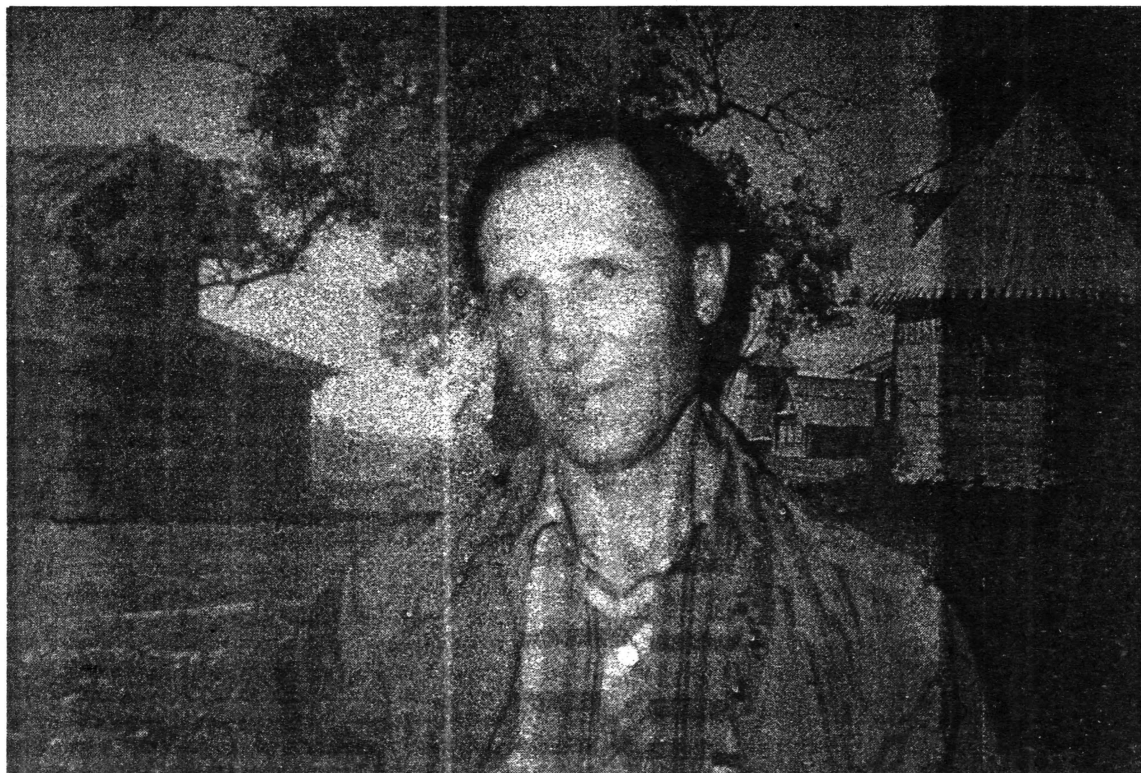
Лицо планеты

Когда высится перед тобой горный пейзаж, то известный афоризм о человеке, именуемом владыкой природы, воспринимается с трудом. Перед величием и грандиозностью панорамы чувствуешь себя даже не букашкой, а чем-то еще меньшим.

Что за чудовищные силы нагромодили эти горы, вздыбили отвесные скалы, разверзли пропасти головокругительной глубины?

Оказывается, геологическая наука исчерпывающим ответом на этот вопрос до сих пор не располагает. Одни считают, что имели место вулка-

нические процессы, то есть катастрофические извержения с выбросами пепла, потоками лавы, землетрясениями, трещинами в земной коре... Другие утверждают, что лик нашей планеты меняется за счет так называемого тектонического движения плит. Якобы, мощные пласты в земных глубинах по непонятным причинам постоянно движутся, нередко сталкиваются, деформируют друг друга. Потому-де и возникают горы и впадины, происходят извержения вулканов и землетрясения. По мнению ученых-«тектонистов», следствием этого движения является и уже доказанный «дрейф» материков со скоростью до нескольких



Геннадий Николаевич Кузовков. Фото автора



сантиметров в год. Существует даже гипотеза, что когда-то они составляли единый континент, так называемую Гондвану. Но многие миллионы лет назад движение тектонических плит, якобы, буквально разорвало ее на несколько дрейфующих частей, ныне представляющих из себя известные материи.

Но что заставляет двигаться сами тектонические плиты и движутся ли они вообще? Тут масса научных споров.

Однако у «тектонистов» и «вулканистов» есть нечто, их объединяющее. Например, и те, и другие не сомневаются: «лик нашей планеты формируют, как правило, только земные силы». Причем процесс этот постепенный, медленный. Так, для «сооружения» какой-нибудь горы или впадины природе необходимы миллионы и миллионы лет. Правда, есть и исключения. Вот хотя бы каньон Дьявола в американском штате Аризона образовался в... доли секунды. Он представляет из себя кратер, возникший от удара о поверхность земли какого-то крупного небесного тела. Но, по единодушному мнению и «тектонистов», и «вулканистов», подобные визиты к нам крупных космических странников очень редки, а что касается их гигантских собратьев массой во многие миллионы тонн — болидов, астероидов, комет, способных привести к катастрофе общеземного масштаба, то их столкновения с Землей — явления из ряда вон выходящие. А потому считается, что существенного влияния на формирование земного рельефа космические пришельцы оказать не могли.

10 минут, которые потрясли Землю

Недавно в Екатеринбурге вышла книга с довольно странным названием «Ударно-взрывная гипотеза происхождения Урала». Это научная работа бывшего геолога Среднеуральской геологоразведочной экспедиции Геннадия Николаевича Кузовкова. Сейчас он пенсионер, живет в Верхней Пышме и работает в охране медеплавильного комбината АО «Уралэлектромедь». Никаких ученых званий он не заимел. Вроде бы далек от науки. И, тем не менее, на презентации его книга получила самую высокую оценку. Один из гостей, профессор горно-геологической академии В.Г. Болтыров заявил, что этот труд «тянет» как минимум не докторскую диссертацию. А некоторые предрекали, что работа Кузовкова вызовет переворот в науке.

Так вот, по Кузовкову, главными «скульпторами» земного рельефа оказываются именно космические катастрофы, которые, по его мнению, не столь уж и редки.

— Взгляните в мощный телескоп хотя бы на ближайшую соседку Земли — Луну, и вы увидите, что ее поверхность покрыта кратерами, — объясняет свою точку зрения Геннадий Николаевич, — Их оставили удары метеоритов. Именно они и сформировали лунный ландшафт: горы и впадины — лунные «моря». И такие следы есть на всех планетах солнечной системы. Даже сами небольшие астероиды не миновали столкновений с метеоритами. Почему же Земля должна быть исключением? Да, следы космических катастроф на нашей планете не так ясно выражены, как на той же Луне. Ведь там нет атмосферы, а, значит, и размывания горных пород дождями, выветриванием. У нас же за многие миллионы лет вода, ветры и биологические факторы загризировали «шрамы» от метеоритных ударов. И все же по многим признакам можно представить себе первоначальную картину катастрофы, образовавшей, например, наш Урал.

Книга Кузовкова доказывает космическое происхождение Каменного пояса. Причем, доказывает убедительно, хотя автор и назвал свой труд гипотезой.

Он убежден, что около 150 миллионов лет назад как минимум три гигантских метеорита массой во многие миллионы тонн на скорости в несколько десятков километров в секунду один за другим врезались в Землю. Он определил и места падения «небесных пришельцев». Один — в районе нынешнего Сургута, второй — примерно там, где сегодня находится Кокчетав, третий — поблизости от Джезказгана. Три воронки, частично наложившись друг на друга, составили единый массив, протянувшийся на 1600 километров с запада на восток, более чем на 4000 километров с севера на юг. Чудовищные взрывы буквально вывернули земное нутро и нагромодили вокруг воронки колоссальный краевой вал. И Уральский хребет ни что иное, как сохранившаяся западная часть этого вала. На юге его фрагментом является Тянь-Шань, на востоке — Енисейский кряж, на севере же вал не сохранился. Скорее всего, его размывли хлынувшие в воронку воды океана. Здесь образовалось море, которое со временем превратилось в «мировой феномен болот» — Западно-Сибирскую низменность.



Падение этих трех метеоритов, фактически создавших Уральские горы, длилось, по уверению Геннадия Николаевича, около... 10 минут.

В очертаниях Каменного пояса на карте Кузовков тоже заметил подтверждение своей гипотезы. Оказывается, Уральские горы составляют два выгнутых на запад дугообразных отрезка, похожие на остатки краевых валов воронки. Получается, что мы, уральцы, живем на краю так называемой астроблемы. Этот термин в науке — синоним понятия «метеоритный кратер». А в буквальном переводе с греческого — «звездная рана».

Что происходило на Земле в момент падения метеоритов, трудно вообразить. Сила взрывов была такова, что, например, гранитные глыбы диаметром в 50 и более километров, как пушинки, переносило на сотни километров от мест их естественного образования.

— Три гигантских метеорита, нанешие «рану» нашей планете, летели с севера на юг по касательной к Земле, — утверждает Кузовков. — Слава Богу, человечества на ней в то время не было. Даже эпоха динозавров еще не наступила.

Единомышленники и оппоненты

Над книгой Геннадий Николаевич работал более 15 лет. Собрал и систематизировал огромный материал. Когда-то судьба свела молодого геолога с Петром Александровичем Корольковым, не только ученым, но и философом. Сфера его интересов базировалась на геологии, но простиралась значительно шире, буквально от глубин Земли, до глубин Вселенной. Он видел мир как спонтанный поток материи, в котором постоянно идет процесс превращения одних химических элементов в другие. Этот процесс он считал свойством не только радиоактивных веществ, когда, например, уран, распадаясь, становится свинцом, но и всех нерадиоактивных элементов. Правда, утверждал, что для них распад в естественных условиях длится очень долго — сотни тысяч или даже многие миллионы лет. Кузовков называет себя учеником Петра Александровича.

Его единомышленницей оказалась и кандидат геолого-минералогических наук института геологии и геофизики Сибирского отделения АН СССР Ольга Георгиевна Коновалова. В своих трудах она убедительно доказывает метеоритное происхождение глубинных пород Кузнецкого Алатау и Салау-

ра. Познакомившись с идеями Кузовкова, сделала все для их распространения в ученых кругах. Свою книгу Геннадий Николаевич посвятил памяти Королькова и Коноваловой.

— А какие контраргументы вы слышите сегодня от научных оппонентов? — спросил я его.

— Пока только рыхлые, слабые, — ответил Геннадий Николаевич. — И это не случайно. Еще 15 лет назад один из ведущих уральских ученых-геологов А.М. Дымкин признал, что современная геология переживает серьезный кризис и нуждается в новых смелых идеях.

— Однако ваша ударно-взрывная гипотеза, видимо, уж чересчур «сумасшедшая», если столько времени ей не дают ходу. А как вы относитесь к идеям ваших оппонентов? Отвергаете у них все огулом или в чем-то с ними все-таки согласны? Ну хотя бы признаете ли что-то в теории тектонического движения плит?

— Я считаю совершенно ошибочным утверждение, что плиты, якобы, сталкиваются, — объяснил мой собеседник. — Тем более, что никто внятно не обосновал причину их фантастического движения. Да, материи «дрейфуют», но тектоническое движение плит плит совершенно ни при чем. Группа ученых выдвинула гораздо более убедительную, на мой взгляд, теорию, объясняющую «дрейф» материков. Это теория расширяющейся Земли.

Почему «полнеет» Земля?

Ответ Кузовкова поверг меня в изумление. Неужели он верит этой странной теории, что наша планета с каждым годом расширяется, словно воздушный шарик, надуваемый мальчишкой? Почему? За счет чего?

— А дело в том, — улыбается моему изумлению Геннадий Николаевич, — что ежедневно Земля принимает на себя тысячи и тысячи тонн космической пыли. Каждый год увеличиваются ее объем и масса. Кроме того, нарастает давление в глубине Земли. Происходит то же самое, что и с одеждой на полнеющем человеке. Она растягивается. Вот и «разбегаются» материи.

— Но тогда за миллиарды лет на Земле должны разгладиться все складки — исчезнуть и горы, и впадины, — осмеливаюсь возразить Кузовкову. — Она должна стать абсолютно гладкой, как бильярдный шар.

— Совершенно верно, — неожиданно соглаша-



ется со мной Геннадий Николаевич. — И обязательно стала бы такой, если бы не космические катастрофы, деформировавшие ее поверхность.

Приглашение на... астероид

По мнению Кузовкова, оно вполне осуществимо. Есть на Урале горы, которые как бы не имеют «корней». То есть нет под ними магматических столбов, поднявших их на поверхность из земной мантии. Как будто эти горы упали на Землю откуда-то сверху и застряли в земной коре, словно пушечные ядра в крепостной стене. Да и по составу своему они соответствуют каменным метеоритам. Так не гости ли это из глубин Вселенной?

Геннадий Николаевич, например, считает, что эти горы ни что иное, как фрагменты гигантского разорванного взрывом астероида. Таковы у нас Денежкин Камень, Конжаков Камень, гора Волчиха, Уктус... Люди, поднимавшиеся на них, и не подозревают, что были на останках... космического пришельца.

Среднеуральск — Сьерра-Маэстра

Убедиться, что Урал не единственное крупное горное образование, возникшее в результате космической катастрофы, Кузовкову помогли командировки на Кубу. Наши геологи помогали кубинцам в поиске полезных ископаемых в горах Сьерра-Маэстра. А они по разнообразию полезных ископаемых, по особенностям их залегания и вообще по своему строению оказались очень похожими на Урал.

Ведя геологический поиск, Кузовков параллельно восстанавливал общую картину происходившего здесь многие миллионы лет назад. И пришел к выводу, что бассейн Карибского моря когда-то подвергся бомбардировке четырех космических снарядов. Они упали на одной линии почти одновременно

но и, скорее всего, были составляющими единого небесного тела, разломившегося перед падением на четыре части. Четыре страшных метеоритных удара образовали уникальную в своем роде «карибскую цепочку» гигантских кратеров, фрагментами которой стали Мексиканский залив и острова Куба, Ямайка и Гаити.

Исчерпан ли Каменный пояс?

Имеет ли гипотеза Кузовкова практическое значение? Наверное, имеет, если учесть, что роль спонсора в издании книги Геннадия Николаевича взяло на себя АО «Уралэлектромедь».

Оказывается, без правильного представления о геологическом прошлом какого-либо края совершенно невозможно выработать эффективные методики поиска его богатств.

Совсем недавно комбинат «Уралэлектромедь» испытывал ощутимую нехватку в сырье. Каменный пояс вроде бы исчерпал свои запасы медной руды. Черновую медь комбинат покупал аж в Монголии, что, естественно, делало чересчур дорогой готовую продукцию. И вот 12 лет назад геологи сделали сенсационную находку — в районе города Реж обнаружены богатейшие залежи медной руды. Так появилось знаменитое Сафьяновское месторождение. Это было самое крупное месторождение меди на Среднем Урале за последние 80 лет. А найдено оно было... вопреки научным прогнозам. Ученые считали эту территорию бесперспективной.

— Надеюсь, что моя гипотеза когда-нибудь станет общепринятой в геологии и превратится в теорию, — говорит Кузовков. — Это позволит разрабатывать новые методики поиска полезных ископаемых. Ведь Урал, как я убежден, еще далеко не исчерпан. За 300 лет мы взяли только часть его несметных богатств.



Лидия РЯЗАНОВА, Юрий РЯЗАНОВ

НЕВЬЯНСКАЯ ИКОНА: ОТ ИСТОКОВ К ЗАКАТУ

До сих пор никто из исследователей невянского иконописания не назвал точной даты, когда оно началось и даже — когда оно кончилось. Вопрос отнюдь не праздный. Хотя вряд ли можно всерьез рассчитывать на подобную сумасшедшую удачу, чтобы год, месяц, число, а также место создания и фамилия с именем изографа — и все было указано на одной иконе. Вернее всего, такой иконы не будет найдено никогда.

Для непосвященных начнем с азов: что такое икона. В христианском понимании икона — изображение лиц Священного писания: библейских персонажей и сцен, житий святых угодников. В более узком значении — изображение на деревянной доске. Отметим, что иконы бывают и из других материалов, в первую очередь из металла, после — из камня, керамики, ткани, стекла и т.д., но в данном случае речь пойдет исключительно об иконе на основе из дерева.

Деревянная икона устроена так: из чурбана вырубали по плахе с обеих сторон от сердцевинны. Материал перед тем достаточно долго просушивали, обычно несколько лет. Плаху обрабатывали инструментом, соответствующим эпохе: топором, скобелем, пилой, рубанком, фуганком. Топором либо стамеской с лицевой стороны выбиралось «корытце», получался по периметру «ковчег» (поля, возвышавшиеся над средником). Далее на основу наклеивалась так называемая «паволока» (из ткани, а с XVIII века зачастую бумажная). На паволоку наносился многослойно левкас, сметанообразная смесь мела, клеевого раствора (животный либо рыбий клей) и небольшого количества конопляного масла или олифы, причем каждый слой перед намазыванием нового тщательно просушивался. Накладывалось обычно 6-12 слоев. Затем левкас шлифовали и ложили. После этого изограф (называвшийся «знаменщиком») наносил рисунок на левкас, используя, как правило, лицевой подлин-

ник — лист пергамена или плотной промасленной бумаги, на котором был нарисован или скопирован сюжет на ту или иную тему.

Лист накладывался на левкас и «припорошивался». «Припорох» — это такая процедура, когда полотняным мешочком, набитым истолченным древесным углем, слегка постукивали по листу: уголь просыпался сквозь отверстия и на левкасе получался «перевод» рисунка из черных точек. Изограф кистью обводил пунктирный рисунок или прочерчивал его цирью (цировал). Получалась «прорись». Следующая операция — наложение полимента (краски, обычно — сурика), на который наклеивалось листовое золото. В качестве клея использовался томленный чеснок или другое связующее, позднее применялся гуммиарабик. Наклеив золото и отполировав его волчьим (медвежьим) зубом или кусочком агата, изограф приступал к живописи. Сначала прописывалось все доличное (пейзаж, архитектура, одежды и т.п.) и в последнюю очередь — лики. Затем лицевую сторону иконы закрывали защитной пленкой олифы либо лака. Лак, а особенно олифа как бы «собирали» всю живопись в единое колористическое целое, «проявляли» ее.

Мы не упомянули об одной важной детали иконы — о шпонках. Правда, не всякая икона их имеет.

Дерево при высыхании поддается короблению. Доску, особенно лицевую сторону, обычно со временем выгибает. Так вот, чтобы икона не коробилась, ее укрепляют шпонками. Шпонки — деревянные соединительные детали, которые скрепляют щит либо укрепляют единую доску. Самые древние иконные шпонки — набивные. Они набивались медными или деревянными гвоздями на нижний и верхний торцы, а также на тыльную сторону. Позднее изобрели более надежные врезные шпонки.

Вполне вероятно, что самые ранние невянс-



кие иконы были созданы не в городе, название которого они носят (в XVIII и даже в XIX веках его обозначали как завод, а статус города присвоили лишь в 1919 году), а в каком-то другом близлежащем поселении.

Если принять во внимание самую раннюю из известных на сегодня невянских икон (1734 год), то едва ли за три с лишним десятилетия могла в Невьянском заводе сложиться иконописная школа со многими характерными и только ей присущими признаками, особенностями художественного стиля, оригинально разработанными сюжетами, своими канонами письма, строчными и заголовочными (вязными) шрифтами и многими другими деталями, которые вкупе и определяют продукцию иконописных мастерских как невянскую.

Нам невянская икона с самого начала представляется как драгоценный сплав, полученный в мощном творческом тигле. В нем соединились в целое, причем оригинальное целое, детали многих школ, течений и направлений. В невянских иконах, особенно ранних, очевидны влияния в первую очередь и более прочих ярославского, а также московского, вятского, позднего строгановского, пермского и других писем и манер.

Итак, когда все же началось невянское иконописание? Даже приблизительную дату назвать пока затруднительно, не обладая весомыми доказательствами.

Нам иконы первоначального периода не попадались, однако среди екатеринбургских коллекционеров жива легенда, что есть две иконы, датированные 1694 и 1695 годами. И хотя по описанию (словесному) того, кто эти иконы видел, они вполне невянские, то есть имеют полный набор признаков школы, эта версия нуждается в тщательном изучении и уточнении.

У обеих икон один и тот же сюжет — «Иоанн Предтеча Ангел пустыни». Обе иконы домовые, размеры приблизительно 30x27 см. На иконе 1694 года дата кириллическая: «ЗСГ, ноябрь». Одна из икон, предположительно, до сих пор находится в частном екатеринбургском собрании, другая лет двадцать назад прошла через руки некоего коллекционера и была перепродана в Москву.

Есть, однако, и сомнения, среди которых, в частности, такое: как могли написать иконы в Невьянском заводе в 1694-1695 годах, если к строительству оно приступили лишь в 1701 году?

Есть, правда, не подтвержденные пока документально, сведения, что традиционное (старобрядческое) иконописание возникло на Урале по крайней мере в самом начале XVIII века или немного раньше.

Старобрядец поморского толка, беспоповец Иван Андреевич, проживавший в Челябинске, уверял в 1975 году одного из авторов этой статьи, что первые переселенцы с Выга пришли на Урал еще в XVII веке. Так он объяснял когда и откуда на Южном Урале появилась рукописная книга «Сто шесть поморских ответов» (по палеографическим признакам датированная концом первой четверти XVIII века).

Иван Андреевич, хотя и не опирался на какие-либо исторически подтвержденные факты или архивные документы, с уверенностью пользовался устными преданиями. Он не только называл имена и фамилии монахов из Выговского (Выгорецкого) «обчужительства», наставлявших в вере уральских старообрядцев, но и уверял, что они, кроме «рукописанных» ими книг, привозили «истинно православные», по «древним» правилам писанные с отцовских и дедовских образов иконы «без никонианской порчи». И в это вполне можно поверить — подобные иконы, выполненные на Выге, в скитах по древним образцам, созданным до середины XVII века, могли служить оригиналами для невянских копиистов. Надо отметить, воспроизводились они изографами-старобрядцами очень точно и по духу, и в деталях, в чем мы могли неоднократно убедиться. Нам, например, довелось исследовать не менее десяти икон «Богоматерь Казанская» невянского письма, созданных в разные десятилетия XVIII века. Образцом для них (оригиналом), несомненно, послужила одна и та же икона, хотя все копии и отличаются друг от друга манерой исполнения. Именно эта икона «Богоматерь Казанская» пользовалась наибольшим спросом среди уральских старообрядцев.

Были, естественно, привозные иконы и на другие сюжеты, особенно в период массового переселения на Урал. Их обязательно брали с собой, переезжая на новое место жительства. Сейчас они встречаются крайне редко. Это и понятно — ведь местное иконописание возникло и развивалось на Урале сразу после великого переселения и оно удовлетворило спрос населения.

Икона, бывает, путешествует словно странник и, переходя из рук в руки, теряет достоверные сведения о себе, обрастая легендами. В силу традиций на Руси многие изографы совершенно осознанно не указывали ни имени своего, ни места и времени изготовления. Они верили: Бог все видит, все знает и напоминает о своих деяниях — гордыня, то есть — грех. А иные считали, что не они создают образ, а Дух Святой: он смотрит их очами и водит их рукой, художник же — лишь орудие Бога. Поэтому он, исполнитель, не имеет



права присваивать себе то, что сотворено по сути дела не им, а Богом.

Но были и такие, которые подписывали свои творения. Не ради гордыни, а чтобы удостоверить сам факт свершения. Подписные иконы — большая удача для искусствоведа. Так, челябинскими коллекционерами в конце шестидесятых годов нашего века был выявлен город Невьянск, где, как выяснилось впоследствии, писали знаменитые на весь Урал «белоликие» иконы. Икону случайно обнаружили на хозяйственном складе города Карабаша. На ней был обозначен иконописец — Иван Анисимов (Малыганов), год создания — 1796 и, главное, место написания — «в Невьянском заводе». Это была огромная удача, открытие, которое стало подтверждаться все новыми доказательствами — иконами, которые по сходству признаков можно было именовать «невьянскими».

Итак, в XVIII веке Невьянский завод был одним из центров старообрядчества, а применительно к теме статьи скажем так — «центром уральского иконописания». Уже к началу XIX века в нем насчитывалось более десятка иконописных мастерских. Именно в этом «новом» демидовском Невьянске, по нашему убеждению, и возникла в начале XVIII века и в первой половине его окончательно сформировалась профессиональная иконописная школа.

Некоторые исследователи отождествляют понятие «невьянская школа» и «иконы Богатыревых». На наш взгляд, это неверно. Династия Богатыревых уже заняла достойное место в истории невянского и в целом уральского иконописания, их творческая деятельность в какой-то мере изучена, однако, наряду с ними и одновременно жили и успешно трудились не менее талантливые художники.

И раньше, но особенно в последние годы, нам стали попадаться невянские иконы раннего периода. До выявления (из частных коллекций) икон была известна лишь одна датированная музейная («Отечество», 1780 г.).

Одной было мало. Потом появилась икона 1774 года «Богоматерь Казанская». Следующая, тоже из частной коллекции, «Михаил Архангел Грозных Сил Воевода» датирована октябрем 1771 года. Из шести фигур хорошо сохранились далеко не все, да и архангел имеет много утрат, но опорных признаков прибавилось и ими можно было свободнее оперировать, используя как атрибуционный материал. Если предположить, что так могли писать и в 50-60 годы, то временной диапазон расширился вплоть до середины века. Оставалось ждать (и искать!) сле-

дующей находки.

И вот к нам попала икона с датой — 1734 год. Сбылись наши предположения и ожидания: наконец-то открыта датированная икона первой половины XVIII века с признаками невянского стиля! Не исключаем появления новой гостьи — начала XVIII века. Или конца XVII. Но пока именно эта — самая древняя.

САМАЯ РАННЯЯ

На реставрацию икона поступила под названием «Угличская». Но из трех разновидностей этого типа ни одна не походила на нее.

Икона находилась в плачевном состоянии: левкас (грунт) подвергся значительному разрушению. Бугристая поверхность, рыхлость, мягченность, многочисленные фрагментарные утраты красочного слоя и левкаса. Трещины избороздили практически всю живописную плоскость и остатки защитной пленки олифы, сильно потемневшей от времени (она обычно темнеет лет через 70-100 и постепенно становится почти непроницаемой). Различные загрязнения (капли воска, копоть, потеки и т.д.) еще больше затемняли живопись.

К сожалению, надпись (название сюжета) на незнакомой иконе была испорчена и прочтению сразу не поддавалась. Подстановка утраченных букв тоже не дала положительных результатов. Забегая вперед, скажем, что слово было написано с выносной буквой и она тоже оказалась стертой. После предварительной промывки удалось таки прочесть надпись. Вот ее перевод от современного русский язык: «Написан этот святой образ в лето 7243-е, завершен в тот же год 18 декабря в день памяти святого великомученика Севастьяна и дружины его». Поскольку «святой образ» завершён в декабре, то необходимо вычесть не 5508 лет из оной цифири (по легенде от сотворения мира до Рождества Христова прошедшие), а 5509. Именно эта цифра вычитается в тех случаях, когда указаны месяцы с сентября по декабрь включительно. Вот и получился в итоге 1734 год.

В русском пантеоне существует более двух с половиной тысяч популярных иконных богородичных сюжетов. Среди них предстояло разыскать ранее нам никогда не встречавшийся. Дело в том, что мы засомневались: едва ли перед нами «Угличская»? Сомнение возникло прежде всего потому, что название не укладывалось точно в строку, оно было на букву короче. Впрочем, надпись могла быть сделана и с орфографическими ошибками (случается и такое). Словом, нам



предстояло во что бы то ни стало найти репродукцию подобной иконы или хотя бы ее словесное описание. Если учесть, что в нашем распоряжении находился довольно скудный справочный материал, задача оказалась непростой. И все-таки нам удалось найти репродукцию иконы, похожую на икону Богоматери, которую почему-то хозяин назвал «Угличской». Рисунок, хотя и не во всех деталях, совпадал. На репродукции Дева Мария изображена точно в анфас, а голова Младенца развернута на 3/4 в сторону Богоматери. На иконе же голова Богоматери повернута влево, а Христос в таком же левостороннем развороте как бы отвернулся от нее. Все остальные детали фигур совпадали.

Казалось, икона совсем не та. Но в одном из альбомов мы изучили с десятка репродукций «Богоматери Одигитрии». Время создания икон — с XIV по XIX века. И на одной из них (Византия, XIV в.) младенец был изображен в таком же точно развороте, как на нашей иконе. И тогда мы решили, что не ошиблись, перед нами «Богоматерь Египетская».

Не будем описывать икону, статья снабжена репродукцией ее. Стоит лишь отметить, что живопись высокого профессионального уровня. Среди ее элементов содержится почти полный набор атрибутов невянского иконописания: способы наложения красок и выявления объемов, лепка форм, выражения ликов и их характерный типаж, рисунок орнаментов, «мелочность» (миниатюрность) проработки деталей, типичные для невянской школы строчные шрифты и вязь заголовков и т.п.

Еще одно соображение, почему невянские иконографы не указывали не только своих имен, но и замалчивали место создания икон. Делалось это из элементарной предосторожности — старообрядцев-иконописцев преследовали как пропагандистов ереси. Сейчас, благодаря архивным изысканиям, имена некоторых старообрядческих иконографов и места, где они тайно устраивали свои келии-мастерские, стали известны — это в первую очередь Нижний Тагил и его окрестности.

В одной статье невозможно подробно рассказать об ареале распространения невянских икон на Урале. Можно лишь утверждать, что площадь эта огромна: что невянская школа иконописи оказала ощутимое влияние на Вятский, Пермский, Сибирский (Тобольск, Тюмень) регионы, на Южный Урал. Невьянская школа была значительным явлением духовной жизни на Урале с первых десятилетий XVIII века до первых десятилетий века двадцатого — этот изобразитель-

ный ряд открывает уже знакомая нам «Богоматерь Египетская», а замыкает «Вседержитель» с датой 2 апреля 1919 г. А насколько большое и важное место она, икона, занимала и значила тогда в жизни человека, нам даже представить трудно.

Иван Андреевич (ему в 1975 году было уже за семьдесят) весьма охотно рассказывал о жизни старообрядцев. И разъяснял: икона не столько «картинка» (он знал, что коллекционеры собирают иконы и книги как произведения искусства), сколько «образ Божий» и что от иконных икон исходит благодать Божия. Они, беспоповцы, такими иконами встречают новорожденных и благословляют на брак. И союзы эти, «без попов», «крепче железа». Иконами провожали и в загробную жизнь, прибавляли их на могильные кресты. В общем, икона сопутствовала человеку и оберегала с момента появления на свет и до кончины. Поэтому в каждой семье образа берегли как самую большую ценность. Иконы невянской школы Иван Андреевич признавал «своими». К таковым охотно причислял строгановские и палехские, если они имели ковчег. И пермскую икону, стилизованную под невянскую, он тоже называл «нашинской».

Так невянская школа, впитав и переплавив в себе лучшие традиции разных школ, сама стала обогащать живопись соседних регионов. Невьянское иконописание преобразилось на всех уровнях художественной интерпретации — от изысканнейшего миниатюрного письма, не уступающего виртуозностью и сложностью исполнения лучшим образцам иконографов царских мастерских — до уродливых народных примитивов («краснушек») в три краски, цена которым в базарный день была три копейки. Писалось же на Урале ежегодно икон, в том числе и невянских — тысячи...

Иконы, созданные иконографами-раскольниками в Невьянске и окрестных поселениях, распространялись среди приверженцев старой веры. Старообрядцы могли молиться лишь «своим» образам, либо очень древним, созданным до середины XVII века. Никонианам или безбожникам не доверялась даже реставрация. Неудивительно — даже закономерно — что невянские иконы до сих пор обнаруживают не только в Свердловской области, но и в соседних — ведь тогда, в XVIII-XIX веках, для старообрядцев существовало, как ныне принято говорить, единое пространство, на котором они жили.

Нам время от времени задают вопрос: почему вы считаете эту икону невянской, а ту просто уральской? Где доказательства? Как опре-



деляете дату создания? Надежно ли? Отчетливо сознаем, что система, которой мы пользуемся, не претендует на идеальность и стопроцентную надежность, кому-то она, возможно, не подойдет. Что ж, пусть изобретут свою, более совершенную. А пока несколько слов, коротко, о принципах и методах нашей системы.

Атрибуция и датировка икон отнюдь не легкое дело. Атрибутаторы основываются на большом опыте скрупулезного изучения каждого экземпляра. Необходима прежде всего так называемая «насмотренность». Это специфический коллекционерский термин, обозначающий способность различать, распознавать в предметах то, что видел раньше в других. «Насмотренный» коллекционер, порой, не умея объяснить и доказать, основывается на интуиции и опыте. Опыт этот дается с годами, после знакомства с большим количеством экспонатов. Кроме насмотренности надо иметь четкое представление о различных признаках, относящихся к кругу близких по исполнению икон, об индивидуальных особенностях.

При анализе во внимание принимается очень многое — от породы дерева и способа выделки материала щита (доски) до особенностей наложения красочного слоя. Даже при этом условии весьма часто приходится ограничиваться условным датированием и обозначением места создания, как говорится, «от» и «до», а то и вообще ставить знак вопроса. Когда в качестве атрибуционного материала привлекаются датированные, а то и подлинные, с именем и фамилией исполнителя, то мы обычно указываем в аннотации этот оригинал-аналог как опорный.

Нет нужды доказывать, насколько ценны для исследователя подобные образцы. Нам, например, определенное время служила «опорной» икона «Богоматерь Казанская», невьянская, датированная 22 января 1774 года (Екатеринбург, частная коллекция). Она имела такое обилие значительных утрат, что коллекционной, а тем более музейной ценности не представляла. Но на ней уцелели фрагменты с деталями, которые были для нас очень важны и показательны: цвета и оттенки красок, рисунок орнамента кайм одежд, золотые «облачка» на красном фоне киотцев, форма и прописка «иерусалимских» звезд* и т.д.

Нам это по сути дела негодная для экспозиции икона дала многое: опираясь на нее, ее от-

* «Иерусалимские звезды» — три звезды, изображаемые на накидке Богоматери. Они символизируют девственность Марии до рождения, во время рождения Христа и после его появления на свет.

дельные признаки и детали, мы получили возможность датировать и привязать к месту другие иконы, причем «вилка» могла быть в несколько десятилетий в оба направления.

Опорные иконы мы изучаем с особой тщательностью. Отмечается, фиксируется (письменно, а также фотографируется) любая деталь иконы, которая несведущему человеку могла показаться ничего не значащей. Это похоже на работу медиков в анатомическом театре. На первый взгляд — скрупулезная, монотонная работа. Но со временем иконы выстроились в хронологический ряд и стали различимы по манерам письма.

Для исследователя, повторяем, все важно: из какого материала (порода дерева) изготовлена, из какого участка чурбана вырезана, насколько хорошо просушена, каким инструментом пользовался древодел (топором, скобелем, рубанком, фуганком). Шпонки — направление, фигурация, форма врезки, способ соединения в щит (склейка, «ласточкин хвост», шпунт) и т.п. Далее: икона ковчевая или написана на прямой доске? Так, еще не взглянув на живопись, а лишь исследовав основу, мы уже можем предположить, невьянская икона или нет, а также, в какой примерно временной период она изготовлена.

Добрались, наконец, и до живописи. И вот тут начинается самое интересное: как наложены краски, какая защитная пленка (олифа, лак), насколько она потемнела от времени, испещрена ли кракелюрами (трещинами), в какой манере исполнена живопись: традиционная, фрязь (в русском искусстве обобщенное название всех иноземных, западноевропейских влияний и стилей) или позднее церковное «реалистическое» письмо?

Показательно, какие краски употреблены: натуральные — темпера, масло, смешанная техника — или современные химические. Любому мало-мальски знакомому с живописью человеку известно, что современные краски очень даже отличаются от красок, скажем, XVIII века по оттенкам и даже цветам. Физическое состояние красочного слоя и левкаса тоже очень показательно. Конечно, «спецы» научились старить и краски, и левкас, но, имея соответствующий опыт, вполне возможно отличить естественные разрушения от искусственных.

В один из магазинов Екатеринбурга не так давно был сдан на комиссию трехстворчатый деревянный складень. На створках архангелы Гавриил и Михаил, на среднике — Спас Нерукотворный. Владелица уверяла, что икона принадлежала ее бабушке. Но вот незадача: вырезан складень из свежего дерева, а вместо вековых



загрязнений кое-как замазан «морилкой». Встречаются однако не столь топорные, а прямо-таки искусные подделки. Одна из них была написана на старой, начала XIX века, доске и с остатками авторского левкаса. Икона была дописана профессиональным художником. Он даже кракелюры нарисовал, да так тонко и умело, что их удалось распознать лишь с помощью микроскопа.

И, конечно же, многое скажет исследователю художественный уровень исполнения. Как построен сюжет? Похож ли на канонический невянский? По каким прорисьям нанесен рисунок? Техника живописи: как наложены плавни, какая заливка, золотые пробела, рисунок орнамента? Пейзаж, городская архитектура, конкретные архитектурные детали (карнизы, балюстрады с балюстрадами, колонны, арки) — все принимается во внимание. Важны и такие казалось бы мелкие детали, как форма и цвет камушков, травки, дерева, одежда персонажей, не говоря уже о типах ликов.

Интересно было наблюдать, к примеру, как повторялась и одновременно изменялась из десятилетия в десятилетие одна деталь живописного невянского пейзажа — башня с арочным проездом. На иконе 1771 года «Михаил Архангел Грозных Сил Воевода» изображение этой детали вполне типично по рисунку и цвету для традиционной школы, и не составило большого труда отыскать аналог, обратившись к ярославским мастерам, конкретно к Семену Спиридонову (Холмогорцу), к иконе «Николай Чудотворец в тридцати четырех клеймах жития» (1685г.). На одном из клейм изображен город и, в частности, двухэтажная башня с высокой аркой и зубцами. Она очень напоминает по цвету и отделке проема крупными каменными блоками одноименные сооружения, изображенные на невянских иконах почти столетие спустя.

На замечательной по филигранности исполнения иконе Минее (1802 г.), которую мы рискнули приписать богатыревской мастерской, упомянутая башня воспроизведена подробно и разнообразно — такие же зубцы и проемы. Постепенно, однако, башня превращается в декоративный элемент пейзажа. На одной из икон середины XIX века она стоит посреди города и вокруг нее пустырь, а на другой (1840 г.) она вообще вынесена за пределы города и высится массивно и нелепо. Смысловое назначение этих элементов утрачено и они использованы просто как цветочные пятна.

Так, по мере снижения тщательности проработки изображенного предмета, утраты его пер-

воначального смысла можно определить, когда, в каком веке и даже десятилетии икона написана.

ПОЗДНИЙ АПОСТОЛЬСКИЙ ЧИН

Четыре иконы апостольского чина (ряда) будут рассмотрены нами как образец невянского иконописания позднего периода, к тому же — все они хорошо сохранились и, что очень важно, обладают почти полным набором атрибутов, соответствующих этому временному отрезку. Эти произведения живописи датированы 1885 годом.

«Биография» чина пока досконально не установлена, однако точно известно, что в Екатеринбург апостольский чин привезен несколько лет назад из Ирбита, где хранился в подвале одной из церквей города. Мастера могли написать весь чин в Невьянске, либо в Нижнем Тагиле, либо в Екатеринбурге, могли выполнить заказ и на месте. То, что создан чин для старообрядцев, у нас нет сомнений, как и то, что сотворили его иконописцы, работавшие в невянской традиционной манере.

Апостольский ряд тоже нет необходимости описывать подробно, поскольку статья иллюстрирована репродукцией.

Судя по размерам, полный апостольский ряд (чин из 12 фигур) предназначался для небольшой церкви. Размеры каждой иконы где-то 63х53 см. Основа ее традиционна для невянских древоделов — сосна. Щиты собраны с особой тщательностью, из добротного, хорошо просушенного материала. Правда, шпонки вставлены не торцовые, а тыльные, тогда как невянцы неизменно предпочитали врезные торцовые. О чем говорит это отклонение? Возможно, сами щиты делали не в Невьянске, а, например, в Ирбите. Так или иначе, но более чем за век щит совершенно не покорило.

Положена и паволока. Левкас плотный и очень твердый, так называемый «костяной». Такой изготавливался в лучших невянских мастерских. Поля и фон покрыты листовым (сусальным) золотом. Краски темперные, очень тонко тертые, хорошего качества.

Живопись сохранилась достаточно хорошо. Правда, лессировки (последний авторский слой) кое-где стерты, видны мелкие сколы, да олифа местами затемнела до черноты.

Фигуры, по три на каждой иконе, изображены в разнообразных позах на фоне типично невянского пейзажа с покатыми разноцветными горками. Некоторые вершины — белильные (снежные). Деревца, корешки, травки, кустики, округ-



лые камушки, елочки и сосенки — все эти детали — атрибуты невянского письма. Одни прослеживаются с конца XVIII века, другие возникли во второй половине XIX века. Правда, на этих 4-х иконах они написаны с художественной вальжностью, переходящей порой в натурализм. Так, на одной из икон изображен деревенский плетень, словно апостолы вышли побеседовать на околицу села где-нибудь в окрестностях Невьянска или Нижнего Тагила. Эти и подобные ей реалистические детали характерны для невянского иконописания позднего периода, хотя приближенность иконного пейзажа к натуре улавливается еще в школьных иконах конца XVIII века.

Любопытно отметить, что лики апостолов данного чина весьма отличаются от невянских канонических, они сильно огрублены, крестьянские по обличью. Фигуры тяжеловесны, мешковаты. Некоторые складки одежд вычурны и неестественны.

После промывки над нижней опушкой проявилась невянского иконного шрифта надпись, сделанная киноварью: «Усердием Егора Васильева Токарева. 1885 г., мая 10 дня». В нижнем правом углу обнаружилась еще одна, частично закрытая белильной отбивкой, надпись: «189(?)». Надо полагать, что она сделана при реставрации, но не исключено, что это дата окончания работы.

Егор Васильевич Токарев, предполагаем, не иконописец, а заказчик. На это размышление наводят надписи на остальных иконах апостольского ряда: «Усердием Никона Иванова Бабайлова», «Усердием Андреяна Алексева Аданицина», «Усердием Василия Митриева Зудова».

Некоторые исследователи в любой подписи, начертанной на иконе, видят авторскую. Однако это не всегда так. Имена и фамилии могут принадлежать владельцам, вкладчикам, наследникам. В данном случае это наверняка жертвователи. Их усердие и отмечено.

Уже отмечалось, что строгие ценители искусств отыщут художественные изъяны в изображении апостольского ряда. Но нельзя не отметить, что все иконы колористически выглядят весьма эффектно. Эффектность определяет яркость апостольских одежд: алых, малиновых, зеленых, бордовых, которые в сочетании с розовыми, снежно-белыми, ярко-голубыми, светло-зе-

леными, сочно-желтыми оттенками горок создают радостную цветовую гамму, настраивая зрителя на праздничность, «веселение духа».

Итак, самая ранняя из ныне известных работ невянских иконописцев датирована 1734 годом, самая поздняя — 1919-м. Это — факты.

Если подтвердятся сведения, сообщенные авторам екатеринбургскими коллекционерами и если принять во внимание, что один из авторов держал в руках икону, записанную в 30-е годы нашего столетия, может быть, последним изографом традиционного направления, то получится, что невянское иконописание на Среднем Урале продолжалось более 200 лет.

Атрибуты невянского стиля встречаются в иконах различных уровней художественного исполнения — от народных незатейливых примитивов до произведений очень высокого класса; от более чем метровых чиновных икон до миниатюр, которые детально рассмотреть в пору лишь через увеличительное стекло.

Невянские иконописные мастерские работали веками и не только в самом «заводе», но и во многих других городах и поселках: Нижнем Тагиле, Екатеринбурге, Черноисточинске, Красноуфимске и т.д. Икон изготовлялось очень много, их покупали десятки тысяч старообрядцев разных толков и, начиная от крестьянина и рабочего до купцов-миллионщиков и владельцев заводов.

Борьба церковных и царских властей с раскольниками не прекращалась вплоть до начала XX века. Поэтому среди старообрядческих икон редко встречаются датированные, тем более подписные и с обозначением места создания. Но старообрядцы были хорошими конспираторами и, полагаем, не очень много у них изъяли икон и древних книг, нынешние находки это подтверждают. И есть надежда, что исследователи невянского иконописания наконец-то встретятся с более ранними экспонатами и тогда разъяснятся многие сомнения и вопросы относительно начала и окончания этой уникальной школы.

*Слайды Игоря Подвысоцкого
на 1-й и 4-й страницах обложки*



А. ПОНОМАРЁВ

ЧЁРНЫЙ

Осень. Уже скоро пожалует непогода, нагонит ветер с Севера тяжелые тучи. Холодные, лягут они косматыми животами на землю, заволокет все кругом бусая мгла, денно и ночью будет лить дождь и выть ветер, утонут в непролазной грязи дороги, темно, мокро и холодно будет кругом. Но это будет позже.

А пока — хрустально-звонкие стоят дни! Играет разноцветьем раскрашенная погожей осенью тайга. Темно-зеленые пики елей, золотые пирамиды лиственниц и купола берез, трепетный багрянец осин, тяжелые боярские шапки кедров окружают вахтовый поселок лесорубов. На краю большого вырубка стоят углом около десятка передвижных вагончиков, завезенных сюда далекой зимой. Вдоль вагончиков тянется деревянный тротуар, метрах в ста от поселка высится крепкий из бревен настил — вертолетная площадка.

Никто из обитателей вахтового поселка не знал, когда тут появился Чёрный — очень крупный, беспородный, с рваными ушами и седой мордой пес. Седина проступала по всей его когда-то черной короткошерстной, обтягивающей мощное тело шкуре, а исполосованные рубцами плечи, шея и морда свидетельствовали о многих битвах, в которых он участвовал на недолгом собачьем веку. Он хромал на переднюю лапу и уже не бегал трусцой, а степенно ходил, что добавляло значительности его поведению. Он не лаял, не рычал и не суетился. Он уже с горечью ощущал приближающуюся старость.

В поселке жили более десятка разных собак и собачонок, охотничьих и приبلудных, крупных и мелких, и все они уже давно знали свое место в собачьей иерархии, где Чёрный был король. На краю поселка в одном из вагончиков была столовая, за ней небольшая сухая горка, где любил лежать Чёрный. За горкой проходила утопающая в грязи дорога с глубокими колеями, за дорогой стояла тайга, в километре от поселка протекала река.

С горки был виден весь поселок, где жили лесорубы — сильные, отчаянные, крепко битые жизнью люди. Среди них был молодой манси,

который в основном охотился и рыбачил, а когда вахтовики улетали на вертолете к семьям на отдых, оставался охранять поселок. Лесорубы уважали манси за честность, немногословие. Его даже побаивались. Была в нем какая-то тайна, внутренняя сила. Он не пил, не курил, не маюгался, зато стрелял и кидал нож без промаха. Тайга была его родным домом. Километрах в 20 от вахтового поселка выше по течению реки жили его родители, братья и сестры. Иногда он уходил на моторке вверх по реке, чтобы отвезти семье муку, сахар и другие продукты. Их семья держала около десятка собак — лаек. Тут были и бельчатницы, и птичницы, и зверовые, и самая ценная — соболятница. Все, как на подбор, — рослые, сильные, с хорошей чистой шерстью. Но среди всех выделялся своей статью, окрасом и особым собачьим шармом красавец-кобель Паль. Это был высокий, сильный и очень смелый пес. Он один останавливал и держал лося, в критический момент «сажал» медведя, вцепившись ему в причинное место, с ним было надежно в тайге. Он был любимцем. И вот этого красавца-пса, баловня собачьей судьбы манси привел в вахтовый поселок.

Был день отлета вахты на отдых. Стоял погожий сентябрьский день. В ожидании вертолета все сидели около крайнего вагончика, балагурия и хвастая друг перед другом ягодами, грибами, дичью, рыбой. Паль вызвал всеобщее восхищение. Походя задав трепку местным кобелям, Паль обходил один вагончик за другим, то и дело помечая границы своих новых владений. Стоял беспорядочный лай рассеянных по поселку собак, как бы жалующихся на свою незащищенность. Вахтовики с интересом наблюдали эти собачьи разборки, как вдруг кто-то вспомнил: «А где Чёрный?»

Все повернулись в сторону горки и увидели, как по склону спускался Чёрный. Он шел, хромая на переднюю ногу. Вот он обнюхал крайнюю метку, оставленную Палем, и шерсть на его седом загривке вздыбилась, в горле заклокотало, ноздри и губы судорожно подергивались, обнажив крупные желтые клыки. Грозно



рыча, он двинулся к Палю. А тот уже сам шел ему навстречу. Шерсть его тоже стояла дыбом от загривка до самого хвоста, закрученного в тугую спираль, глаза горели ненавистью, длинные, острые белые клыки были готовы к бою.

Чёрный не хотел затевать драку с этим молодым и сильным противником. Часто молодым псам достаточно было услышать звериный рык Чёрного, увидеть его страшную оскаленную морду, чтобы отступить без драки, но достойно. Отступи Паль перед грозно рычащим Чёрным — все закончилось бы миром, но Паль шел на Чёрного, наливаясь жаждой победы. Он еще не знал поражений в своей взрослой жизни. Зато Чёрный хорошо знал и то, и другое. Он недаром пожил на свете. Жизнь научила его побеждать любой ценой. Это закон собачьей стаи.

Они сходились медленно и напряженно, как в замедленном кино, и остановились в полуметре друг от друга. Если Паль был красив в своей ярости, то Чёрный — страшен. В молодом рычаньи Паля был вызов, нетерпение, дерзость, он даже повизгивал от возбуждения. В рычаньи Чёрного были предостережение и угроза. Глаза его налились огнем, рычанье значительно ниже по тональности, почти медвежье, в нем прорывались сильные звуки. Два больших сильных зверя, красивый и страшный, стояли рядом, гипнотизируя друг друга.

Но вот нервы Паля не выдержали и он первым бросился в схватку. Давно уже не было на его пути собаки, которую бы он не сбил с ног, как давно уже не было собаки, которая сбита бы с ног Чёрного. Они сшиблись плечом к плечу, и все закончилось поразительно быстро. Чёрный сбил Паля с ног, опрокинул на спину и впился зубами в шею. Несмотря на отчаянные попытки, Паль не мог встать на ноги. Чёрный держал его мертвой хваткой. Стоял сплошной рев. Сбежались и лаяли все собаки, кричали лесорубы. Дело принимало трагический оборот. Чёрный душил Паля! Подбежавший манси схватил Чёрного за хвост и, яростно пиная, потащил его назад, но тот не отпускал жертву, не разжимал зубов. Уже и Паля тянули за хвост и так растащили дерущихся в разные стороны. Часть шкуры в ладонь величиной красным лоскутом свисала с шеи Паля, из раны хлестала кровь. Паль с трудом держался на ногах, его била крупная дрожь.

«Ну все! Я Чёрного замочу!» — пообещал манси. В Чёрного кидали камни и палки, он даже не огрызался. Побитый людьми, Чёрный ушел из поселка, но его уход был полон достоинства, будто все случившееся совершенно не заслуживало внимания. Он сделал то, что дол-

жен был сделать вожак.

Под вечер пришел вертолет и вахтовики улетели домой на неделю. В поселке остались охотник-манси и повар, который никогда отсюда не улетал. Что-то из его прошлой жизни не позволяло ему появляться на людях. Обычно он оставался в поселке, ходил с манси на охоту, рыбалку и был у манси в большом долгу. Это его — голодного и замерзающего, прошлой зимой нашел в тайге манси, привел в свою охотничью избушку, а по весне — в вахтовый поселок. Слово манси было для повара обязательным к исполнению. Даже в поселке повар редко появлялся на людях. Большую часть времени он проводил в тайге или в своем закутке, примыкавшем к столовой. Общался он только с манси, а больше — с Чёрным. Повар всегда кормил Чёрного и был единственным человеком, к кому Чёрный относился с доверием.

Повар вышел из вагончика с ружьем в руках и направился в тайгу, поднимаясь в гору. Путь его проходил недалеко от лежанки Чёрного. Чёрный поднял голову и следил за человеком. Вот повар поднял ружье и почти в упор прицелился в Чёрного. Чёрный не побежал, он даже не встал на ноги. Он хорошо знал, что такое ружье, знал его сокрушительную, дьявольскую силу. Много раз за свою жизнь он видел, как после выстрела валились с ног могучие лоси, как рвали когтями землю в предсмертной агонии медведи. Чёрный понимал смертельную опасность в упор глядящего на него ружья, но это ружье было в руках его друга-повара. Будь на месте повара другой человек, Чёрный, понимая, что тут уже не убежать, наверное бросился бы на него. Да он просто не подпустил бы другого так близко. Из всех людей Чёрный стал бы защищать только повара, он бился бы за него насмерть, если бы тому угрожала опасность. Наверное, Чёрный не верил, что повар будет стрелять в него, и поэтому даже не попытался встать на ноги. А, может быть, он все понял и не захотел больше бороться за свою старую израненную шкуру. Вся его собачья жизнь была уже позади, и сегодня был его последний...

Грохнул выстрел, и головы у Чёрного не стало, будто плотная стая багровой мошкары взвилась и рассеялась в закатных лучах солнца. Повар завел бульдозер, его лопатой свалил собачье тело в глубокую колею от гусениц вездехода, завалил таежной глиной и несколько раз проехал на бульдозере по этому месту. Он заглушил бульдозер, взял ружье и пошел обратно в поселок, куда из тайги уже спешили охотники-манси. У повара поспело две фляги браги. Предстоял большой пир и торг.



Ведущие рубрики международный мастер Людмила САУНИНА
и кандидат в мастера Эдуард МОЛЧАНОВ

В СРАЖЕНИЯХ ШАХМАТНЫХ ФЕЙ ИЛИ «ЗНАЙ НАШИХ!»

В одном из предыдущих номеров журнала рассказывалось о замечательной шахматистке, неоднократной чемпионке страны Валентине Михайловне Борисенко. В свое время она жила в нашем городе. Ее выступления в турнирах претенденток на мировую шахматную корону пришлось как раз на уральский период.

Позднее, когда и в женских шахматах учредили звание международного гроссмейстера, оно было по сумме предыдущих достижений присвоено и Валентине Михайловне. К сожалению, (а произош-

ло это в 70-е годы) поколение шахматисток, к которому относится Борисенко, уступило место молодым. Впрочем, смена поколений — в спорте закономерное явление.

Легендарная богиня Каисса выбирает шахматных фей, обходясь без бюрократических церемоний и машины голосования.

Эстафету Валентины Борисенко наследовала Людмила Саунина, признанный лидер шахматисток нашего края. Знаменитых достижений она добилась еще в годы учебы, в бытность студенткой



Этот снимок запечатлел одну из памятных партий уральской шахматистки. В 1980 году в Ростове на Дону в соревнованиях на кубок СССР она встретилась с эксчемпионкой мира, выдающейся грузинской спортсменкой Нонной Гаприндашвили. В упорной борьбе Людмила Саунина одержала победу.



института народного хозяйства. На чемпионате страны в 1970 году, проходившем в городе Бельцы, Людмила выдержала боевое крещение и поделила 4-6 места. Для дебютантки — успех несомненный.

Выступления на международных турнирах в 1971 и 1973 годах в Иркутске и Воронеже принесли ей вторые места. Впереди была международный гроссмейстер В. Козловская. Экзамен на зрелость Людмила выдержала. Ей присвоили звание мастера спорта, а затем и международного мастера.

В журнале «Шахматы в СССР» появилась статья «Молодые шахматистки России», где отмечалось, что второй приз на международном турнире в Иркутске и золотая медаль в командном первенстве страны - несомненный успех уральской спортсменки.

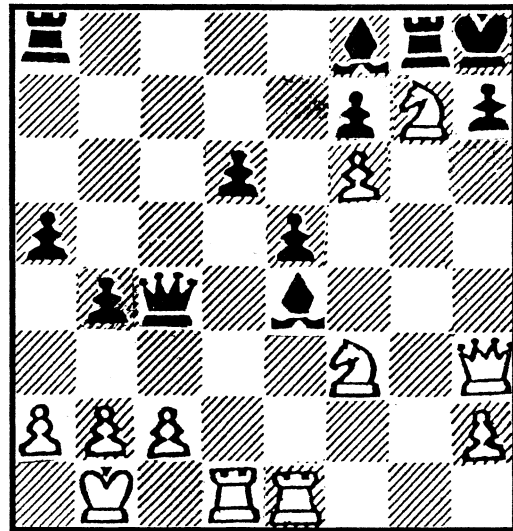
«Это первенство страны произвело большое впечатление на юную шахматистку. Люда внимательно следила за игрой ведущих гроссмейстеров и мастеров, набиралась «шахматного ума-разума». В 1972 году она стала чемпионкой России и вновь успешно выступила в финале первенства Советского Союза. На международном турнире в Воронеже Саунина была лидером в течение всего соревнования и только доигрывание партии перед последним туром лишило ее возможности претендовать на первое место. Партии, иггранные Людмилой в этом турнире, вызывали у зрителей большой интерес. Они были насыщены оригинальными, нешаблонными комбинациями и развивались очень остро». («Шахматы в СССР», №3, 1973). Далее в ведущем шахматном журнале страны приводились фрагменты партий уральской спортсменки.

С тех пор она выступала в десятках соревнований самого различного ранга, побеждала в международных турнирах в Польше, Германии, Болгарии, была чемпионкой Вооруженных сил, неоднократной чемпионкой России.

Тренер - методист детской юношеской специализированной школы олимпийского резерва Людмила Федоровна Саунина среди тех, кто проявляет заботу о росте юной шахматной смены; в газете «Вечерний Екатеринбург» она ведет один из самых популярных отделов - шахматный.

Приводим фрагмент творчества Л.Ф. Сауниной.

Эта партия была сыграна на международном женском турнире в Сочи в 1980 году. Соперницей Сауниной за доской была международный мастер Т. Чехова (Московская область). В сложной позиции уральская шахматистка, игравшая белыми, неожиданными комбинационными ударами завершает матовую атаку.



1.Л:е4! Ф:е4. Кg5 Фg6. 3.Ф:h7+! Черные сдались, так как после 3...Ф:h7 последует мат 4. К:i7x.

В предыдущей публикации «Шахматного пилигрима» (№ 10-12, 1998 г., стр. 139) была приведена позиция партии В. Борисенко (белые) с О. Рубцовой из чемпионата страны. Тогда уральская шахматистка одержала эффектную победу. Теперь мы приводим красивый точно рассчитанный вариант, решивший исход этого напряженного поединка:

40. e3-e4!! (форсирует прорыв белых фигур в лагерь противника)

40... d5:e4 (на 40... fe последовало бы 41. f5 Ф:f5 42. Фh6+! Кре8 43. Лg8+ Лf8 44. Л:f8 45. Фе6+).

41. Лg2-g8+, и черные сдались ввиду варианта 41... Кре7 42. Фh4+ Крд7 43. Лd1+ Rhc7 44. Л:d8 и т.д.



Борис ЕВСЕЕВ

НАУЧНОЕ КИНО УРАЛА ПОСЛЕДНИЙ ФИЛЬМ

*...Желанье вечное гнетет —
Травой хотя бы сохраниться,
Она весной прорастет
И к жизни присоединится.*

Г. Шпаликов

На проспекте Ленина историческое здание Свердловской киностудии прошлым летом элегантно, даже кокетливо обтянули сеточкой, чтобы в центре хорошеющего Екатеринбурга это распадное тление не лезло, не било в глаза. Самого кинематографа теперь на Урале нет, что не опровергают, не могут опровергнуть ни редкие переносимые фильмы, ни голословные оптимистические заявления. У кинематографистов остается только память — память о безвременно ушедшем времени, когда мы были нужны, когда мы были...

ПРИГЛАШЕНИЕ В СЧАСТЛИВОЕ ПРОШЛОЕ

Зимой 96-го, когда в застывавших монтажных еще теплились надежды, ко мне обратился режиссер Борис Григорьевич Урицкий:

— Ты не смог бы принять участие в завершении картины о моем Учителе?

Похоже, это был наш последний фильм. Надо сказать, я, сценарист неигрового кино, и режиссер Урицкий, оттрудились вместе годы и годы. Некоторые наши публицистические ленты вызвали даже кое-какой резонанс. Так, мы помним, как еще в 1981-м, в самый дурноцвет коммунистического застоя, наш двадцатиминутный «Иртыш» внимательнейше смотрели тогдашние руководители Омской,

Новосибирской, Тюменской областей и Алтайского края, в результате чего фильм вышел на центральные кинотелеэкраны. Это уже позже на защиту рек и озер набатно поднялись российские писатели.

Наверное, сегодня показывать тоже есть кому, да — нечего, ибо наша профессиональная работа стала для нас практически недостижимой. Даже вроде бы недорогой и нужный фильм «Урал, экология и здоровье», который мы уже несколько лет хотим, пытаемся сделать, не может получить необходимого финансового обеспечения нигде и ни от кого, а ведь наш злостный регион по совокупности техногенной и радиационной нагрузок не имеет равных в мире.



Разумеется, зимой 96-го я сразу, естественно, попросил:

— Расскажи мне о нем: я ведь уже не застал его.

— Ну, научно-популярный, научно-публицистический режиссер Александр Аркадьевич Литвинов — зачинатель этнографического направления в советском кинематографе, организатор и первый глава уральского отделения Союза кинематографистов... Пожалуй, его самая характерная черта состояла в том, что он всегда доверял молодым. В начале 60-х я работал его ассистентом, и мне обычно разрешалось действовать автономно, самостоятельно. Рядом со мной тогда был ныне покойный Саша Княжинский, впоследствии выдающийся оператор таких фильмов, как «Сталкер», «Из жизни отдыхающих», «Ты и я», «Подранки», «Я родом из детства». Мы вместе осваивали кино и наперегонки уговаривали девушек. Его ближайший друг Гена Шпаликов утащил Сашу с Урала. По соседству с нами уже делали свои маленькие и большие игровые ленты твой сверхпочитаемый Глеб Панфилов, Краснопольский и Усков, Карасик, Лапшин...

— Как смотрелся на таком фоне Литвинов?

— Ну, он всегда и везде выглядел одинаково — доброжелательно, скромно и боязливо. Словно у него были сломаны крылья.

ЗНАКОМСТВО С ГЕРОЕМ

Лапшин, Карасик, Усков, Краснопольский, Панфилов, Шпаликов, Княжинский, — знающим и любящим наше недавнее кино эти фамилии говорят многое и о многом. Но причем тут, простите, некий Литвинов? И кто он — добрый дядя-начальник или все-таки художник? Чем может быть интересен и значим наш фильм о нем? Любовные вопросы требовали незамедлительного ответа.

На отснятой киноплёнке рассказывал о Литвинове научный сотрудник российского Госфильмофонда киновед Владимир Юрьевич Дмитриев, и я приведу в сокращении этот рассказ:

«...В 1974 году мы получили неожиданное предложение от директора международного кинофестиваля в швейцарском городке Нионе

Морица Дегадена: представить ретроспективный показ наших лучших документальных и научно-популярных картин. То есть из огромного количества разноплановых лент нужно выбрать те, которые ярко и полно охарактеризовали бы развитие советского неигрового кинематографа. Естественно, что в их число вошли классические «Симфония Донбасса» Дзиги Вертова, «Падение династии Романовых» Эсфири Шуб, «Берлин» Юлия Райзмана. А затем — еще несколько, и среди них «Лесные люди» Александра Литвинова. Тогда про этот фильм и его создателя большинство даже не слышало.

Но и мы, признаюсь, не ожидали, что «Лесные люди» станут одной из сенсаций фестивала. Бесспорно, картина произвела очень большое впечатление ясностью и чистотой понимания этой высвеченной жизни, провозглашенным уважением к малому дальневосточному таежному народу. Литвинова тотчас начали сравнивать и объединять со знаменитым, всемирно знаменитым американцем Робертом Флаэрти, чьи фильмы «Нанук с Севера», «Человек из орлеана», «Луизианская история» давно признаны суперклассикой мирового кино.

Поверьте, все это было правомерно и справедливо. К своей чести, Литвинов не пожелал, не осмелился разукрашивать напридуманными завитушками бесхитростную и захватывающую жизнь своих героев, а занял позицию якобы совершенно бесстрастного комментатора, чувства которого, однако, бушуют в душе. И он не ставил перед собой никакой обязательной политической, идеологической задачи, что, мне кажется, оказалось принципиально важно.

Возьмем, к примеру, родственную незаурядную «Соль Сванетии» Михаила Калатозова (да, создавшего не только «Летят журавли» и «Неотправленное письмо»). Тут показаны жизнь и быт тоже малого народа — сванов, живущих в горной Грузии. Экран покоряет яркостью, образностью, почти физическим ощущением величия мира. Но как раз его, этот мир, картина призывает сломать, уничтожить, чтобы появилась более совершенная форма существования людей.



Сейчас очень остро стоит вопрос: а стоило ли вообще ломать, перекорректировать весь жизненный уклад многих народов бывшего Советского Союза?! Возможно, эта безжалостная ломка принесла им гораздо больше тоски, горя, отчаяния, нежели происходило бы в той жизни, которая была для них естественной, органичной. И заслугой Литвинова надо считать то, что почти 70 лет назад он, еще молодой человек, не разрешил себе давать правверный урок своим героям (мол, вы жили и живете неправильно), ибо уважал их прежде всего за их непохожесть, своеобычность.

Уникальность каждого отдельно взятого народа, каждой отдельно взятой культуры, каждого отдельно взятого человека — пафос всего мирового, и именно этот пафос исповедуют литвиновские «Лесные люди».

После Иона фильм полноправно вошел в контекст истории мирового кино и побывал во многих странах. Заказы на него поступают к нам до сих пор...»

Итак, за въевшейся маской таилось лицо, таилась Личность.

Да, как любили оповещать нас когда-то, заслуженная награда все-таки нашла своего героя, что случилось, свершилось за три года до кончины Литвинова, когда он уже давно не садился за монтажный стол.

Впрочем, кто знает, каким бы стал, например, тот же светлоталантливый кинодраматург Геннадий Шпаликов (автор «Я шагаю по Москве», и «Я родом из детства», и «Ты и я», и «Пой песню, поэт», и «Долгой счастливой жизни»), убивший себя в 37 лет!

Дано то, что отпущено.

СВОЙ ПУТЬ

Кинематографический дебют Литвинова состоялся еще в 1918-м. Один из последних закатных лучей дореволюционного, досоветского кино краешком коснулся и зацепил двадцатилетнего юношу: знаменитейший русский киноактер Иван Мозжухин подвинул его на создание киносценария по переводному английскому роману «Член парламента», а поставил картину сам Яков Протазанов...

Потом были киностудии Баку, Петрограда

и Москвы. В качестве ассистента оператора Литвинову довелось участвовать даже в съемках живого Ленина.

Видно, Литвинов в молодости легко, распахнуто сближался с людьми, но особое значение для него обрели сотрудничество и дружба с Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым, первоисследователем Дальнего Востока, перу которого принадлежит хрестоматийная книга «Дерсу Узала» (это по ней уже в 70-е годы японский режиссер Акира Куросава сделал высококлассный игровой одноименный фильм).

Поводом для знакомства стал заголовок в московской газете — «Племя, заблудившееся в веках», и в начале 1928-го работники фабрики «Совкино» режиссер Александр Литвинов и оператор Павел Мершин отправились, ринулись на Дальний Восток, чтобы во что бы то ни стало разыскать такое племя. Конечно, тут лучше всех мог помочь Арсеньев.

Правда, сам он поначалу был по меньшей мере удивлен: «Это вы — в тайгу?! В шевиятовских костюмчиках? В ботинках?.. Эх вы — москвичи!..» Однако, убедившись в серьезности и настырности «совкиношников», Арсеньев лично разработал для них таежный маршрут, определил вместе с ними сценарий желательных съемок и дал им своего постоянного проводника Сунцая Геонку, с которым таежничал после смерти легендарного Дерсу.

В апреле киноэкспедиция наконец-то двинулась из Владивостока непосредственно к цели. Да, возиться с многочисленными ящиками и тюками было донельзя хлопотно и тяжело, однако Литвинов и Мершин не раз благодарно вспоминали строгое наставление Арсеньева: «На месяц идешь в тайгу — месяц готовься, на год идешь — год готовься».

Они уходили на три месяца, и на три месяца прерывалась для них вся связь с привычным миром. Арсеньев предложил снимать фильм (тогда говорили — «фильму») о живущих в самых джунглях могучего Сихотэ-Алинского таежного массива удэгейцах — «лесных людях», образ жизни которых не изменялся, наверное, тысячи лет. Туда нужно было добираться по своему правному притокам Амура-батюшки, через



всевозможные завалы и перевалы, сквозь девственный лес.

Стрекот кинокамеры уж точно звучал там впервые, и Мершин жадно вел кинодневник небывалого путешествия.

А Сунцаю Геонке принадлежали все бесхитростные хитрости: так, чтобы снимать медведей, обмазывали ветки медом...

Дневник «В дебрях Уссурийского края» затем отдельно показывали в кинотеатрах (во Владивостоке очереди устанавливались накануне). Но это было только своеобразной эффектной приступочкой к фильму «Лесные люди», то есть к главному делу и творческой вершине кинематографиста Литвинова, что станет понятно, однако, нескоро.

Хотя еще тогда, в 29-30-х годах, лента об удэгейцах впервые была отпущена за рубеж (естественно, как одно из свидетельств достижений новой власти) и получила достаточно лестные отзывы прессы (например, «Эта фильма продукции «Совкино» — большой социологической ценности и от начала до конца интересна», — считала газета «Манчестер гардиан», а журнал «Клоуз ап» вопрошал: «Почему у нас не снимают таких потрясающих по правдивости фильмов?»).

И основное: узнав от Сунцаю Геонки о том, что эти русские — друзья самого Арсеньева, лесные люди позволили им запечатлеть даже священные ритуалы. А Литвинов и Мершин были в своих действиях необходимо тактичны. В итоге фильм не вызвал нареканий ни у кого. Арсеньев и уполномоченный «Главнауки» по Дальнему Востоку Н. Билибин являлись инициаторами следующего путешествия: через три месяца после выпуска фильма «Лесные люди» его творцы уехали, отбыли на Камчатку. И теперь уже без малого полтора года (фантастическая командировка!) Литвинов и Мершин на морских судах и туземных лодках, на лошадях, оленях и собаках осваивали, познавали новую съемочную территорию.

Из 16-ти тысяч метров отснятой пленки были смонтированы четыре картины — «Неведомая земля», «Таинственный полуостров», «Тумгу» (о коренных камчадалах — коряках) и «Оленные всадники» (о другом тамошнем малом на-

роде — ламутах), однако — вместо, казалось бы, запрограммированного успеха — их, этих фильмов, потом даже не оказалось в первом Кинословаре, вышедшем из печати в середине 60-х.

В сценарии «Его дальняя дорога» кинодраматург Розин объясняет: «На Камчатке ему, Литвинову, удалось снять такой материал, какой показывать на экране уже никто не отваживался. К примеру, обряд кремации покойников, которому сопутствовала коллективная священнодейственная пантомима. Или кровавые жертвоприношения лучших ездовых собак в дар богам... Ну как же: дикость, отсталость, первобытный строй!.. От таких восклицианий наш этнографический кинематограф, уверенно начавшийся, тут же оробел, растерялся, съежился...»

Нет, сам кинематографист пока и не думал сдаваться: он со своей темой лишь перебазировался в игровое кино, где сумел сохранить даже свою площадку для съемок — весь Дальний Восток. Наверное, это была именно его земля. Ведь каждый из нас в разных местах ощущает себя по-разному.

Только вот иная киноспецифика давалась трудно. Так, первые два фильма, «Джоу» и «Хочу жить», остались известны, можно сказать, лишь потому, что были сняты на Чукотке. Зато «Хижина старого Лувена» явилась предметом подробных разборов для нескольких поколений киноведа. Большой писатель Михаил Михайлович Пришвин — кстати, автор надписей к литвиновским несчастным камчатским лентам (звук тогда еще не пришел) — написал специально для режиссера сценарий по своей повести «Корень жизни» («Женьшень»), но тонкая поэтичная философская проза не покорила экрану (вообще-то, подобных примеров предостаточно). Ту картину в целом признали тоже неудачной, хотя многих восхищала исполнительница главной роли Хильда Еннингс, немецкая эмигрантка.

Ее муж Михаил Дубсон — сценарист следующего и последнего литвиновского художественного фильма «Девушка с Камчатки».

Это не было очередным творческим поражением: на режиссера, которому еще не ис-



полнилось 40 лет, обрушилось нечто куда более сложное и страшное...

СЛОМАННЫЕ КРЫЛЬЯ

А сама картина была популярна у зрителей. В 38-м советские летчицы Валентина Гризодубова, Полина Осипенко и Марина Раскова совершали рекордный беспосадочный перелет через всю страну, и как раз уже на Дальнем Востоке самолет «Родина» потерпел аварию. Потом штурман прославленного экипажа Раскова во всеуслышание говорила: «...Ухватишься за кочку — а она погружается вместе с тобой в воду. Я вспоминаю кадр из нашего превосходного фильма «Девушка с камчатки» и действую так, как действовала героиня этого фильма. С большим трудом мне удалось выбраться из тайги...»

В то время такое могло послужить защитой.

Но еще в 37-м Литвинов бесслышно покинул Москву, и это бегство, возможно, спасло его: среди арестованных «врагов народа» оказались и Хильда Еннингс, и Михаил Дубсон, и многие, многие другие (а ведь Литвинов привык общаться с людьми распахнуто).

Никто не помнит, чтобы он хоть как-то, хоть вскользь упоминал о том времени.

— Ну, Княжинский за глаза называл его «человеком в футляре» или просто «футляром»... — свидетельствовал Урицкий. — По-моему, он пугался даже собственной тени. Мы подшучивали над ним («Александр Аркадьевич, давайте на период монтажа запереть ваш футляр в шкаф!» — «Какой футляр, ребяташки?..»), и только сейчас я до сердечного спазма понимаю: Боже, ведь это была драма, беда!

Похоже, он, Литвинов, заслуженный деятель искусств РСФСР, безвыходно продолжал жить в том времени уже до конца.

Для жительства сразу был избран почти неизвестный Новосибирск (срединная точка между Москвой и Дальним Востоком), где была работала маленькая киностудия «Сибтехфильм».

Уже в 39-м режиссеру Литвинову «доверили ответственное задание» — создание фильма «Советская Якутия». Но создавал-то эту картину, это «кумачевое полотно» теперь прин-

ципально иной человек, который неостановимо дрожащими руками предварительно очистил экран от всего, что привлекало и привлекает в предшествующих лентах. Перечисленно и натужливо была восславлена только счастливая новь, принесенная советской властью.

Замечательный писатель Михаил Михайлович Зоценко, отстрадавший свое, сказал горько, точно и отрубаяюще: «Писатель с перепуганной душой — это потеря квалификации».

И очевидно, что с кинематографистом Литвиновым случилось подобное (Господи, да разве только с ним!). Взамен, естественно, увеличилось робость, послушность, старательность: надо было как-никак выживать...

В годы войны Литвинов и его коллеги производили оборонные киноплакаты и учебно-инструктивные фильмы.

Однако и бывлые, недавние киноленты понад обретенной своей землей все-таки не уходили из сознания. Вскоре после окончания войны Литвинов осмелился добиться разрешения на то, чтобы вновь отправиться на Дальний Восток, и не абы куда — а к удэгейцам, откуда когда-то, уже 20 лет назад, был взят успешный старт. Правда, рядом с ним теперь не оказалось ни погибшего на фронте Мершина, ни давно умершего Арсеньева... Что могло дать кинематографисту это одинокое путешествие в прошлое?!

*— По несчастью или к счастью,
Истина проста:
Никогда не возвращайся
В прежние места.
Даже если пепелище
Выглядит вполне, —
Не найти того, что ищем,
Ни тебе, ни мне.
Путешествие в обратно
Я бы запретил... —*

отчаянно, безнадежно выкрикнул-прошептал о себе и о всех Геннадий Шпаликов, метавшийся в начале 70-х в поисках стержня для немевшей и рассыпавшейся жизни.

Так и тут восстановить «сломанные крылья» не удалось, не получилось. Фильм «Удэге» —



это продолжение «Советской Якутии», но — не «Лесных людей» (а их, самих лесных людей общей численностью в тысячу с немногим, даже наряжали для съемок в чужеродные гимнастерки с боевыми медалями, что было уже абсурдом, бредом). Утекла былая живая вода.

Конечно, оставались донные признательность и любовь ко всему Дальнему Востоку, вследствие чего уже в 57-м Литвинов сделал еще одну ленту — «По дорогам Приморья», но в ней, увы, напрочь отсутствует личное и личностное авторское отношение к показываемому, что не выделяет ее из бесчисленных советских кинорапортов о всевозможных достижениях и победах. Другие кинематографисты чуть хуже, либо чуть лучше снимали подобное в других областях, краях и республиках гигантской страны. Это было ремесленничеством остуженных душ и сердец...

— Ну, в мою бытность он работал постоянно, из картины в картину, и картин создано им немало. Может быть, ему следовало временно отойти, отодвинуться от режиссуры, чтоб снова набрать израсходованную энергию. «Лесными людьми» Александр Аркадьевич сразу как бы водрузил себя на пьедестал, а затем — неудачи, крушение, война... — попытался размышлять Урицкий, но быстро подытожил: — Что теперь в ступе воду толочь, окунешься в кино — из кино по своей воле уже не уйдешь!

— Нам-то сегодня и уходить ниоткуда и некуда, — невесело усмехнулся я.

— Этой власти мы не нужны, — охотно согласился Урицкий. — Лишь несколько сумасшедших дней в конце августа 91-го, когда единственным святым местом для нас в Москве был российский Белый дом, она казалась мне родной, и я, как ты помнишь, очищаю-

ще плакал на грандиозных похоронах трех парней, отдавших свои жизни ради нее. Жаль, очень жаль, что бездарно пропадает наша кинолента о тех событиях, о том много обещавшем времени.

ИТОГ

Еще в 48-м новосибирские кинематографисты Александр Аркадьевич Литвинов, Леонид Иванович Рымаренко, Вера Елисеевна Волянская, Галина Михайловна Тургенева, Лидия Павловна Пляцкая, Алла Владиславовна Меницкая, Хаим Аббович Лобер и другие переселились в наш бывший Свердловск, где на этой основе выросло и окрепло научное и учебное кино, принесшее кинематографу Урала самое большое количество отечественных и зарубежных наград.

Юбилей, однако, незавиден, безрадостен и безжалостен.

— Как ни болела, а видно — умерла... — сокрушенно, беспомощно констатировал Урицкий. — Это поминки по усопшему, убитому делу, которому я отдал ровно 40 лет. Больно, обидно, стыдно!

В 95-м он, заслуженный деятель искусств РФ, вопреки противодействию руководства киностудии возглавил это творческо-производственное объединение и подготовил десятки заявок на актуальные публицистические и научно-популярные фильмы («Урал, экология и здоровье» — один из них), однако, по сути, лишь «Александр Литвинов» дошел, добрал до экрана поминальным символом.

А самому Александру Аркадьевичу Литвинову в 98-м исполнилось бы 100 лет, и я смотрю на его портрет в Уральском отделении Союза кинематографистов с пониманием, уважением, сочувствием и завистью...



Ольга КОЛОТОВА

ПИРАТЫ ГАТТИЛУЗИО

6 августа 1384 года остров Лесбос, лежащий у западного побережья Малой Азии, постигла внезапная катастрофа. Ранним утром, когда островитяне, вероятно, еще досматривали сны, с востока напозла зловещая темная туча. Поднялся ураганный ветер, от которого башни замка дрожали, словно деревья. Затем последовал ряд подземных толчков, разрушивших большую часть города Митилены, столицы острова. Рухнула и мощная крепость, защищавшая его от турецких набегов.

В числе погибших оказался и правитель Лесбоса, генуэзец Франческо Гаттилузио, зять византийского императора. Это был властелин, чей флот приводил в трепет турок, пират и авантюрист. «Он, — повествует краткая хроника Лесбоса, — был погребен под руинами крепости, которую сам воздвиг огромной высоты и несравненной красоты. С большим трудом нашли его тело, раздавленное камнями. Он был затем похоронен в церкви, которую сам построил и посвятил св. Иоанну Крестителю, в могиле, изготовленной по его приказу. Вместе с ним были похоронены два его сына, раздавленные тем же землетрясением: первый по имени Андроник, второй — Доменико».

Да, парадокс судьбы заключался в том, что возводя сильную крепость, правитель тем самым готовил могилу для себя и своих сыновей. Незадолго до катастрофы он позаботился о том, чтобы подыскать им достойных невест. Но теперь девушки «услышали похоронные песни вместо свадебных гимнов, а вместо лиц своих будущих супругов увидели их тела».

В течение тридцати лет Франческо Гатти-

лузио правил островом. Он происходил из знатной и богатой генуэзской семьи. Но, как и многие его соотечественники-итальянцы, лучшие моряки и торговцы средневековья, начал свою карьеру искателем удачи. На этом пути одних ждала слава и почести, других — тюрьма или виселица. Храбрость, предприимчивость, беспринципность — вот что нужно было для достижения успеха. Разумеется, еще требовалась и благосклонность капризной богини Фортуны, потому что любому, даже самому отважному герою, лучше оказаться в нужный момент в нужном месте.

Судьба улыбнулась Франческо. В 1354 году две его вооруженные галеры, бороздившие Эгейское море в поисках добычи и приключений, зашли в порт на острове Тенедос, который был тогда временным пристанищем византийского императора Иоанна V Палеолога, сражавшегося за возвращение трона с узурпатором Иоанном Кантакузином. Молодой император и генуэзский авантюрист быстро пришли к соглашению: в обмен за помощь в отвоевывании престола Иоанн V обещал пирату руку своей сестры Марии и остров Лесбос в качестве приданого.

В темную, штормовую ноябрьскую ночь заговорщики проникли в Константинополь. Для этого Гаттилузио возвел на своей галере надстройки и притворился хозяином безобидного торгового судна, которому угрожает кораблекрушение. Ему позволили войти в гавань. Но едва Гаттилузио сошел на берег, как тотчас же поднял крик, что в столицу вернулся законный император. Новость быстро распрост-



ранилась. На рассвете улицы заполнились сторонниками Иоанна V. Они выражали свою радость грабежом домов, принадлежащих друзьям и родственникам Кантакузина. Осажденный в своем дворце, Иоанн Кантакузин вынужден был пойти на переговоры, а затем отречься от престола и постричься в монахи. После этих бурных событий Франческо Гаттилузио обвенчался с сестрой Иоанна V Марией и вместе с ней прибыл на Лесбос, взяв в свои руки управление островом.

Вскоре он выпустил собственную медную монету, потом занялся подделкой венецианского золотого дуката, за что по просьбе Венеции ему сделало выговор генуэзское правительство. На море он остался таким же разбойником, каким был и раньше. Папа римский Иннокентий VI жаловался генуэзцам на «отвратительное пиратство» их соотечественника, которое тот совершал даже против христиан. Видимо, такие прегрешения все же прощались бывшему искателю приключений, ведь Рим рассматривал Гаттилузио как оплот против постоянно возрастающего турецкого могущества: Лесбос обладал мощным флотом.

Землетрясение оборвало жизнь Франческо. Однако род Гаттилузио не пресекся. Третий, младший сын владельца Митилены — Якопо, благодаря счастливой случайности, остался в живых. Краткая хроника Лесбоса так передает чудесную историю его спасения: «Он также спал в одной башне вместе со своими братьями, но божественной силой был сохра-

нен невредимым от землетрясения. Он был схвачен, как говорили, за волосы и брошен у ветряной мельницы вблизи жилища человека по имени Кунетос, и был найден его женой Каледонией».

Взяв в свои руки бразды правления островом под именем Франческо II, «чудом спасенный» новый владелец Митилены продолжил семейные пиратские традиции. В 1398 году корабли с Лесбоса атаковали торговцев принадлежавшего Венеции острова Крит.

Нападения на венецианские торговые суда не прекратились и при преемнике Франческо II Якопо. Если венецианцам, извечным торговым противникам генуэзцев, приходилось опасаться разбойничьих кораблей с Лесбоса, то соотечественники всегда находили помощь и поддержку Гаттилузио, в том числе и против пиратов.

Гаттилузио правили Лесбосом до 1462 года, когда остров перешел под власть турок. Любопытно, что знаменитые средиземноморские корсары братья Арудж и Хайрадин Барбаросса происходили именно с Митилены. Их отцом был грек Якуб, гончар по профессии, переселившийся на остров незадолго до его завоевания турками. Вслед за этим он принял ислам и вместе со своими четырьмя сыновьями занялся морским разбоем. Но дерзкие предприятия Аруджа и Хайрадина относятся уже к другой эпохе в истории средиземноморского пиратства — эпохе морского господства турок.



Павел Петрович Бажов на Азов-горе.

Из архива Владимира Евгеньевича Бажова, внука П.П. Бажова.



**«Апостолы Варфоломей, Иоанн Богослов и Иаков»
Невьянская икона из апостольского ряда. 1885 год.**

НЕВЬЯНСКАЯ ИКОНА

Размеры каждой иконы где-то 63х53 см. Основа ее традиционна для невянских древоделов — сосна. Поля и фон покрыты листовым (сусальным) золотом. Краски темперные, очень тонко тертые, хорошего качества. Живопись сохранилась достаточно хорошо. Фигуры, по три на каждой иконе, изображены в разнообразных позах на фоне типично невянского пейзажа с покатыми разноцветными горками. Некоторые вершины — белильные (снежные). Деревца, корешки, травки, кустики, округлые камушки, елочки и сосенки — все эти детали — атрибуты невянского письма. Нельзя не отметить, что все иконы колористически выглядят весьма эффектно. Эффектность определяет яркость апостольских одежд: алых, малиновых, зеленых, бордовых, которые в сочетании с розовыми, снежно-белыми, ярко-голубыми, светло-зелеными, сочно-желтыми оттенками горок создают радостную цветовую гамму, настраивая зрителя на праздничность, «веселение духа».

Слайды на 1-й и 4-й страницах обложки Игоря Подвысоцкого.